

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

КОНАН

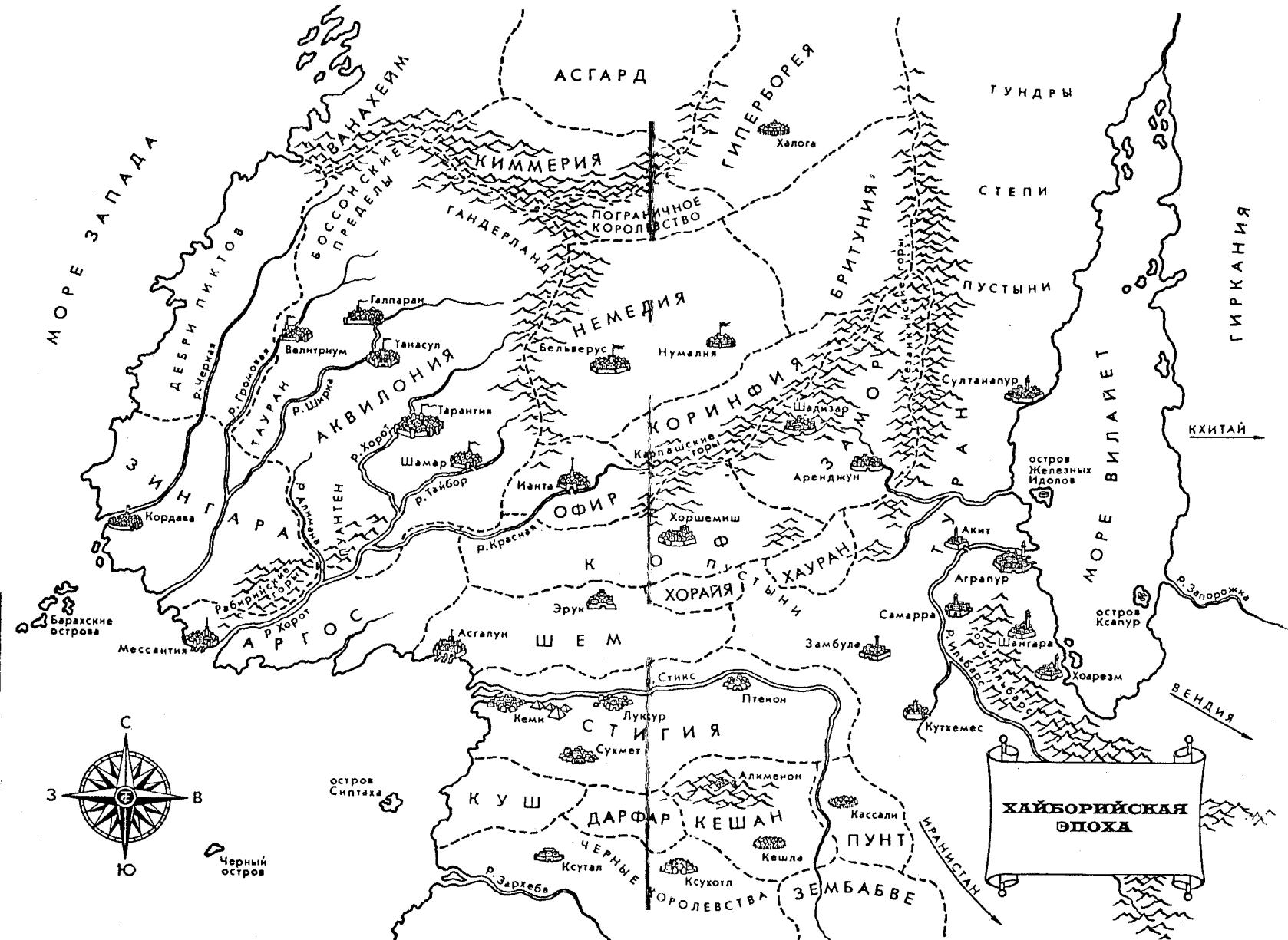
Шон Мур

ИДЕТ
ПО СЛЕДУ

“Восхитительное
новое приключение,
оригинальный сюжет
романа. Читается
“мечателено.”

Л. Спраг д'Аламп

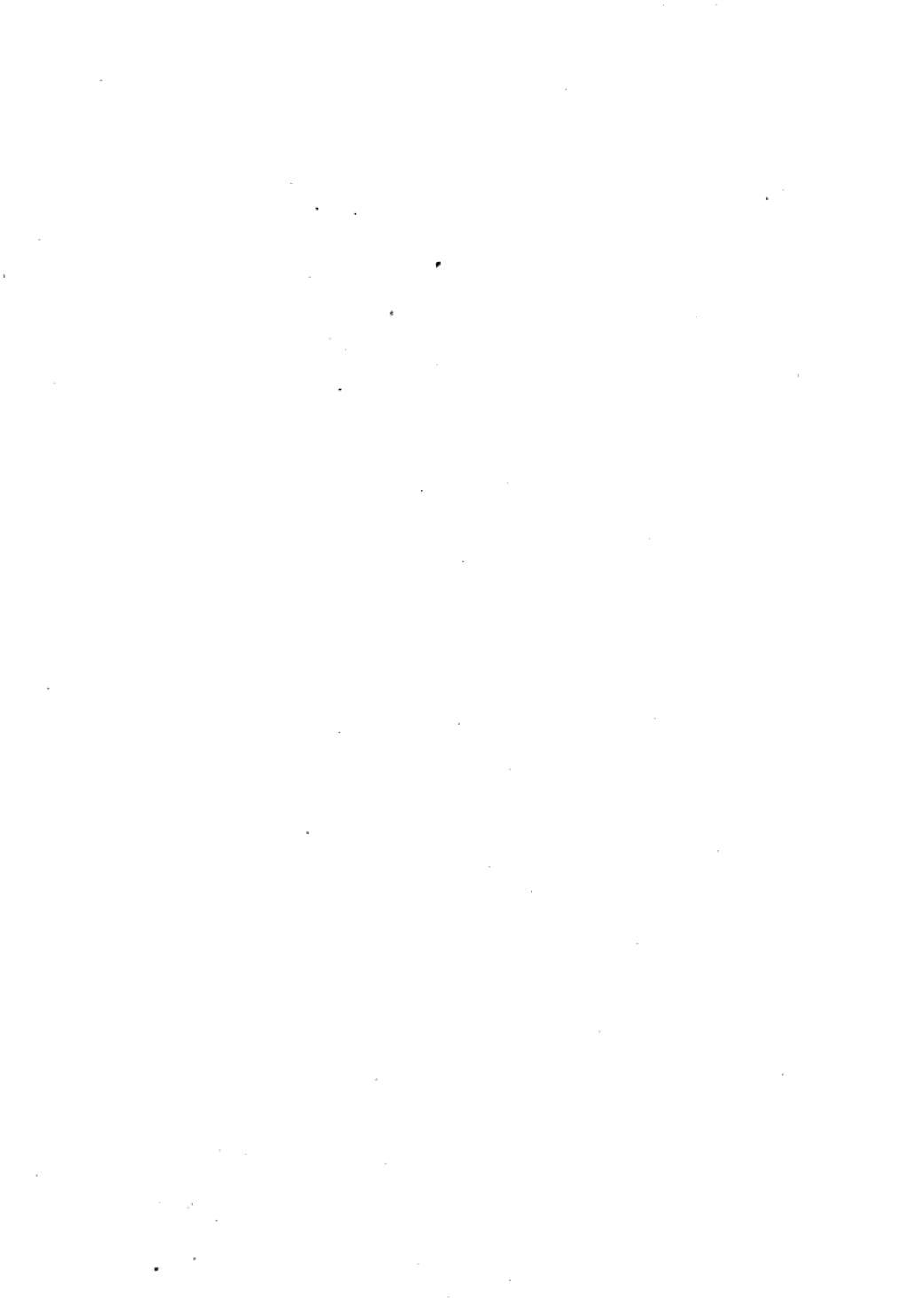

ОН ВЕРНУЛСЯ !

Издательство "Азбука" продолжает
знаменитый сериал о варваре по имени

КОНАН

Уважаемый Читатель!

У Вас в руках первая книга из нового сериала о варваре по имени Конан. Книга эта вышла в новом издательстве, но Вы наверняка знакомы с теми, кто выпустил ее в свет.

Это творческий коллектив, который готовил книги о Конане для одного известного в прошлом петербургского издательства.

Теперь мы ушли, и Конан ушел вместе с нами.

Для удобства чтения в новом сериале мы сохраняем ставшие привычными имена героев и топонимы Хайбории.

К сожалению, мы вынуждены изменить формат. Надеемся, что это не доставит Вам неудобств.

Наоборот, теперь у Вас будет "Конан", который помещается в кармане.

Мы понимаем, что перемена формата особенно огорчителяна для коллекционеров. Надеемся, их утешит то, что "малый Конан" будет выходить гораздо чаще, чем прежний, "большой".

Мы планируем выпускать по три книги в месяц.

Впервые в России нами приобретены исключительные права на публикацию сериала.

Это значит, что Вас ждет встреча с самыми лучшими романами, включая те, которые еще только пишутся.

У нас есть возможность показать сериал в развитии: от Говарда и Спрэга де Кампа до авторов-дебютантов.

Желаем приятного чтения!

Издательство "Азбука"

Шон Мур

КОНАН

ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
Санкт-Петербург
1995

**ББК 84.7 США
M91**

Sean A. Moore. Conan the Huter.

Copyright © 1994 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Перевод Гали Трубицыной.

ISBN 5-300-00051-5

© «Терра»—«Азбука», 1995

ПРОЛОГ

...Жуткая тишина, царившая в скучно освещенном покое, была сродни густому туману в безлунной темной ночи. Трепетные огоньки свечей озаряли массивный, черный как смоль алтарь, довлевший надо всем в комнате. Перед алтарем, на полу, стояла коленопреклоненная женщина. Ее алебастро-белую кожу резко оттеняли угольно-черные волосы и темно-малиновые одеяния. Глаза женщины багрово светились, точно угли в жаровне, но блестящие зрачки были по-змеиному холодны. Тонкие пальцы с черными ногтями откинули капюшон... Лицо женщины было неотразимо прекрасно и в то же время дышало злом, подобного которому человеческий рассудок просто не мог вместить. Влекущая красота, необъятное могущество — и хладнокровная решимость! Вот каково было это лицо.

Зловещий алтарь сплошь покрывали таинственные натеки. Гуще всего они были на плоском круглом верху, к основанию — редели. Один натек был совсем свежим и влажно блестел в неверном блеске свечей. С алтаря во все стороны разбегались ручейки, собирающиеся лужицами на полу. В покое явственно ощущалось присутствие смерти.

Тяжелая бронзовая дверь заскрипела, поворачиваясь, и приоткрылась внутрь комнаты. За дверью

виднелся темный коридор, устланный густым мягким ковром. Отблеск свечей пал на высокого худого человека, стоявшего на пороге. Его голова была совершенно голой, если не считать едва заметного намека на седую бородку. Бледную кожу иссекли бесчисленные морщины. В левой руке он держал кольцо с ключами, правая лежала на резной деревянной ручке двери. Отпустив ее, человек преклонил колени там же, где стоял, — на пороге, — и почтительно потупился. Когда он заговорил, голос у него оказался мелодичным и тонким, а вкрадчивость тона вполне соответствовала шелковым бледно-голубым одеяниям:

— О высокочтимая жрица Азора, тебе было угодно позвать меня, и я пришел.

Женщина медленно поднялась с пола и повернулась в сторону двери. Взгляд, обращенный на вошедшего, дышал плохо скрытым презрением.

— А, это ты, Ламици... Скоро, уже совсем скоро я завершу последний обряд. И тогда я щедро награжу тебя, евнух.

Она выделила голосом последнее слово, как бы для того, чтобы лишний раз напомнить ему о его положении. Голос у Азоры был глубокий и звучный. Он наполнил все пространство чертога и вызвал едва заметное эхо.

Кивком головы она указала евнуху на алтарь:

— Можешь забирать эту падаль.

— Сейчас, о высокочтимая жрица.

Ненадолго отступив в коридор, Ламици вернулся с большим кожаным мешком. Он помешкал, с очевидным отвращением глядя на алтарь. Азора наблюдала за ним, забавляясь. «*Слабак, трус и глупец*»,

neц!» — думалось ей. Словно почувствовав это, евнух решительно подошел к алтарю и потянулся вверх.

С потолка вверх ногами свисало обнаженное тело некогда прекрасной молодой женщины... Ржавые кандалы безжалостно стискивали нежные лодыжки. Тяжелые цепи тянулись к толстым кольцам, вделанным в потолок. Длинные золотые волосы молодой женщины свисали вниз, почти касаясь залитой кровью поверхности алтаря. На тонких запястьях поблескивали серебряные браслеты, украшенные самоцветами, с шеи свешивалась сверкающая серебряная цепочка. На теле не было заметно никаких признаков насилиственной смерти, — и это при том, что по полу лужами растекалась кровь. Кожа мертвой отливала жуткой, бескровной белизной. Рот и глаза были широко распахнуты, навсегда сохранив выражение невыносимого ужаса...

Ламици натянул на безжизненное тело свой мешок. Он тщательно избегал соприкосновения с кровавыми пятнами на алтаре и полу. Завязки мешка сомкнулись чуть повыше изящных лодыжек. Взяв жертву за ногу, евнух достал ключ и отомкнул кандалы. А потом, выказывая неожиданную силу, взвалил мешок на плечо и вынес его в корridor. И тщательно притворил за собой толстую бронзовую дверь.

Вновь повернувшись к алтарю, Азора закрыла глаза, вытянула перед собой руки и завела медленную, ритмичную песнь. С ее губ слетали слова языка, который был древен еще во времена затопления Атлантиды. Повинуясь им, свечи ярко вспыхнули багровым огнем. Кровавые лужи на полу пришли в

движение и ручейками потекли к жрице. Руки с черными ногтями вобрали в себя этот страшный поток. Когда он иссяк, завершилась и песнь. Огоньки свечей вновь обрели свой обычный желтоватый цвет.

Азора открыла глаза и отступила от алтаря. Она чувствовала, как новая энергия растекается по ее телу. Ее мысли, ее рефлексы и так уже были гораздо острей, чем у любого из смертных. Скоро, скоро она обретет достаточно силы, чтобы привести в действие древние заклинания! А к следующему полнолунию дойдет черед и до последнего ритуала. С самой юности Азора внимательно изучала пухлые фолианты, сохранившиеся еще со времен змеевидных Зурии. Глупцы верили, будто эти колдовские книги давным-давно погибли либо пропали. На самом же деле они сохранились и сберегли могущественные чары, способные продлить жизнь и подарить неограниченную власть над смертными...

Азора жаждала власти. Власти, достаточной, чтобы подчинить своей воле могущественнейших земных королей. Скоро, о, совсем скоро сильные мира сего станут побитыми псами ползать у ее ног!.. Ее судьба — сделаться равной величайшим зурийским жрицам былых времен. Ибо она была *мутари*, то есть сверхчеловеком.

Она предвкушающее улыбнулась, обнажая в улыбке кошмарные ряды по-змеиному загнутых, бритвенно-острых черных зубов...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИСШЕСТВИЕ В «ЭФЕСЕ»

В кольце защитных стен города Пайрогии, столицы Королевства Бритуния, бурным ключом была ночная жизнь. Толпы белокожих, светловолосых бритунийцев заполняли улицы и площади. Одни делали свою работу, другие искали развлечений. Из многочисленных таверн то и дело вываливались на узкие улочки группки хохочущих кезанкийских горцев. Суровые воины городской стражи с неодобрением посматривали на шумных выпивох, но трогать не трогали. Эльдран, король Бритунии, сам был по происхождению кезанкийцем. Вряд ли он придет в особый восторг, если ему сообщат, что городская стража обижала его земляков!

К хаотически проложенным мощеным улицам, где толпился народ, примыкали плохо освещенные переулки, заваленные мусором и кишащие крысами. По ним, хрипло бормоча себе под нос, шлялись нищие и пропойцы. Они жадно поглощали дешевое кислое вино, и немного позже оно сделает свое дело: люди городского дна завалятся спать до утра там же, в родных переулках. А кое-кто так больше и не проснется.

Следовало, однако, отдать должное городской страже: даже в самых мерзопакостных заулках Пайрогии было безопаснее, нежели на центральных улицах большинства других больших городов. Тем не менее любому здравомыслящему человеку, вздумавшему в одиночку пробираться столичными заулками, следовало держать одну руку вблизи кошелька, а другую — на рукояти меча.

Вот в такой переулок свернул с малолюдной улицы невысокий смуглокожий мужчина. У него были черные волосы до плеч, а глаза — еще чернее волос. Черты узкого лица носили печать жестокости, и улыбка, кривившая губы, ничуть не украшала его. Прячась в потемках, человек с кощачьей ловкостью пробирался вперед. Вот он легко перешагнул через храпевшего пьяницу, распростертого в пыли, и остановился перед тяжелой дубовой дверью кирпичного дома. Прямо над дверью был вмурован в стену большой двуручный меч, так что наружу торчал лишь эфес.

Мужчина гибким движением извлек из ножен кинжал и резко стукнул в дверь рукоятью. Изнутри немедленно ответили, — кто-то приглушенно ругался на ломаном бритуйском.

— Грязный попрошайка! — донеслось из-за двери. — А ну убери с моей двери свои поганые лапы! Все равно не будет тебе никакого вина, пока не покажешь монеты!

Это развеселило пришельца.

— Имманус! — окликнул он густым голосом на чистом заморийском языке. — А ну живо открывай, облезлый кобель! Это я, Хассим! Давай тащи свою толстую задницу к двери и отпирая побыстрей!

Громко лязгнул засов, и Имманус отворил тяжелую дверь внутрь. Хассим, пряча кинжал в ножны, спокойно и неторопливо вошел. Чувствовалось, что он посещает заведение далеко не в первый раз.

Таверна, имевшая «Эфес», была освещена навряд ли лучше переулка, который вел к ее двери. По углам исходили жирным дымом несколько отчаянно коптивших масляных ламп. В дымной полутиме трудно было что-либо отчетливо рассмотреть, только замызганные деревянные столы да скамейки. В дальнем конце смутно виднелась стойка и рядом с нею — обшарпанная кирпичная лестница наверх.

А за столами сидели посетители «Эфеса», — без преувеличения, негодяй на негодяе. Причем публика была в своем роде отборная.

В одном углу восседал известный работогривец из Немедии. Он и его подручные хлестали густое темное пиво из толстых глиняных кружек, выкрикивая шумные тосты и расплескивая напиток. Пиво лилось торговцу на бороду и на далеко не первой свежести рубашку. Он не обращал на это никакого внимания, лишь зная громогласно обращался к слуге за стойкой, то и дело требуя добавки.

Неподалеку от него расположились двое копитцев. Глаза у обоих плутовски бегали по сторонам. Они что-то обсуждали вполголоса, неторопливо потягивая вино из бокалов, — вне сомнения, против кого-то сговаривались, строили козни.

Посредине комнаты веселилась орава кезанкийцев, скорее всего давно объявленных вне закона. Они вовсю лапали шлюх, громко распевая непристойную песню. Через несколько столиков от них можно было заметить весьма экономно одетую бритунийку, явно обладавшую неудержимым темпераментом. Ее спутник, светловолосый юноша, нащептывал ей на ушко нечто такое, от чего девица беспрестанно хихикала. Юноша был хорошо одет: не исключено, что он приходился сыном какому-нибудь вельможе. Почему бы, собственно, отпрыску знатного рода и не провести ночку в обществе отнюдь не возражающей против этого куртизанки? Он шептал и шептал, не забывая поглаживать ее оголенное бедро...

А возле двери громоздился покрытый темным загаром великан: сам Имманус. Он был одет в бурую кожаную безрукавку и облегающие штаны. В мочке одного уха покачивался массивный золотой обруч, на лысом черепе играл мутный отблеск светильников. На груди великана перекрецивалось множество старых рубцов, с широкого черного кожаного ремня свисал трехфутовый ятаган. Жестом пригласив Хассима войти, Имманус одной рукой без видимого усилия при-

крыл тяжеленную дверь. Этот человек представлял собой сущую гору плоти, причем большей частью — мышц. Мягким было только выпирающее круглое брюхо. Имманус повернулся к Хассиму и, наклонившись, тихо зашептал ему на ухо:

— Ты уверен, что за тобой не следили?..

— Если бы за мной следили, я уже чистил бы кинжал, — не без некоторой обиды ответил Хассим.

Имманус оставил его тон без внимания. Мягким указательным пальцем он постучал себя по толстокожему лысому черепу:

— Знаешь, Хассим, кто это? Я тебе скажу. Это мой лучший друг. Пока я забочусь о нем, мы с ним не расстанемся. Но если я потеряю бдительность...

Имманус провел ребром ладони поперек своего горла и хихикнул, хотя шутка вышла мрачная.

Хассим нахмурился, не находя в его словах ничего смешного. Запустив руку в поясной кошелек, он ощупывал небольшой, плотно обвязанный сверток.

— Ну что, — спросил он, — варвар здесь? Мы с ним уговаривались вчера вечером, но мозги слабоумного дикаря были так пропитаны вином, что я вовсе не удивлюсь, если он попросту забыл о назначенней встрече...

— Не суди по первому впечатлению, — покачал головой Имманус. — Он, может, и варвар,

но я, знаешь ли, имел дело с этой породой, киммерийцами. Это народ жесткий, хитрый и себе на уме. Не стоит с ними шутки шутить! Немало глупцов, у которых хватало ума бросить мне вызов, умерло от моей руки. Но, окажись я один на один с киммерийцем, я был бы отнюдь не уверен в успехе...

Имманус пристально посмотрел на Хассима, словно ожидая, чтобы тот ему возразил. Потом великан расхохотался и огrel Хассима по спине так, что человека более слабого бросило бы на колени. Хассим из рук в руки передал ему небольшой кошелек. Когда Имманус убирал его в карман безрукавки, из кошелька послышался тихий перезвон монет.

— Ты найдешь варвара наверху, — сказал он Хассиму. — Он только что прикончил первый кувшин вина. Он играет в кости, и ему сегодня везет, хотя... хотя, чует моя душенька, удача вот-вот должна оставить его!

Скрытый смысл этой последней фразы был понятен только им двоим.

Хассим направился к лестнице, ловко лавируя между подвыпившими гуляками. Он чуть задержался у стойки, чтобы купить стакан дешевого вина. Хлебнув этой отравы, он погонял ее во рту и выплюнул на каменный пол, подумав: «*Ну и дермо!.. Хоть бы эти бритунийцы поучились у кого-нибудь виноделию!..*» Ладно, мучиться осталось недолго. Сегодня же ночью он покинет этот свинарник, по ошибке именуемый

городом, и вернется в Замору. Оставалось только продать варвару некий предмет. Самый последний. Хассиму до того не терпелось избавиться от этого предмета, что он торговался о цене только для вида.

Поставив стакан, он снова запустил руку в кошель и ощупал гладкое серебро отделанного самоцветами браслета. Награда, которую обещали указавшему городской страже местонахождение этого браслета, стократ превзойдет жалкие гроши, за которые он сейчас толкнет его глупому киммерийцу. Может, северные дикари в самом деле хитры, но палаческого топора парню не перехитрить!.. Хассим забрал стакан и улыбнулся собственным мыслям. Поднявшись, он направился по лестнице вверх.

Верхний этаж «Эфеса» был не так просторен, как нижний, зато освещен не в пример лучше. Из мебели здесь стояло только несколько грубо сколоченных деревянных столов и скамей. Главенствовал же в помещении обширный стол для игры в кости. Игроки теснились кругом него локоть к локтю. Каждое метание костей сопровождалось громогласными воплями. Потом раздавались стоны проигравших и ликующие крики выигравших. Шум, разговоры, разноязыкая ругань... стороннему человеку вполне могло показаться, будто он забрел не в таверну, а на базар.

Как раз когда Хассим достиг верхней ступеньки лестницы, от толпы игроков отделился один, заметно выделявшийся ростом и могучей

статью. Он сжимал в огромном кулаке изрядную горсть выигранных монет. Подойдя к одному из столиков, мужчина высыпал деньги в кошелек, висевший на поясе. Густая грива черных, ровно подстриженных над бровями волос обрамляла бронзовое лицо. Лицо было молодое, но говорило о немалом жизненном опыте его обладателя. И даже в полумраке на нем выделялись глаза — ярко-синие, словно светившиеся холодным огнем. Могучие жилистые руки были испещрены десятками тонких, длинных шрамов. Черная кожаная безрукавка, распахнутая на груди, почти не скрывала отменно развитых мышц. Наряд молодого человека дополняли темно-синие штаны, потрепанные, но вполне крепкие сандалии и широкий пояс. На ремне висел длинный прямой меч, причем широкий серебристо-голубой клинок был обнажен и переливался на свету. Одним словом, парень был воином. И в этом воровском притоне он был точно так же не на своем месте, как, скажем, волк посреди стаи крыс.

Да что говорить! Конечно, Конан-киммериец был здесь не на своем месте. Ведь он родился на поле битвы, а рос и мужал среди мерзлых пустошей Киммерии — далекой северной страны своего народа. Он не слишком жаловал так называемых цивилизованных людей и не особенно доверял их укрепленным городам, выстроенным из камня и дерева. И у него были на то веские причины. Самое первое столкновение с цивилизацией кончилось для него цепями и рабством у

гиперборейцев. С того времени, как он сбежал из неволи, минуло менее десяти лет; воспоминания были еще свежи и по-прежнему заставляли Конана клокотать от ярости.

Стоит ли удивляться, что киммериец не испытывал особых угрызений совести, когда помогал некоторым горожанам расставаться с богатством, заработанным неправедными путями! Так, в настоящий момент до него дошел слух, что в государстве Замора было чем поживиться ловкому вору; туда-то Конан и направлялся через Британию. В Заморе, в городе Шадизаре, он раздобудет несметные сокровища. По крайней мере достаточные, чтобы окружить себя прекрасными женщинами и вкушать драгоценные вина. Запросы у Конана были простые, зато способностей и возможностей — хоть отбавляй. Его отец был кузнецом, и от него Конану досталось крепкое сложение, выносливость и огромная сила. Вдобавок молодой человек обладал быстрой сообразительностью и острым умом, а верный меч при бедре был и того острее. А если добавить к этому его немалый талант вора, то можно было не сомневаться: изрядная часть достояния шадизарских богатеев очень скоро перейдет в его кошелек!

Девушка-послужница поставила перед ним кувшин вина. Взяв его, Конан наполнил свою кружку, отпил и бросил на стол серебряную монетку. Он заметил появившегося Хассима и проследил взглядом за тем, как тот приближался.

«Ну и пролаза, — думалось киммерийцу. — Сущий хорек! Ни в коем случае нельзя ему доверять!»

В то же время он понимал, что договорился с этим самым Хассимом насчет весьма выгодной сделки. На самом деле товар стоил раза в три дороже оговоренной цены.

Естественно, вещица была краденая. Киммериец ничуть в этом не сомневался с того самого мгновения, когда Хассим впервые показал ему серебряный браслет с цветными камешками. Где его стибрили, у кого — до этого Конану не было ни малейшего дела. Он только знал, что это будет неплохой прощальный подарок для Ивэнны, бритуйской девушки, с которой Конан познакомился здесь, в Пайрогии. Да, поистине удача ему улыбалась! Сегодняшняя игра в кости принесла немалый доход, можно будет заплатить за игрушку, не слишком опустошая кошелек. Ивэнна была девчонкой что надо. Такая фигуристая, ласковая... А ее светлые, пахнущие свежестью волосы!.. Выпitoе вино и сладостные воспоминания заставили Конана размечтаться. Итак, еще одна ночь любви!.. А назавтра он вручит ей браслет и отправится дальше. В Шадизар.

Хассим опустился за столик напротив Конана и вытащил из кошеля аккуратно обмотанный маленький сверток. При этом вор нервно поглаживал редкие усы, косясь на бронзовокожего великана.

— Приветствуя тебя, Конан, — сказал он киммерийцу. — Как нынче игра?..

— Да ничего, Хассим. — Конан мотнул головой в сторону толпы у игорного стола: — Удачнее, чем у многих из них.

Он недавно освоил заморийский язык и говорил хотя и с грубым акцентом, зато понятно и бегло.

— Ну, значит, тебе не составит труда заплатить, — сказал его собеседник. — Сорок серебряных ноблей. Или два золотых. Как договаривались!

— Все верно, Хассим. Я бы только хотел сперва еще раз взглянуть на товар.

Хассим не возражал. Конан заслонил сверток широкой ладонью от посторонних глаз, частично развернул тряпку и пристально осмотрел браслет. Надо же убедиться, что бесчестный замориец не подсовывает ему грошовую побрякушку! Он даже поскреб самоцветы ногтем, проверяя, не наклеены ли они.

Хассим изобразил благородное негодование:

— Уверяю тебя, киммериец, он настоящий! Что было бы с моей репутацией, вздумай я мошенничать? Да и потом, воин вроде тебя в два счета прикончил бы меня за обман! Зачем Хассиму весь остаток своих дней оборачиваться через плечо?..

— Не надо! — сказал Конан. — А то будто не знаю я вас, заморийских воров. Ты свою матушку вон тому работогровцу продашь, если тебя устроит цена. Держи, вот твои деньги.

Резкая отповедь варвара вывела Хассима из себя. Допустить, чтобы с ним таким образом

разговаривал какой-то дикарь!.. «*Ну ничего, пес, — подумал Хассим, — ты тоже свое получишь. Еще до утра*». Он протянул руку и взял предложенные ему золотые. Потом насмешливо поклонился, встал и направился к игорному столу.

Конан остался приканчивать свое вино. Он улыбнулся, подумав об Ивэнне. Сверток с браслетом уже лежал во внутреннем кармане его безрукавки. Где, хотелось бы знать, Кром носит девчонку?.. Она обещала прийти сюда спустя несколько часов после захода солнца, сразу как завершится ее последний танец в гостинице «Золотой Лев»... Конан опустошил стакан и вновь наполнил его. Он был слишком занят своими мыслями и не заметил, что Хассим потихоньку вышел из комнаты.

Прошло еще полчаса, и кувшин, стоявший перед Конаном, совсем онустил. Киммериец был далеко не пьян, но, конечно, выпитое не прошло для него бесследно. Ивэнна по-прежнему не показывалась, и он начинал терять терпение. Может быть, поиграть еще немного в кости, а потом махнуть рукой на девчонку — и в путь?.. Пока он взвешивал различные возможности, на нижнем этаже поднялся подозрительный шум. Слуха киммерийца достиг оглушительный треск, а потом — очень хорошо знакомый ему звон. Этот звон могли производить только сшибающиеся мечи. Винные пары, бродившие у Конана в голове, мгновенно улетучились. Инстинкт воина, привыкшего к постоянной опасности, заставил

его насторожиться. Широкая ладонь легла на рукоять меча. Другие посетители, в гораздо большей степени пребывавшие под мухой, попросту игнорировали переполох. Драки и безобразия в «Эфесе» были делом привычным и происходили почти каждую ночь. Понимая это, Конан немного расслабился, однако продолжал держать ухо востро.

Прошло совсем немного времени, и долетел еще один безошибочно узнаваемый звук: топот сапог по лестнице. Конан сейчас же определил, что приближался патруль городской стражи, ведомый каким-нибудь офицером. Вот стражники достигли верхнего этажа, и Конан понял, что не ошибся. В самом деле стражники с офицером, да с каким! Этот человек не имел ничего общего с изнеженными и трусоватыми горожанами, занимавшими в Пайрогии большинство сколько-нибудь значительных постов. Киммериец с первого взгляда определил в нем человека опытного, решительного и закаленного. Вряд ли он вообще был бритунийцем. Ростом он был почти с самого Конана, а в плечах, возможно, даже пошире. Мускулистый торс, обтянутый кольчужной рубашкой, свидетельствовал о недюжинной силе. Суровое лицо обрамляли черные как смоль, коротко подстриженные волосы, густые усы и ухоженная борода. В правой руке офицер держал кривой меч. Темно-карие глаза пристально обежали присутствующих. Он явно высматривал кого-то, кого городской страже

было приказано захватить любой ценой и немедленно.

В комнате сразу воцарился самый настоящий хаос: большинство посетителей тотчас решило, что стража прибыла за ними. Кто-то попытался прикрыть лицо, словно это могло помочь оставаться неузнанным. Кто-то сполз под стол, пытаясь хотя бы так укрыться от взгляда чернобородого великана. Большинство бросало нервные взоры на большое, безобразно грязное окошко, выходившее в переулок...

В это время снизу долетел громкий негодующий рев. Вверх по лестнице взлетел Имманус. Трех стражников, попавшихся ему на дороге, отмело в сторону словно подхваченные ветром соломинки. Выскочив в комнату, Имманус оказался носом к носу с офицером в кольчуге. Одна рука его готова была выхватить ятаган, другая была сжата в чудовищных размеров кулак. Смуглое лицо раскраснелось то ли от бега по лестнице, то ли от ярости по поводу неожиданного вторжения.

— В чем дело, Сальворас? — проревел он. — Мы исправно платим все налоги и пошлины и всячески стараемся, чтобы стража нас не цепляла!.. Неужели тебе охота ссориться со своим начальником, капитан?

— Может, ты и подкупил полководца, Имманус, но лично мне он об этом ничего не рассказывал. Ну а я тебе особо ничем не обязан. Да и нет мне дела до этой выгребной ямы, которую

некоторые по недоразумению считают таверной. Равно как и до того деръма, которое в этой яме плавает! А уж ты мне нужен всех менее. Я здесь по королевскому приказанию, и меня интересует один-единственный человек. Так что лучше не путайся у меня под ногами, иначе будешь иметь дело и со мной, и со всеми моими людьми. Что?.. Ты чем-то недоволен?..

Зарычав, Имманус расправил кулак и ткнул мясистым указательным пальцем в кольчужную грудь Сальвораса:

— Не смей оскорблять меня, ты!.. Королевский дворец далеко от «Эфеса», а у нас тут по ночам в переулках знаешь что порою случается? Так что ступай-ка отсюда подобру-поздорову, не то твоему королю не будет с тебя больше никакой службы, а переулочные крысы, чего доброго, набьют тобой животы!

Лицо Сальвораса окаменело. Он атаковал со скоростью, которую трудно было ожидать от человека его телосложения. Мускулистая левая рука выстрелила вперед и, стиснув глотку Иммануса, пригвоздила толстяка к стене. Едва не задохнувшись, Имманус пустил в ход обе руки, чтобы оттолкнуть офицера, потом выхватил ятаган. Изогнутое лезвие зловеще засияло, отражая огоньки светильников. В комнате воцарилась тишина. Все глаза были устремлены на двоих мужчин, которым, по всей видимости, предстояло вот-вот склестнуться в смертельном поединке. Зрители, еще торчавшие у игорного стола,

начали заключать между собою пари, гадая, чья возьмет.

Сальворас чуть отодвинулся назад, и его меч звонко сшибся с ятаганом, высекая синие искры. Имманус отразил удар и сам сделал выпад, но его ятаган лишь скользнул по кольчуге стражника. При этом он на миг потерял равновесие и был немедленно за это наказан: Сальворас мгновенно рубанул по его руке сверху вниз. Ятаган полетел на пол, и с ним несколько отсеченных пальцев. Развернувшись, Сальворас еще и двинул левым кулаком Имманусу в челюсть. Тошнотворный треск раздробленной кости заглушил вопль боли, вырвавшийся у толстяка. Имманус скорчился на полу, зажимая здоровой ладонью окровавленные обрубки пальцев. За игорным столом из рук в руки поплыли деньги. Те, кто не бился об заклад, просто молча смотрели на Сальвораса, потрясенные быстрой расправой, которую тот учинил над могучим Имманусом.

Конан сузившимися глазами наблюдал за короткой схваткой. Первое впечатление оказалось правильным: этот капитан был опытнейшим рубакой. Не каким-нибудь там хлюпиком с воинским званием. Так или иначе, Конан не знал за собой никаких преступлений и был уверен, что капитан пришел не за ним. Может, это Хассим, заморийский хорек, чем-нибудь прогневал короля Эльдрана?.. На всякий случай Конан поискдал его взглядом и тут только заметил, что воришка исчез. Киммериец решил про себя, что Хас-

сим, верно, струсил и подобру-поздорову рванул прочь, пока Сальворас разбирался с Имманусом.

Между тем Сальворас вытер меч о штаны поверженного противника и прямиком проследовал к столику, за которым сидел киммериец. Левая рука Конана спокойно лежала на столе, зато правая оставалась вблизи рукояти меча. Капитан еще тяжело дышал после быстротечной схватки.

— Ты — Конан из Киммерии, — прямо обратился он к варвару. Это было скорее утверждение, а не вопрос.

— Я никому не сделал ничего дурного, — ответил Конан. — Что тебе до меня?

— Ты пойдешь со мной во дворец, — непрекаемым тоном ответил Сальворас. — Там тебя ждут для допроса. Если, как ты говоришь, ты ни в чем не замешан, ты будешь отпущен с миром.

— В чем хоть меня обвиняют? — не торопясь вставать, спросил киммериец. — Я у вас тут, в Пайрогии, еще недели не прожил. Говорю тебе — я просто путешественник и никого не обижаю. Оставь меня в покое!

— Моему терпению приходит конец, киммериец, — проворчал Сальворас. — Если не пойдешь сам, тебя потащат силой. Ты видел, надеюсь, чем кончил Имманус. Я не собираюсь причинять тебе вред, но ты должен быть непременно допрошен.

Терпение Конана тоже было на исходе. У себя дома, в Киммерии, он давно пристукнул бы

человека, вздумавшего облыжно обвинять его неведомо в чем. Однако он успел уже усвоить, что цивилизованные люди порою вели себя более чем странно. Он не бросится на этого малого, пока тот окончательно не выведет его из себя. Но и ни на какой «допрос» с ним не пойдет. Еще не хватало — на месяцы, а то и на годы застрять в каком-нибудь вонючем бритунийском тюремном подвале!..

— Скажи, в чем меня обвиняют, — повторил он. — Тогда я решу, идти мне с тобой или не идти.

— Мне надоели эти игры, пес! — взорвался Сальворас. — У тебя в кармане, завернутый в тряпку, лежит похищенный тобою браслет! Этот драгоценный браслет ранее принадлежал дочери короля, которую ты злодейски убил вчера ночью! Чтобы так зверски изрубить ее тело, как это сделал ты, варвар, нужно быть демоном, а не человеком! Да если бы не приказ, я бы прямо сейчас воздал тебе по заслугам!..

Конан был попросту потрясен. Кром!.. Как же вышло, что слишком низкая цена, на которую согласился Хассим, не вселила в него подозрений?!.. Стало быть, заморийский подонок сдал его городской страже — то ли просто из вредности, то ли рассчитывая на награду!.. Ну да теперь не время было об этом гадать. Кто поверит клятвам странствующего киммерийца?.. А значит, выход оставался только один — быстрынько уделать этого капитана и рвать когти из города.

Увы, это решение пришло слишком поздно. Сальворас успел воспользоваться мгновенной растерянностью молодого киммерийца и перехватил его запястье. Хватка у капитана была как тиски. Конан заворчал и попытался сбраснуть его руку, но пальцам капитана не смогли противостоять даже кости. Запястье отвратительно хрустнуло...

Придя в окончательную ярость, Конан левой рукой сгреб пустой кувшин из-под вина и хватил им капитана по голове словно дубинкой. Тяжелый сосуд обрушился прямо в лицо офицеру и раздробил ему нос. Из обеих ноздрей гейзером брызнула кровь, и Сальворас выпустил покалеченное запястье киммерийца. Конан размахнулся и вдругорядь шарахнул капитана кувшином — на сей раз в висок. Толстое стекло наконец разбилось, осыпав осколками заплеванный пол. На виске Сальвораса осталась рваная рана.

Кровь и ярость изуродовали лицо стражника. Бешено матерясь, он тряхнул головой, разгоняя туман перед глазами, и ударил мечом, целя Конану в шею. Тот, уходя от смертоносного замаха, скатился со скамьи на усеянный осколками пол и, не обращая внимания на порезы, здоровой рукой выдернул из ножен свой меч. Отбив новый выпад Сальвораса, он вскочил на ноги и в свою очередь попытался снести противнику голову. Капитан чуть-чуть опоздал с обороной, — наверное, сказались уже полученные удары. Меч Конана плашмя обрушился на его

голову, и Сальворас, потеряв сознание, вратяжку рухнул на пол.

Конан перелетел через распластанное тело и ринулся к лестнице. Стражники, напуганные неожиданным поражением непобедимого Сальвораса, налетали один на другого, спеша расчистить путь грозному киммерийцу. Так что Конану понадобилась всего пара пинков, чтобы пробиться к лестнице. Входная дверь таверны была сорвана с петель, — не иначе, Сальворас с ребятами постарался. Конан стрелой пролетел мимо перепуганных пьянчужек, еще толпившихся внизу, и выскочил в переулок.

И первым человеком, которого он там встретил, была... Ивэнна! Киммериец едва не налетел на нее. И надо сказать, что даже в такой напряженный момент он не удержался и окинул восхищенным взглядом ее сильное, гибкое тело танцовщицы.

Лунный свет, заливавший переулок, выгодно подчеркивал тонкую талию и роскошную грудь девушки. Губы цвета красного вина округлились от изумления, волосы, напоминавшие золото, освещенное солнцем, разметались по плечам. На ней было шелковое платье весьма смелого покроя, почти ничего не оставлявшее для игры воображения. Однако с изящного пояска свешивался длинный, тонкий стилет. Второй такой же виднелся за сапожком.

— Кром! — выдохнул Конан. — Девочка моя, где ты была? Я тебя несколько часов ждал!

Ивэнна между тем обводила взглядом растерзанного киммерийца, и глаза у нее расширялись все больше. Он был с ног до головы заляпан кровью Сальвораса и своей, кое-где из порезов на руках и лице еще торчали осколки стекла. Меч Конана был окровавлен, и он держал его в левой руке. Сломанное правое запястье на глазах синело и распухало, кисть руки торчала под неестественным углом. Более слабый человек уже лежал бы пластом и только постанывал от мучительной боли. Конан на свои раны попросту не обращал внимания.

Ивэнна наконец обрела дар речи:

— Конан... Твоя рука! Что произошло? С кем ты дрался?..

— С каким-то идиотом, капитаном стражников. Этот недоумок вздумал обвинять меня в гнусном преступлении, к которому я ни малейшего отношения не имею. Я ему пытался втолковать, что королевскую дочку, верно, зарезал и ограбил Хассим, но этот безмозглый... как его там? — Сальворас, он не стал меня даже слушать и попытался силой оттащить во дворец. Знаешь, надо бы мне сматываться, пока его приспешники не вызвали подмогу! Если я вообще что-нибудь понимаю, завтра же вся городская стража будет на меня охотиться, как на бешеную собаку...

— Но как же ты убежишь? Твоя рука!.. Вот что: я тебя спрячу, пока она не заживет. Я знаю местечко, которое стражники никогда не

додумаются обыскать. И я приведу целителя, который займется твоим запястьем. А потом, когда все уляжется, ты сможешь спокойно уйти...

Конан покачал головой:

— Спасибо, девочка, только ничего из этого не получится. Моя внешность сразу меня выдаст. Киммерийцы здесь не часто встречаются, так что меня любой дурак опознает. Да и телосложение никакими переодеваниями не спрячешь. Вот что я сделаю! Я разыщу эту падаль, Хассима, и выколочу из него правду. А потом сам отда姆 его стражникам. Из рук в руки. Иначе покоя мне не видать! К тому же мужчины моего народа не привыкли отсиживаться по углам, когда угрожает беда. Не говоря уж про то, что Хассим мне задолжал!

И он приподнял изуродованное запястье, а синие глаза горели убийственной яростью. Огляделвшись по сторонам, Конан нагнулся и сдернул замызганный плащ с какого-то нищего, что спал лицом вниз на мостовой в двух шагах от распахнутой двери таверны. Киммериец накинул одеяние себе на плечи, не обращая внимания на исходивший от него затхлый запах блевотины.

— Пока сойдет, — сказал он. — Пошли отсюда. Напоремся на кого — притворимся парочкой пьяных любовников...

Ивэнна понюхала грязный плащ и презрительно сморщила нос:

— Вот уж навряд ли кому-то захочется подходить к тебе вплотную...

Конан обнял девушку здоровой рукой, и они быстрым шагом направились по переулку прочь. Они осторожно пробирались лабиринтами боковых улочек, держа направление к западной стене Пайрогии, где обитала Ивэнна. Идя рядом с подругой, Конан все размышлял о пренеприятнейшей истории, в которую его угораздило вlipнуть. Надо было ему предвидеть, что удивительное везение при игре в кости будет уравновешено крупной пакостью от судьбы!.. Однако что произошло, то произошло, и не таков был киммериец, чтобы преисполняться жалостью к себе. Когда перед тобой возникают препятствия, следует всю энергию направить на их преодоление, а не заниматься самокопанием и жалеть о прошлых поступках. Ко всему прочему везение не до конца еще его покинуло. Пока они шли к дому Ивэнны, навстречу им не попался ни один стражник.

Ивэнна жила в большом доме, сложенном из глиняного кирпича и грубо, но прочно крытом смолеными досками. Дом делился на несколько частей, по числу обитателей. Ивэнна сама проверила, не следил ли кто за входом, потом махнула рукой своему спутнику. Они проскользнули внутрь незамеченными. Обиталище Ивэнны состояло из двух малюсеньких комнаток с очень простой мебелью. Содержала она свое жилье в образцовом порядке и чистоте. Выступления с танцами в «Золотом Льве» приносили девушке неплохой доход. Ей очень нравилась ее работа,

и, что еще важнее, посетителям гостиницы неизменно нравились ее танцы.

Там, в «Золотом Льве», несколькими днями ранее она познакомилась с Конаном. Вначале ее привлек его взгляд. Киммериец резко выделялся из толпы мужчин, любовавшихся ее танцем. Он был моложе большинства из них, но притом до того серьезен!.. А в некоторых вещах — так удивительно наивен!..

Кончая свой танец, Ивэнна уже знала: зазывные движения ее гибкого тела пробудили в нем пламенную страсть. Хотя он просто спокойно сидел на своем месте и внимательно смотрел на нее. Не вопил, не хохотал и не хлопал, как большинство зрителей.

Потом она встретила его в общей комнате «Золотого Льва», и ей захотелось побольше узнать об этом немногословном молодом великани. Сообща прикончив бутылочку вина, они решили провести вечер вместе и посмотреть на ночную жизнь Пайрогии. Как и следовало ожидать, прогулка окончилась в доме Ивэнны. Киммериец был по-звериному неукротим в своей страсти и в то же время очень по-человечески нежен с возлюбленной. Ивэнна долго не могла прийти в себя от счастливого изумления. Еще ни с одним мужчиной у нее не было так, как с этим загадочным варваром!

И вот теперь она извлекала у него из-под кожи осколки стекла, а он по порядку рассказывал ей обо всем, что случилось за вечер. Ивэнна

промыла ему раны, но бесформенная лиловая опухоль вокруг сломанного запястья приводила ее в ужас. Нужен был лекарь. И как можно быстрей. Не то, очень может быть, киммериец до конца дней своих не сможет пользоваться рукой. Ухаживая за Конаном, Ивэнна про себя поражалась его стоической выдержке. Она понимала, что поневоле причиняет ему невыносимую боль, но он ни разу даже не вздрогнул. Кончив свой рассказ, он замолчал и просто сидел, о чем-то размышляя.

Когда девушка сделала все, что было в ее силах, он потянулся за своим мечом и опустился на кучу пушистых мехов, служившую Ивэнне постелью. И задремал, не снимая здоровой руки с потертой рукояти оружия. Ивэнна знала, насколько чутко он снит, и вышла вон невесомой походкой танцовщицы, чтобы не тревожить его. Выбралась на улицу — и побежала за лекарем. По счастью, она знала человека, как нельзя лучше подходившего для столь деликатного дела...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПАУТИНА ЗАГОВОРА

— Недоумок несчастный!..

Дело происходило во дворце, в одном из богато убранных приемных покоях. Багровый от гнева полководец Вальтреско «вставлял фитиль» виновато понурившемуся капитану Сальворасу. Полководец бритунской армии немножко уступал Сальворасу ростом, но был сложен куда изящней его. Борода, усы и редеющие светлые волосы военачальника густо подернула седина. По этим признакам ему можно было дать лет пятьдесят с лишком. Однако на моложавом красивом лице возраст почти не отражался.

На полководце был идеально подогнанный по фигуре стальной нагрудник, богато и замысловато украшенный. К нагруднику крепились кольчужные подмышки, прикрывавшие верхнюю часть рук. Ниже находились опять-таки кольчужные, великолепной работы перчатки с рельефными стальными накладками. На ногах Вальтреско красовались толстые кожаные сапоги, прошитые железными заклепками и достигавшие колен. Штаны у полководца тоже были кожаными, красновато-коричневыми: толстые и

прочные, они тем не менее не стесняли движений. При бедре висел длинный тонкий меч с вычурной рукоятью. Меч покоялся в ножнах, богато выложенных золотым и серебряным листком. Вся фигура Вальгреско дышала силой и властью, и он сам прекрасно это сознавал. Его манера держаться была одновременно деловой, снисходительной и напыщенной.

Что до бедняги Сальвораса, то он нынче выглядел далеко не так внушительно, как его командир. Его лицо представляло собой сплошное месиво синяков и кровоподтеков. Лекарь еще не касался рваной раны чуть ниже виска, и оттуда, склеивая черные волосы капитана, продолжала сочиться кровь. Сальворас стоял по стойке «смирно» и молча внимал начальственному разносу, только на лбу выступил пот. Капитан очень нервничал, хотя и старался этого не показать.

Вальгреско между тем продолжал свою речь. Он пребывал в такой ярости, что на висках вздулись жилы.

— Твоя неуклюжесть, — кричал он, — сделала стражников посмешищем всего города! Дикарь был у тебя в руках, но ты умудрился дать ему улизнуть! Если бы ты действовал не кулаками, а головой, гнусный убийца любимой дочери Эльдрана уже сидел бы в цепях и слушал, как палач острит свой топор! А ты? Ты возвращаешься с пустыми руками и лепечешь жалкие объяснения! С тобой было шестеро молодцов!

Уж не хочешь ли ты сказать мне, будто один человек одолел всех шестерых? Да еще со сломанной рукой, — если только ты не врешь, утверждая, будто сломал ему руку! О боги!.. Однорукий варвар оставляет с носом полдюжины отлично натасканных стражников во главе с Сальворасом, героем пограничных войн!..

Сальворас выслушивал вариации на данную тему вот уже четверть часа, и терпение его истощилось.

— Со всем моим почтением, полководец, — проговорил он наконец, — этих ребят ну никак нельзя назвать отлично натасканными. Свидетели клянутся, что желтобрюхие трусы чуть не затоптали друг дружку, освобождая путь удирающему киммерийцу. Иные переулочные крысы и то храбрее этих так называемых стражников, с которыми меня послали брать негодяя! Они, может, годятся на то, чтобы растащить уличную драку или там успокоить каких-то пьяничек, но против такого врага, как этот Конан, у них кишка тонка. Тут ведь и мужество нужно, и боевая выучка! Если бы со мной были мои парни, с которыми я на границах Немедии воевал, честное слово, было бы в дворцовых подвалах нынче одним обитателем больше! Во имя Митры!.. Я еще не видел равных этому варвару по силе и быстроте! И это при том, что девушка-служанка рассказывает, будто он выхлебал два кувшина вина! Ты ведь сам говорил мне, господин полководец: справный

командир никогда не станет недооценивать врага...

— Жаль, что столь блестящая мысль не посетила тебя *до того*, как ты отправился за варварам, — язвительно перебил Вальтреско. — Надеюсь, ты хотя бы не повторишь этой же ошибки во второй раз. Сальворас, я был добрым другом твоему отцу, да оградит Митра его душу! Когда я прослышал о твоих деяниях на границе, я представил тебя к высокому званию и добился твоего перевода в столицу. И что же? Ты не прослужил здесь еще и месяца, а я уже начал разочаровываться в тебе! Только из уважения к памяти твоего отца я дам тебе возможность исправиться. Разыщи варвара! Теперь мы абсолютно убеждены в его виновности: она полностью доказывается его реакцией на твои обвинения. Ступай и доставь его живым или мертвым. Быть может, король хоть немного утешится тем, что язычник, виновный в чудовищном злодеянии, понесет достойное наказание. Можешь послать за своими пограничниками, если считаешь, что это поможет делу. Пускай в ход любые средства. Киммериец не должен избежать наказания!

— Слушаюсь и повинуюсь, мой полководец!

Сальворас отсалютовал, повернулся и быстро вышел из комнаты. Какое облегчение — оказаться вне досягаемости ядовитого красноречия Вальтреско! Правду говорят люди — этот тип своим языком может ранить человекальней, чем мечом!

Шагая каменными коридорами дворца, капитан размышлял о событиях последнего месяца. Незадолго перед этим он успешно разгромил войско немедийского барона, вздумавшего наложить лапу на порядочный кусок бритунийской земли в излучине Желтой реки. Он был тогда всего лишь старшиной. Его капитана убили при первой же стычке, и Сальворас волей-неволей остался во главе отряда стражей границы, численностью пятьсот человек. Враги в три раза превосходили их числом, но Сальворас удерживал берег в течение целой недели, пока наконец не прибыло подкрепление. Вот этим мечом он отправил в мир иной не менее сорока немедийцев. А сам почти не получил ран. Мудрено ли, что стражи границы равнялись на своего командира, черпая мужество в его славных деяниях!

Пока длилась заваруха, Сальворас был слишком озабочен тем, как бы сберечь своих людей и отбить очередную атаку. Ему некогда было задуматься, что будет с ним самим, когда все отгремит. Однако потом немедийский монарх торжественно заявил, будто не имеет ничего общего со случившимся на границе (врал, конечно), и прислал караван с богатыми подарками для умиротворения соседней державы.

Вот когда Сальворас попал в герой!.. Приятно вспомнить. Сам король Эльдран лично поблагодарил его и задал пир в его честь...

Когда Вальтреско предложил ему завидную должность капитана городской стражи Пайро-

гии, он, дурак, с радостью согласился. А теперь все больше жалел о тогдашнем своем торопливом решении. Он сам понимал, что место ему было в действующем войске. Эх, граница!.. Только постоянные тяготы и опасности, которыми изобиловала жизнь на неспокойном порубежье Бритунии, давали ему настояще ощущение полноты жизни. Здесь, в городе, тоже хватало опасностей, только были они особого свойства. Совсем не такие, как те, к которым он привык. И методов требовали опять-таки непривычных. Верно, риска здесь было вроде поменьше, а платили не в пример больше. Однако Сальвилас никак не мог себя убедить, что нынешний пост был как раз по нему. Все-таки сюда лучше подошел бы человек, может, не столь искусный с мечом, но более сведущий в политике...

Он, правда, еще не собирался отказываться. Вальтреско, между прочим, начинал в том же самом пограничном гарнизоне, что и он, Сальвилас. И наверняка в свое время преодолевал те же самые трудности. А посмотрите-ка, чего достиг!.. К тому же Сальвилас был обижен и намеревался доказать, что годился кое на что. Может, однажды он еще и заменит Вальтреско в должности верховного полководца бритунийского войска. Конечно, войско это было не бог весть как велико, если сравнивать с такими великими королевствами, как Аквилония, Офир или Шем. Но титул есть титул: звание «Полководец

Бритунии» уходило во глубину веков, и всегда ему сопутствовала аура чести и славы...

Раны, нанесенные Сальворасу киммерийцем, немилосердно саднили, но он решил, что займется ими попозже. Он уже разослал все наличные патрули, строго приказав не спускать глаз со всех возможных выходов из города. Старшинам же было велено собраться в стражницкой. Сальворас уже подготовил план, как захватить киммерийца. Капитан не намеревался отдыхать, пока не запустит этот план в действие.

Сальвораса ни разу еще не побеждали в схватке один на один. Он был слишком силен и слишком искусен в обращении с оружием. Да. Его ни разу еще не побеждали. До сего дня... Капитан осторожно пощупал перебитый, облепленный кровавыми корками нос. И подумал: как бы не оказался этот самый Конан труднейшим испытанием всей его жизни...

...В это же время полководец Вальтреско расхаживал взад и вперед по комнате, из которой только что вышел Сальворас. Он расхаживал, склонив голову, и то и дело скреб бороду, повидимому пребывая в очень глубокой задумчивости. Спустя некоторое время он остановился и выпрямился. А потом подошел к полированному дубовому столу, занимавшему угол комнаты. На столе стоял небольшой гонг. Вальтреско взял лежавший подле него молоточек и с силой ударил в гонг.

Через несколько минут в дверь негромко, но настойчиво постучали.

— Не заперто. Входи! — нетерпеливо отозвался Вальтреско.

Дверь тихо отворилась. Вошел светлокожий, тонкий в кости старик, облаченный в голубые шелковые одежды. Он слегка поклонился полководцу и прикрыл за собой дверь.

— Похоже, Ламици, у нас неприятности, — приглушенным голосом сказал ему Вальтреско. — Я, помнится, дал тебе строжайшие указания относительно того, как следовало избавиться от тела. Как вышло, что безделушка принцессы оказалась в руках у западного проходящего?..

— Уверяю тебя, я все сделал в полной тайне и с надлежащей осторожностью, — своим тихим мелодичным голосом отвечал главный евнух. — Не меня же ты подозреваешь в ограблении мертвой?

— Нет, конечно, но кто-то же это сделал! Браслеты и ожерелье были подарены принцессе еще в детстве. Она никогда не снимала их, так что, когда она выросла, это стало просто невозможным. Таков обычай всех знатных бритуниек. Вору пришлось отрубить мертвую и руки и голову, чтобы добраться до побрякушек. Ничего удивительного, что тело нашли в таком отвратительном состоянии! Если бы я был вчера в городе, я бы сумел как-нибудь загладить дело, не поднимая по тревоге всю городскую стражу.

Но королю уже донесли, и за поимку или хотя бы выдачу местонахождения преступника объявили награду...

— Я послал за тобой сразу, как только про слышал, что стражники обнаружили тело. Удивительно, как быстро дошло мое послание!

— Быстро!.. — фыркнул Вальтреско. — На наше счастье, доверчивый простак Сальворас поверил, будто варвар вправду виновен. Кроме нас, истину знает еще один человек. По словам Сальвораса, о том, где и у кого находится браслет, он проведал от некоего заморийца по имени Хассим. Наш бравый капитан сейчас же помчался туда, точно пес, спешащий угодить хозяину. Если бы ему еще и удалось убить киммерийца!..

— Ах, мой полководец, — вздохнул Ламици. — Я слыхал об этом Хассиме. Это же заморийский вор, крыса, живущая в нужнике, и сожести у него ни на грош. Такие люди бывают очень полезны, но доверять им ни в коем случае не следует. Получил ли он уже награду за то, что навел на преступника стражу? Насколько я помню, за это было обещано две сотни золотых. Уж, верно, Хассим не пройдет мимо золота. Быть может, ты пошлешь за бродягой Сальвораса? Мы бы с тобой по достоинству наградили его...

— Предоставь мне разбираться с ним, евнух, и ни о чем не волнуйся. Значит, вздумал приторговывать краденым?.. Ну, получит он у меня награду. Да такую, о которой и мечтать не смел.

Уж я вызнаю, что там у него за свидетельства виновности киммерийца...

— М-м-м... Я почему-то не сомневаюсь: мэрзавец знает намного больше того, что рассказал капитану. Вероятно, при соответствующем убеждении можно будет добиться от него и всей правды?

Лицо Вальтреско ожесточилось, глаза холодно заблестели, как два мокрых сапфира. Он палачески усмехнулся и многозначительно сжал кольчужный кулак.

— Если он хоть что-нибудь знает, он мне это расскажет. А теперь оставь меня, Ламици. Держи глаза и уши открытыми. Я должен знать все, что говорят королю!.. — И добавил, перейдя на едва слышный шепот: — Азора знает об этом?..

Старый евнух опустил глаза, глядя в пол.

— Лично я, — сказал он, — ничего ей не сообщал. Я не виделся с ней с тех пор, как... со времени ритуала две ночи назад. Однако ты сам знаешь, ей ведомо многое из того, о чем не говорят вслух. Если бы это дело касалось ее, она бы не замедлила меня вызвать.

— Мы должны быть уверены, что она не вызовет тебя по этому делу. Я не боюсь ни единого человека, но совсем не хотел бы, чтобы ее магия оказалась направлена против меня. Итак, я позабочусь о нашем друге Хассиме. А потом мы обсудим, что получилось.

Ламици вновь поклонился и вышел так же тихо, как и вошел. Несмотря на внешнее

спокойствие, с которым он держался в присутствии полководца, в голове евнуха вихрем проносились крайне беспокойные мысли. В частности, ему не хотелось даже гадать, какая судьба ожидала его, если бы выяснилась его причастность к гибели принцессы. Какая жалость, что тело все-таки нашли. Ламици не мог понять, как же это все-таки произошло. Сам он, конечно, отнюдь не грабил покойницу, но Вальтреско его, по-видимому, в чем-то подозревал. Ламици всегда восхищался Вальтреско. Он сам наблюдал за тем, как тот превращался из честолюбивого, наделенного сильной волей юнца в справного и весьма тяжелого на руку предводителя воинов. Вальтреско представлял собой идеального бритунийского вельможу, каким тот виделся евнуху. Он был сыном барона и потомком многих поколений чистокровных бритунийцев. Вот кого следовало бы избрать королем, когда предыдущий монарх умер, не оставив наследника!

Долгих двадцать лет Ламици прослужил прежней династии и ее последнему представителю — королю Куллану. Вот кто был чистокровным бритунийцем! Не то что его преемник на троне, этот, с позволения сказать, король — Эльдран. Ламици не мог без возмущения думать о том, что в жилах нынешнего монарха текла непотребная смесь бритунийской, кезанкийской и, страшно вымолвить, гиперборейской крови. Кезанкийских горцев традиционно считали бри-

тунийцами, однако, с точки зрения Ламици, это были всего лишь крестьяне, годные только пахать поля и разводить коз. Евнух без устали проклинал тот день, чуть более года назад, когда ничтожного козопаса выбрали королем.

Справедливости ради следовало заметить, что Эльдран был безупречным солдатом, а потом — воеводой на границе. Но кровь, кровь!.. Недопустимо, чтобы такой человек правил страной. Уже сбывались худшие опасения Вальтреско: Эльдран предпочитал не воевать, а вести переговоры и торговаться с соседними странами. Этот человек вел себя так, словно земли и народ его королевства были товарами, которые выторговывают на рынке! Видимо, у него не хватало мужества держаться с венценосными соседями на равных. Он предпочитал прятаться за никому не нужными перемириями и пустыми словами переговоров, точно последний бесхребетный трус!..

Нет, для трона требовалась сильная личность, и притом ничем не замутненных, самых что ни есть благородных кровей. Только такой человек сумеет объединить бритунийский народ и вернуть державе ее былое могущество.

Когда Ламици был маленьким мальчиком, его бабушка служила правящему Дому того времени. Бабушка немало рассказывала ему о былых годах и о том, какой влиятельной и могучей была Британия прежде. Как горд был Ламици, когда его выбрали старшим королевским евнухом! Поистине, утрата мужского достоинства была невеликой

платой за столь высокую честь, как служба королевской семьи!..

Шли годы, и он стал безмолвным свидетелем постепенного бесславия и упадка бритунийского трона. Мало-помалу дошло до того, что сама страна готова была распасться на несколько грызущихся между собой княжеств. Сменялись поколения, и некогда просвещенный и гордый народ все больше скатывался к варварству. Нашествия из сопредельных стран перестали быть чем-то необычным. Соседи-монархи не воспринимали всерьез королей Бритунии. Для них это были *шуты, правившие деревенщиной*. Однажды услышанная от кого-то язвительная фраза так и горела в сердце Ламици. Как бы он хотел заставить тех, кто ее произнес, подавиться неосмотрительными словами!

Вальтреско!.. Вот кто сможет воплотить его мечту в жизнь. Уж он-то не потерпит «случайных» наскоков на границы Бритунии, которые все чаще совершали соседние державы. Не-ет, он собирает достойное ополчение и отодвинет западную границу за Желтую реку. А восточную — далеко в Коринфию!

Король Вальтреско!..

Вот с кем для народа Бритунии начнется новая эра. Эра империи. Предел которой положит только великий Западный Океан!..

Ламици уже воочию видел сверкающие города, а над ними — гордо реющие в небе знамена Бритунийской Империи...

Вот уже много месяцев евнух строил всевозможные планы, обдумывая, как бы свергнуть ненавистного козопаса. С тем же успехом можно было доставать луну с неба. Короля день и ночь охраняли свирепые, беспредельно преданные ему кезанкийские горцы. Каждый из которых почитал величайшей честью умереть, защищая Эльдрана. Их мечи были острей острого, их бдительность ничто не могло притупить...

В довершение всех бед какой-то безмозглый, но жаждущий власти барон из юго-западной Бритунии совсем недавно нанял убийцу и поручил ему отравить короля. Увы, дурацкий план вельможи пошел прахом, и возмущенный народ спалил заговорщика живьем в его собственном замке. Схваченному убийце отрубили голову, — обычная казнь за государственное преступление. Король сделался подозрителен, и теперь даже наиболее опытный наемный убийца не мог гарантировать успеха. А рисковать Ламици не мог. Случись королю заподозрить его, и последним, что он в своей жизни увидит, станет отточенное лезвие палаческого топора. Евнух с жаром молился богам, упрашивая их помочь...

И вот поздним вечером три недели назад его страстные молитвы наконец были услышаны. Он отправился за покупками в город, и на улице его окликнула некая молодая женщина, откуда-то знаявшая его имя. Она попросту вышла из какого-то ничем не примечательного переулка и заговорила с ним, назвавшись Азорой. Помнится,

на ней был бурый бесформенный плащ, доходивший до щиколоток, а на руках — тонкие кожаные перчатки. На голову был наброшен капюшон, не дававший рассмотреть ни лба, ни волос. Он вообще сперва заметил только глаза: они багрово светились в вечерних сумерках, словно рубины при факельном свете. Он удивленно сморгнул и посмотрел снова: нет, глаза у женщины были самые обыкновенные, карие. Она сказала ему, откуда она родом, но теперь он почему-то не мог припомнить названия места. И вообще вся эта встреча прошла для него точно во сне. Он запомнил немногое, только сохранил впечатление, что длилась встреча долго. Наверное, несколько часов.

Почему-то (а в самом деле, почему? Вспомнить бы причину!) он последовал за Азорой в безлюдную старую часть города, которую ему никогда прежде не доводилось посещать. Там стояли сооружения незапамятной древности; они были гораздо старше города, разросшегося вокруг. Суеверный народ обходил развалины стороной. Их давно объявили запретными, и городская стража зорко следила за тем, чтобы туда не совались ни бродяги, ни любопытные. Но в тот вечер Ламици с Азорой незамеченными миновали патруль. Стражники смотрели куда-то сквозь них, точно они были пустым местом. Ламици было очень не по себе, однако он шел.

Азора провела его в полуразвалившееся старое здание. Без сомнения, здесь когда-то был

храм — аскетически простой, без украшений и какой-либо обстановки. Азора произнесла несколько слов, и тяжелый каменный блок у дальней стены стал поворачиваться, открывая проход в извилистый коридор. Ламици сразу поразил резкий контраст между роскошным убранством коридора и скучностью внешнего покоя. Серый каменный пол здесь покрывали пышные ковры цвета запекшейся крови, а на стенах виднелись более чем странные факелы. Они горели ровным зеленым огнем и совсем не давали дыма. Ламици проследовал за Азорой к двойным бронзовым дверям высотой почти в два его роста. Деревянные ручки, покрытые невиданной резьбой, соединял увесистый замок. По слову Азоры замок открылся, и двери разошлись, как если бы изнутри их распахнул невидимый великан...

...И евнуха окатила волна невыносимого смрада, хлынувшего из-за двери. Желудок Ламици едва не вывернулся наизнанку прямо перед порогом, так разило из-за дверей смертью и разложением. Ему захотелось бежать, немедленно бежать прочь... Он не побежал, потому что более не был хозяином себе самому. Он вошел следом за Азорой во тьму, лежавшую за порогом. Странная женщина зажгла несколько дюжин свечей, расположенных ровным рядом вокруг массивного предмета, занимавшего середину чертога. Когда глаза Ламици привыкли к сумрачному полусвету, он рассмотрел, что таинственный предмет был алтарем и что он-то и

являлся источником омерзительной вони. Шурясь, он попытался разобрать непонятные символы, высеченные на его поверхности, но тут Азора повернулась к нему и заговорила.

— Я знаю, евнух, кто ты такой и чего ты желаешь, — сказала она. Ее прекрасный, полнозвукный голос отдавался под сводами неестественным эхом. — Я знаю все это, ибо я — жрица мутари высокого посвящения. Я привела тебя сюда, ибо ты можешь доставить мне нечто такое, в чем я нуждаюсь. Если ты это сделаешь, я употреблю свое могущество для свержения нынешнего короля и замены его другим, по твоему выбору.

— Ты в самом деле настолько могущественна?.. — изумленно спросил он и сразу пожалел о вырвавшихся словах. И поспешил спросить: — Как... как же я могу послужить тебе?..

— Король тебе доверяет, — ответила мутари. — Ты имеешь свободный доступ во дворец. Более того, король поручил тебе заниматься образованием его дочери. Я дам тебе мазь: если втереть ее в кожу женщины, она крепко заснет. Коснись этой мазью тела принцессы. Когда она заснет, ты доставишь ее сюда ко мне.

— Но если меня увидят?.. И почему ты, при твоей волшебной силе, не...

— Не сделаю этого сама? — перебила она. — Дело в том, что от женщины невозможно скрыть мое истинное лицо. К сожалению, природа мутари накладывает некоторые ограничения.

— Твое... как ты сказала? Твое истинное лицо?.. — пробормотал он потрясенно.

Вот тогда-то это и произошло. Она откинула капюшон и стащила с рук перчатки. А потом улыбнулась, показывая ряды угольно-черных зубов. Еще Ламици понял, что первое впечатление было верным: ее глаза действительно светились, прямо полыхали оранжево-алым, как горячее железо, только что вынутое из горна. Ногти жрицы тоже оказались черными как сажа. Это при том, что кожа у нее была нежнейшей белизны...

Евнух навсегда запомнил охвативший его ужас. Он едва не обмочился тогда, словно перепуганный младенец.

— Теперь ты знаешь, евнух, что я такое, — говорила между тем жрица. — Никто не должен видеть меня. Жрецы Митры — исконные враги мутари, а мне некогда тратить на них время. Знай еще: дела этой страны меня не касаются. Мне все равно, кто станет пасти стада двуногих овец. Меня заботят совсем другие дела, которых ты, с твоим убогим человеческим рас- судком, не поймешь все равно. Все, что ты должен сделать, — это доставить мне девушку. Целую и невредимую. Долго, очень долго ждала я такой возможности... Белокожая, золотоволосая девственница, дочь короля, правящего этим городом! Так написано, и пророчество не обмануло!..

Знай же, евнух: если ты будешь слушаться меня, никто не увидит тебя и никакое подозрение

тебя не коснется. Приведи ее ко мне. Когда я с ней покончу, распорядись ее телом так, как сочтешь нужным. А потом я устрою так, что король скончается от изнурительной болезни. От тебя ничего больше не потребуется. Ничто не сможет его излечить, в том числе и бессильные молитвы полоумных жрецов Митры к их смехотворному божку. Эльдран умрет, и народ выберет себе нового короля...

Объяснив Ламици свой план, Азора дала ему два ключа. Один приводил в действие механизм, отодвигавший каменный блок в помещении храма. Другой подходил к замку в дверях, что вели в алтарный чертог. Еще она вручила ему небольшую баночку мази. Когда Ламици наконец выбрался из развалин и вернулся во дворец, час был очень поздний, и голова у евнуха раскалывалась от боли. Проснувшись на следующее утро, он готов был решить, что вчерашнее ему попросту приснилось. Но баночка и ключи лежали на ночном столике — зримое свидетельство реальности жрицы мутари. Он поспешно спрятал то и другое в тайник — за кирпич, вынутый из стены спальни...

Теперь, по прошествии нескольких недель, его часть сделки была исполнена. Теперь настал черед Азоры исполнить обещанное. Стоя у дворцового окна, Ламици смотрел на огромное золотое солнце, встававшее из-за далеких гор на востоке. Тёплые утренние лучи ласкали в небе пухлые белые облака. «Вот он, — думал Лами-

ци. — Вот он, долгожданный рассвет новой эпохи. Эпохи, когда имя Бритунии прогремит по всей земле. Наконец-то мои старые глаза узрели этот рассвет...»

Улыбнувшись готовой сбыться мечте, евнух отвернулся от окна и поспешил по коридору к личным покоям Эльдрана. Как-то чувствует себя нынче его величество, не заболел ли ненароком?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЦЕЛИТЕЛЬ И ВОИН

Конан проснулся от едва слышного звука закрывающейся двери. Он проспал несколько часов, но пробуждение было мгновенным и полным. После того, что ему выпало перенести ми-нувшим вечером, большинство цивилизованных людей очнулось бы, что называется, с глазами в кучку. Конан был свеж и готов к немедленному действию, как лесная пантера.

Его рука привычным движением нашупала рукоять меча: мало ли что могло приключиться в следующий момент! Он слегка вздрогнул, попытавшись сжать кулак. Пальцы не повиновались ему, казалось, ниже локтя висел сплошной ком тупой, глухо пульсирующей боли. Голова тоже болела, но эта боль была привычной и понятной: не зря же он давеча осушил два кувшина вина. Зато во рту было сухо, точно в заморийской пустыне.

Напрягшийся варвар отчасти успокоился, когда понял, что шум, разбудивший его, был порожден возвращением Ивэнны: по всей видимости, девушка привела лекаря. Мужчина, вошедший с нею вместе, был одет как жрец Митры, но казался гораздо моложе большинства жрецов,

которых Конан до сих пор видел. Одежда его выглядела потрепанной в дальнем пути, но чистой, на ногах были чиненые-перечиненые сандалии. Серьезное светлокожее лицо обрамляли длинные рыжевато-русые волосы, густая бородка и усы красиво курчавились. Он держал в правой руке тяжелый, окованный железом березовый посох, а с левого плеча свисала большая кожаная походная сумка. Жрец был подпоясан веревочным кушаком, и никакого оружия при нем не было заметно.

Конан неторопливо слез с мехового ложа и прошел в угол комнаты, где стоял большой кувшин с водой. Прислонив меч к стене, он поднял кувшин здоровой рукой и напился.

— Конан, — озабоченно обратилась к нему Ивэнна, — это Мадезус, тот самый целитель, о котором я тебе говорила вчера. Ему можно доверять: он никому не расскажет, где ты находишься.

Варвар с большим подозрением оглядел молодого священнослужителя.

— Значит, Мадезус, ты жрец? — спросил он, кивая на его облачение.

— Я был жрецом, — прозвучало в ответ. — Три года назад в Коринфии я действительно служил в храме Митры. Теперь я — просто Мадезус, именуемый также Целителем. Я ношу эти одеяния по праву и по своему свободному выбору и по-прежнему являюсь верным поклонником Владыки Света... — Ему явно не хотелось пускаться в дальнейшие объяснения, и он переменил

тему: — Твое запястье... Перелом очень скверный. Позволь мне заняться им, и я не буду надоедать тебе больше, чем необходимо. Ивэнна совершенно права: я никому не выдам тебя. Я целитель, меня учили помогать страждущим, а не допрашивать и выдавать.

Он расстегнул свою сумку и принялся расставлять на столике всевозможные пузырьки, коробочки, баночки и еще множество непонятных предметов. Попросив Ивэнну налить из кувшина воды, жрец нашел в сумке несколько свечей и зажег их.

Конан недоверчиво хмурился, но помалкивал. Если целитель обманывал, все равно поздно было что-то предпринимать. Да он и так собирался как можно скорее уносить отсюда ноги. Шут его знает, со стражников станется перерыть весь хренов город в поисках мнимого убийцы принцессы. А вылечит его или нет этот молодой жрец, особого значения не имел. В любом случае, с одной рукой или с двумя, он отыщет Хассима и рассчитается с ним за паскудство. Отправит его торговать краденым в преисподнюю...

Киммериец вновь посмотрел на стол, где Мадезус как раз смешивал какое-то тошнотворного вида снадобье. Запашок у зелья был еще тот.

— Пожалуйста, протяни руку... нет, не так, ладонью вверх... — Мадезус натер приготовленной мазью распухшее, обезображенное запястье, потом взял его в ладони. Закрыл глаза, склонил голову и начал: — Отче Небесный, Даритель

Света и Жизни, Защитник Правды, услышь молитву смиренного слуги Твоего...

Несколько минут он нараспев произносил священные слова молитвы. Вскоре Конан ощущал странное покалывание в предплечье, и волосы у него на затылке непроизвольно зашевелились. Варвар никогда не доверял сверхъестественному и, вообще говоря, побаивался его. Ему до смерти захотелось выдернуть у целителя руку и послать его подальше со всеми его штучками. Он удержался, хотя и не без труда. Он ничего не имел ни против Митры, ни против его почитателей. У самого у него был совсем другой бог — угрюмый Кром, обитавший под стылыми серыми кряжами Бен Мора, что в Киммерии. Его народ редко беспокоил Крома молитвами. Кром давал своим детям при их рождении один-единственный подарок: волю сражаться и убивать. Молить свирепого бога о чем-либо еще считалось недопустимым признаком слабости. Конан весьма сомневался, что Кром вообще обращал внимание на молитвы...

Наконец Мадезус завершил молитву и выпустил запястье киммерийца. Лоб жреца усеяли крупные бисерины пота; он вытер лицо ладонью, и было заметно, как дрожала его рука. Вылив в чашку с водой содержимое небольшого фиала, Мадезус выпил. Скоро его руки перестали дрожать. Заметив озадаченное выражение на лице Конана, священнослужитель улыбнулся и ободрил его:

— Исцеляющая молитва коротка, но отнимает немало сил. Попробуй пошевелить пальцами, друг мой.

Конан послушно сжал правую руку в кулак, потом расправил ладонь. Пальцы, хотя и неохотно, все же повиновались. Запястье было все еще багрово-синим и вздувшимся, но опухоль быстро спадала. Конан решил про себя: что бы там ни представлял собой этот жрец, шарлатаном он не был уж точно. Он ворчливо поблагодарил Мадезуса, а потом спросил:

— Чем заплатить тебе за лечение?

— Лично я, — был ответ, — не могу принять никакой платы. Однако ты должен вручить мне нечто для приношения в храм. За подобную услугу, оказываемую иноверцу, жрецы обычно берут три золотых. К сожалению, воздействие молитвы скоро прекратится, если я не получу ничего.

Конан хотел было возразить, но вовремя прокусил язык. Жизнь уже приучила его не пускаться в споры со священниками и колдунами. К тому же накануне он выиграл в кости вполне приличную сумму. Его кошелек всегда пустел с той же легкостью, с какой и наполнялся. Дай только время, и скоро в нем опять зазвенит золото. Киммериец потянулся к поясу... и потрясенно осознал, что кошелька нет на месте. Он быстро обежал комнату взглядом, надеясь, что попросту уронил его накануне. А может, это Ивэнна сняла его, когда промывала ему раны?..

— Мой кошелек! — сказал он. — Ивэнна, ты его не видала?

Девушка непонимающе уставилась на его ремень, где полагалось висеть кошельку. Теперь на этом месте болтались лишь потертые ремешки.

— Наверное, — предположила она, — ремешки оборвались, когда вчера ты дрался с... то есть я хотела сказать, во время того несчастного случая, — неловко поправилась она, поймав предостерегающий взгляд Конана.

— Понятно, — сказал Мадезус и покачал головой: — Увы, если в самом скором времени я не сделаю приношения...

— Погоди! Возьми вот это, целитель. Эта штука стоит гораздо больше трех золотых, но дьявол с ней, с ценой, я благодарен тебе за помошь, — с этими словами Конан вытащил завернутый в тряпку браслет, по-прежнему надежно сохранявшийся во внутреннем кармане его безрукавки. Он покупал его для Ивэнны, но, если учесть историю, связанную с этим браслетом, девчонка все равно не сможет носить его открыто. А если учесть, что Конан заплатил за него всего два золотых, он оставался еще и при выигоде. Развернув украшение, он передал его жрецу. Мадезус взял браслет... и тотчас же, издав невнятное восклицание, выронил его, словно ядовитую змею.

— Да оградит нас Митра!.. — вырвалось у него. Вновь подобрав браслет, он внимательно и с любопытством осмотрел изящную вещицу.

Потом пояснил: — От этого браслета исходит аура страшного бесовского зла! Аура уже померкла, но я сразу почувствовал ее, как только взял браслет в руки. Тот, кто последним носил украшение, умер чудовищной, неестественной смертью. И, судя по силе ауры, это случилось совсем недавно... Как попала к тебе эта вещь?

Мгновение Конан раздумывал, как бы поубедительнее сорвать, но потом решил, что, если он расскажет целителю правду, хуже, чем есть, уже всяко не будет.

— Я купил его вчера вечером у заморийца по имени Хассим. Он продавал браслет за бесценок, и потому я не очень-то расспрашивал, где он сам его раздобыл. Я решил, он скорее всего украл его. Или выманил у кого-то обманом...

Пока Конан говорил, Мадезус смотрел ему прямо в глаза, словно пытаясь решить, правду ли говорит ему киммериец. Лицо целителя было очень озабочено и серьезно.

— А не подскажешь ли, — спросил он, — где можно отыскать этого Хассима? Боюсь, здесь, в этом городе, пробудилось древнее зло! Если во время не отыскать и не обезвредить его источник, оно может набрать столь страшную силу, что никто уже не сможет ему противостоять! Да убережет нас от этого Митра!..

Руки у него опять задрожали. Он вновь вытряс в чашку содержимое какого-то пузырька и проглотил жидкость.

Конан и Ивэнна с большим сомнением посматривали на молодого жреца — часом не свихнулся ли парень? Что еще за такое древнее зло, о котором он толкует? По глубокому убеждению Конана, Хассим был самый обычный лгун и мошенник, притом вконец опустившийся. Могло ли за ним в самом деле стоять нечто значительное?

— Желтобрюхий подонок теперь, скорее всего, удирает в сторону заморийской границы, — проворчал наконец варвар. — А что это за зло, которым ты нас пугаешь? И как ты сумел ощутить его присутствие, просто прикоснувшись к безделушке?

— Нас, жрецов Митры, с самых начальных ступеней научают распознавать следы и знаки присутствия Врагов Света, — ответил Мадеуз. — Позже вырабатывается особого рода чувствительность к предметам и даже местам, вблизи которых недавно побывали создания Тьмы. При этом чем сильнее зло, тем проще распознать его след. Мы называем эти невидимые простым глазом следы «аурой». Аура ощущается только путем прикосновения к предмету. Как опытный охотник различает зверей по отпечаткам их лап, так и искусный жрец узнает своего врага по его ауре. Священство, редко покидающее храмы, со временем утрачивает эту способность. Им ведь редко приходится встречаться со Злом лицом к лицу.

Что до меня, то по меркам жречества я совсем молод. Но в своих странствиях я сталкивался с

таким количеством бесовских созданий, какое и не снилось седобородым старцам, живущим в безопасности своих храмов. И я утверждаю: этого браслета касалась злая Сила неведомой мне природы. Я чувствую ее смертоносную мощь, ее ненависть ко всем живым существам, ее жажду уничтожать и калечить. Я буду молиться, и, может статься, Небесный Отец сочтет возможным поведать мне, что это за Сила. Если же нет, я восприму это как Его указание не вмешиваться...

Теперь мне пора, друзья мои, но позвольте предупредить вас: берегитесь Хассима! Он может оказаться всего лишь пешкой в руках Зла, но кто поручится, что за ним не стоят неведомые и страшные Силы? Кто-то ткет паутину: остеграйтесь запутаться в ней так, что потом не сможете выбраться!..

Голос Мадезуса становился все громче, а последние слова он для убедительности сопроводил ударом подкованного посоха в пол. Поднявшись, он собрал свою потертую сумку, завернул браслет в белую тряпочку и бросил его внутрь.

Конан не слишком серьезно воспринял предупреждение целителя. Весь этот бред сивой кобылы насчет каких-то там аур и колдовских паутин у него в голове обычно не задерживался. Пусть ими и прочей потусторонней белибердой занимаются жрецы и им подобные. Конана интересовали понятные, земные материи. Хассим, например. Хассим, по крайней мере, был человеком из плоти и крови, а значит, эту плоть можно

было проткнуть мечом и не сомневаться, что потечет кровь. Пускай безумный Мадезус гоняется за колдовскими заговорами и прочей чепухой. Его дело. Пускай только не становится у Конана на дороге и не мешает ему мстить. Варвар кивком попрощался с целителем и пристегнул к поясу меч, поразившись при этом, насколько быстро выздоравливало запястье.

Лекарь был прав в одном: Конану следовало соблюдать предельную осторожность. На всех воротах будет стоять стража, получившая его приметы. Что ж, он извлечет из этого выгоду: если все кинутся следить за воротами, значит, меньше стражи будет околачиваться в городе, а именно там он и планировал начать охоту за Хассимом. Ивэнна подтвердила, что не далее как вчера было объявлено о крупной награде за розыск браслета; навряд ли заморийский мошенник не явится за деньгами! Конану оставалось только где-нибудь спрятаться и понаблюдать за входом во дворец. Ивэнна, со своей стороны, будет держать ушки на макушке и внимательно слушать все новости, касавшиеся вчерашнего происшествия. Тем более что все городские пересуды и сплетни неизбежно стекались в «Золотой Лев». Распространялись же слухи быстрее удирающих крыс.

Конан молча сидел и строил какие-то планы, Ивэнна же принялась готовить еду: тушеное мясо с пряностями, козий сыр, пастущеский хлеб с толстыми корками...

Отклонив приглашение Ивэнны отобедать, Мадезус рассеянно побрел улицами к древнейшему и самому бедному из трех городских храмов, посвященных Владыке Света. Жрец был уверен, что всей правды Конан ему не сказал. Навряд ли, однако, варвар имел хоть какое-то отношение к тому злу, которое он ощущил сразу, как только прикоснулся к браслету.

Увы, парень и девушка не отнеслись к его предупреждению с должной серьезностью. Что ж! Его дело — отыскать источник зла и истребить его, если хватит сил. Митраитское священство больше не признавало его настоящим жрецом, но Мадезус не считал для себя возможным трусливо отворачиваться от проявлений Зла и притворяться, будто их вовсе не существует. Взял след — разыщи и сразись, хотя бы это принесло тебе гибель. Так наставлял молодого жреца его Учитель, Калетос. Несколько лет назад, перед его уходом из Коринфии, между ними состоялась заключительная беседа, и сказанное Учителем навсегда запало в сердце Мадезуса.

«Запомни мои слова, — говорил Калетос, — и моли Митру, чтобы тебе никогда не пришлось воспользоваться тем, что ты сейчас услышиши. В мире присутствует великое Зло, и далеко не все оно коренится в сердцах самих людей. Никто не рождается прислужником этого Зла: оно проникает в душу и разлагает ее изнутри. Человека, предавшегося Злу, можно убить, но Зло, овладевшее им, от этого

не исчезнет. Проклинаемый людьми бог-Змей Сет — всего лишь одна из недобрых Сил древности, что до сих пор делают свое черное дело, таясь от света в бессолнечных недрах земли. Эти Силы бессмертны. Они могут спать столетиями, а потом пробуждаются и начинают ткать свои сети, улавливая души людей. Алчные и слабые духом куда как падки на их посулы и лживые обещания. Это — готовая пища для Сил Зла! Оно пожирает их и отбрасывает за ненадобностью, и слишком поздно осознают они ошибочность избранного пути!

Но есть среди людей и такие, кто предназначен выискивать и уничтожать Первородное Зло, ищущее нашей погибели. Мой Насставник был из таких; и в тебе, Мадезус, я чувствую то же самое. На смертном одре Насставник передал мне могущественный амулет и научил молитвам, позволяющим прибегать к его силе. И вот, Мадезус, пришел час передать его тебе и с ним совет: используй амулет только в час крайней нужды! Ты становишься на путь, который не многие дерзают избрать. Отныне ты не сможешь называться жрецом Митры, по крайней мере в обычном понимании этого слова. Ты оставил храм и пойдешь в мир. Ищи же Зло, которое ждет тебя там, и без устали изгоняй его с лика земли! Только не забывай при этом о своем долге по отношению к другим людям и об искусстве исцеления, которое я

тебе преподал. И помни: амулет не откликается на молитвы людей, которые желали бы использовать его в своих корыстных целях. Поэтому да будут твои побуждения всегда чисты и неизменно направлены на добро. Я же буду молить за тебя Митру, храмы Которого навсегда останутся для тебя родным домом...»

...Мадезус покинул Коринфию три года назад. Покинул с надеждой когда-нибудь возвратиться и поведать Калетосу о своих путешествиях. Он знал, что его Учитель был прав. Служение богу Света в коринфийском храме — это не для него. Его предназначением было защищать людей от Врагов, против которых сами они, со всем их оружием, были бессильны.

Поднеся руку к груди, он ощупал сквозь понощенную одежду свой амулет — звезду о семи лучах, висевшую на шее. Он чувствовал, что Зло, оставившее свой след на браслете, таилось где-то здесь, в городе. Быть может, он, Мадезус, забрел в Пайрогию совсем случайно. А может быть, его *направили*. Браслет — вот его зацепка в розысках неведомого Зла. Он определит, где оно прячется, и даст ему бой.

Он поднимался по ступеням, что вели в храм, и лицо его было решительно и угрюмо.

— Эй, ты, стой!.. Стоять, кому говорю!..

Громогласный приказ закованного в латы стражника сопроводил взмах выдернутого из ножен длинного обоюдоострого меча.

Конан бросил на кричавшего кровожадный взгляд, потом покосился через плечо в переулок. Как назло, в переулке громоздилась куча каменных обломков: дома веттали и постепенно разваливались. Киммериец был не вполне уверен, что успеет перемахнуть через завал прежде, чем стражники до него доберутся.

Вот уже некоторое время он со всей осторожностью пробирался в направлении дворца, тщательно избегая людных больших улиц. Досего момента ему действительно не попалось ни единого патруля. Зато теперь, похоже, влип как следует. Вот что значит — не повезло! И ни тебе боковых дверей или хоть окошек, куда можно было бы юркнуть.

«Ладно, — сказал он себе, вытаскивая меч. — Я не напрашивался». Если эти недоумки в самом деле решили его задержать, пускай не обижаются. Конан крутанулся на месте и молча ринулся прямо на подходивший патруль. Самое обидное, что, приблизившись, он узнал в одном из стражников старшину Эккара, частого посетителя «Золотого Льва».

Очнувшись от мгновенной неожиданности (ждал, что Конан кинется наутек), Эккар остановился и принял боевую стойку. Остальные патрульные тоже выхватили оружие. В отличие от предводителя, на них были только кожаные камзолы и железные шлемы.

— Погоди! Я не хочу тебя убивать! — прокричал Конан. — Обвинение ложное, я ни в чем не виновен!

— Не трать силы на болтовню, варвар! — был ответ. — А вранье свое прибереги для ушей капитана! И если ты сейчас же не бросишь меч и не пойдешь с нами сам, мы с ребятами ветчину из тебя сделаем!

— Бросить меч? — зарычал Конан. — Лучше уж я его воткну в твои вонючие кишки!

Старшина заворчал и подступил ближе. Он двигался осторожно и уверенно — опытный фехтовальщик. Вскинув меч, он лязгнул им по мечу Конана и сделал быстрый выпад, намереваясь покончить с варваром раз и навсегда. С таким же успехом он мог бы атаковать каменную стену. Киммериец попросту отшвырнул его меч и сам сделал выпад, да такой, что Эккар, скакнувший навстречу, едва не напоролся на клинок, как на вертел. Старшину спасла быстрота: он успел отскочить, и меч Конана лишь откромсал от его кольчуги изрядный лоскут. Варвар заметил, как на лице его противника мало-помалу начал проявляться страх. Тем не менее стражник продолжал бой. Он осторожно двинулся в сторону, пытаясь дать место своим людям. И точно, один из патрульных занес меч и шагнул вперед. Но переулок оказался слишком узок, для троих в нем уже не было места.

Эккар, тяжело дыша, принялся отдавать распоряжения:

— Фелг, живо за подмогой! Юранд, обеги квартал и нападай с другой стороны!

А сам тем временем отскочил на два шага прочь и поднял меч, готовясь отражать выпад киммерийца. Конан понимал: если он не прорвется прямо сейчас, очень скоро переулок будет кишмя кишеть стражниками, и те его попросту сомнут числом. Он рубанул по мечу Эккара, пустив в ход всю свою немалую силу. Клинок старшины разлетелся вдребезги. Меч Конана рассек и его, и кольчугу, и несколько ребер под ней. Удар отшвырнул Эккара назад и опрокинул его навзничь. Из раны в груди била багровая струя. Он еще успел открыть рот, как бы пытаясь что-то сказать, но вместо слов изо рта потоком хлынула густая алая кровь.

Фелг с Юраидом перескоцили через поверженное тело своего командира и кинулись мстить. Один из них замахнулся на Конана широким кривым ножом, другой нацелил ему в голову лезвие длинного ятагана. Киммериец нырком ушел от удара, вышиб у Фелга из руки нож и мгновенным движением меча выпустил стражнику кишки. Юранд неуклюже защищался. Пятясь перед сорушительным натиском киммерийца, он едва не упал, запутавшись ногами в Фелговых внутренностях.

Конан продолжал наседать. Обманный бросок, режущий удар в незащищенный бок противника... Бритвенно-острая сталь легко вспорола кожаную куртку и глубоко вошла в тело. Юранд издал нечеловеческий вопль и выронил ятаган, между тем как Конан рывком выдернул свой меч

из его бока. Стражник рухнул наземь, зажимая ладонями страшную рану.

Киммериец стряхнул с меча кровь и быстро огляделся, высматривая, не бежит ли кто сзади. Никого! Он единственным духом взлетел на кучу мусора и спрыгнул по ту сторону. В это время сзади раздались крики. Стражники! Принесла же нелегкая. Конан во весь дух помчался по переулку, надеясь оторваться от погони. Узкий проход завернул направо...

...И неожиданно кончился глухим тупиком.

Перед Конаном была высокая кирпичная стена без каких-либо признаков окон. Виднелась только толстенная деревянная дверь, укрепленная массивными железными полосами, каждая длиной в его руку. И запертая, конечно.

Размышлять было некогда. Конан разбежался и что было силы ударил в дверь ногой. Дверь затрещала и чуть подалась, железные полосы за скрипели. Конан разбежался снова и ударил еще раз, уже плечом. Кто угодно другой при этом переломал бы себе все кости, но Конан выдержал. А вот дверь — нет. Заклепки начали выскакивать, одна из полос заметно согнулась. Конан сейчас же схватил ее, уперся и потянул на себя так, что на могучих руках вздулись жилы. Толстая полоса начала медленно отходить, заклепки с треском рвались. Их оставалось всего лишь две, когда из-за угла показалась погоня.

— Кром!.. — вырвалось у Конана. Имя бога, произнесенное в качестве ругательства, придало

сму сил. Еще одно предельное напряжение мышц — и железная полоса была сорвана. Конан размахнулся ею, как дубиной, и шарахнулся по голове первого же стражника. Тот свалился с раздробленным черепом, не издав ни единого звука.

Конан запустил железной полосой, как копьем, в следующего и выхватил меч, издав при этом леденящий душу киммерийский боевой клич. Между тем импровизированное копье угодило стражнику в живот и отшвырнуло его прочь, прямо на сотоварищ. Однако из-за угла появлялось все больше и больше вооруженных людей, и многие были в кольчугах, а один уже прикладывал стрелу к тетиве короткого лука.

По-дуряцки лезть под град стрел Конану совсем не хотелось. Он воспользовался недолгим замешательством стражников и снова пнул дверь. Что-то затрещало с той стороны, и дверь тяжело обрушилась внутрь здания. Конан бросил быстрый взгляд внутрь... и выругался снова. Здание оказалось складом. И притом набитым до потолка бочками с вином.

Делать нечего, Конан схватил одну из бочек за оба конца и взметнул над головой. Бочка попалась тяжелая — на руках и торсе киммерийца вспухли узлы мышц. Однако он справился, и в следующий миг бочка полетела в наседавших стражников. Тяжелый «снаряд» прихлопнул сразу троих и еще нескольких сбил с ног. От удара о мостовую с бочки слетели обручи, и нападавших окатила волна дешевого вина. Конан тем

временем выкатил в переулок еще несколько бочек, загромоздив стражникам путь.

Юркнув внутрь, молодой варвар проворно вскарабкался на самый верх и скользнул в глубину, протиснувшись между верхним рядом бочек и потолком. Добравшись до противоположного конца помещения, он спрыгнул на пол. Надтреснутое, замызганное окошко давало относительную возможность рассмотреть, что делалось на улице. Холера, опять стражники!.. Что ж, другого выбора, кроме как прорываться, у него не было. Если не удастся от них убежать, он по крайней мере отправит в преисподнюю некоторое число врагов, прежде чем они его свалят...

Конан уже нацелился вышибить переднюю дверь, когда его ноги коснулось дуновение прохладного воздуха из щели в деревянном полу.

Отпихнув в сторону мешавшую ему бочку, киммериец обнаружил в полу остроумно замаскированный люк. Надо полагать, под ним был проход, который куда-то вел, иначе откуда бы взяться сквозняку? Пустив в ход кончик меча, Конан поддел тяжелую крышку, откинул ее и заглянул в открывшийся лаз.

Под крышкой была дыра, уводившая вертикально вниз, в темноту. В стенке ее торчали грубо сработанные скобы. Снизу шел резкий запах выгребной ямы, но в воздухе не было затхлости, присущей замкнутому пространству. Значит, где-то был и выход.

Пока Конан соображал, как тут быть, передняя дверь склада затрещала и дрогнула, а сзади послышалась ругань стражников, карабкавшихся на бочки. Решившись воспользоваться лазом, Конан подтащил к себе ближайшую бочку и спустился в дыру, надвинув за собой на люк крышку вместе со стоявшей на ней бочкой. С внутренней стороны толстой деревянной крышки был еще и запор, предохранявший лаз от нежелательного проникновения сверху. Конан с лязгом задвинул его.

Глаза киммерийца уже начинали понемногу привыкать к темноте. Откуда-то снизу исходило слабое свечение, так что в колодце царил не то чтобы уж совсем полный мрак. Конан стал спускаться, осторожно пробуя ногой каждую очередную скобу. Судя по количеству паутины, колодцем не пользовались уже несколько лет. Пауки разбегались во все стороны, недовольные неожиданным вторжением человека.

Достигнув дна, Конан убедился, что попал в пересохший тоннель городской канализации. Отблеск света, который он заметил еще сверху, исходил из уличного зарешеченного люка. Издалека доносился гнилостный смрад, впереди был слышен крысиный писк. Что-то защекотало Конану шею, и он с содроганием убедился, что все его тело облеплено паутиной, а в ней копошится множество пауков. Киммериец принял смахивать восьминогих тварей и давить их на полу. Пауки кусались, но ядовитых среди них, видимо, не было.

Заметив, что малосимпатичными тварями кишел не только колодец, но и сам тоннель, Конан поспешно устремился вперед. Чувство направления его еще не покинуло, и он старался пробираться в сторону дворца. Стражники более не внушали ему опасения. Даже если они и последуют за ним в подземелье, в путанице тоннелей он легко уйдет от погони. Он прислушался. Судя по всему, они не нашли потайного люка в полу: если бы нашли, то попытались бы выломать, и он бы это услышал.

Еще не отошедший от возбуждения битвы и окрыленный новой надеждой, Конан зашагал вперед извилистыми ходами, проложенными в городских недрах...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КОРОЛЬ ЭЛЬДРАН

Король Эльдран утер с бледного чела пот и невесело посмотрел на свое отражение в зеркале, висевшем на стене скромно обставленной спальни. Увиденное его совсем не обрадовало. В это утро он выглядел гораздо старше своих сорока пяти лет. Накануне вечером он ощутил первые признаки какой-то хвори и на всякий случай заварил себе кезанкийских трав, укрепляющих силы. Он думал, что за ночь все пройдет, как то обычно и бывало, однако ошибся. Утро принесло с собой явное ухудшение.

При других обстоятельствах Эльдран предположил бы, что его отравили, но после последнего покушения на свою жизнь он стал самолично наблюдать за тем, как готовилась для него пища. Вот и вчера вечером он присутствовал на кухне при тушении мяса. А потом вся его стража ела вместе с ним из одного блюда, благо вкусы у короля и телохранителей были одинаковые — и он и они предпочитали простую пищу, к которой с детства привыкли. Король Эльдран во всем по возможности придерживался простоты. И в одежде, и в убранстве покоеv, и в манере править страной. Он отлично знал,

что это отвратило от него многих вельмож. Отпрыски благородных родов считали его деревенщиной на троне, коронованным козопасом. Зато простой народ по достоинству ценил своего короля. Эльдран, конечно, не был красноречивым и изворотливым дипломатом. Когда ему случалось говорить с народом, он говорил правду — честно и без обиняков. И это расположило к нему множество сердец по всей стране.

Там, где требовались тонкости придворного этикета и цветистые речи, король полагался на своего старшего евнуха — Ламици. Ламици долго служил правящему Дому именно в таком качестве. Самого евнуха Эльдран не больно-то жаловал — уж слишком услужливо он улыбался и гладко говорил. Такие люди были королю не по душе. Однако упрекнуть Ламици было не в чем, да и род его поколениями верно служил бритунийским монархам...

Эльдран подошел к окошку и посмотрел на восходящее солнце. Главный евнух вот-вот должен был войти к нему с ежеутренним визитом, дабы обсудить безотлагательные политические дела...

Король потер руками лицо и помотал головой, силясь разогнать пелену, застилавшую зрение. «*Не дело, — решил он. — Если к полудню не полегчает, пошлю за лекарем.*

Эльдран когда-то служил в пограничных войсках и многое там перенес — и ранения, и болезни. Оставалось надеяться, что ничтожная

хврь не сумеет уложить его замертво, как какого-нибудь старого нищего, склонного жаловаться на каждый сустав.

А может, это сказывалось горе, постигшее его так недавно?.. Король тяжело переживал внезапную гибель своей любимой дочери — Эльспет. Ко всему прочему он видел в случившемся и свою вину. Вне всякого сомнения, несчастная принцесса пала жертвой заговора, направленного против него самого. Первое время после ее гибели он пребывал в ярости и жаждал отмщения. Теперь гнев улегся, оставив лишь страшное чувство опустошенности. Как прекрасна была его любимица Эльспет!.. И как похожа на свою мать, Кассандру!..

До чего жесток этот мир, отнявший у Эльдрана сперва жену, а всего через несколько лет — и горячо любимую дочь... Как раз когда король только-только успел свыкнуться с печальной долей вдовца, благо воинская служба помогала ему забываться...

Эльспет, Эльспет!.. Ее улыбка, ее смех, золото волос, веселый и вспыльчивый нрав...

Эти воспоминания были главными сокровищами осиротевшего короля. Самым дорогим, что у него в жизни осталось.

Грустно улыбнувшись, Эльдран натянул темно-серый камзол, потом черные шерстяные штаны и, наконец, сапоги, сделанные из толстой и прочной, но притом очень мягкой кожи редкостного черного носорога, водившегося в

стране Коф. Застегнув на талии потертый пояс с мечом, король определенно почувствовал себя лучше. Кезанкийский меч при бедре перешел к нему от отца. Его привычный вес добавлял уверенности, успокаивал. Эльдрану даже показалось, будто тяжелый стальной клинок ластился, прижимаясь к ноге.

Утреннее солнце заливало потоками света крепкую, подтянутую фигуру короля. В действительности Эльдран выглядел куда более царственным, чем сам предполагал. Коротко подстриженные темные волосы густо запорошила седина. Бороду он по давней привычке тоже стриг коротко. Серо-стальные глаза, которые рассвет подкрашивал голубизной, отражали сущность этого человека, наделенного железной волей, цельным, несгибаемым характером, честностью, силой и простотой. Годы, проведенные в постоянных боях на северо-восточной границе Бритунии, наградили короля внушительной мускулатурой, и знающие люди подтверждали, что он был необыкновенно ловок с мечом. Сурое лицо, отмеченное шрамами и печатью прожитых лет, оставалось по-мужски привлекательным.

Неизменное дружелюбие Эльдрана и его уважение к другим людям снискали ему множество горячих сторонников. Войско, а потом и весь народ привыкли видеть в нем находчивого и заботливого предводителя. Он сделал в не столь многочисленной бритунской армии стреми-

тельную карьеру, но умудрился при этом почти не нажить себе завистников: каждое очередное продвижение по службе было заработано героическими и самоотверженными действиями, а не подс挤压анием и интригами. На границе, во время каждого дневных стычек и засад, ему порою случалось выручать из беды собственных телохранителей. И даже личное горе только укрепило его, закалило, как стальной клинок под молотом кузнеца.

Его произвели в полководцы почти в то же время, что и его давнего друга — Вальтреско. Они с ним много лет сражались бок о бок, защищая восточное пограничье Бритунии, только войско Эльдрана стояло дальше на север, а Вальтреско командовал южнее, ближе к столице. Но если приходило время отражать очередной набег из Гипербореи или Турана, друзья-полководцы всегда действовали сообща.

Когда воинственные офицеры и знать Бритунии потребовали, чтобы он воссел на трон вместо усопшего короля, изумлению Эльдрана поистине не было предела. Если уж на то пошло, при отсутствии законного наследника бритунийские монархи действительно избирались обычно из военной среды. Но до сих пор это были люди гораздо знатнее Эльдрана. Когда король Куллан присоединился к сонму предков, не оставив детей, Эльдран почти не сомневался, что новым правителем страны станет Вальтреско. Когда последовало неожиданное предложение, он даже

подумывал отречься в пользу Вальтреско. Ну какой из него, в самом деле, король?..

Тем не менее после тягостных раздумий он все-таки принял корону. И не в последней степени потому, что представители сразу нескольких известных бритунийских семейств заявили ему — только его восшествие на престол могло, мол, предотвратить между ними кровавую свару из-за власти. Не приведи боги, если воцарится представитель одиого из этих родов, смертельно оскорбив тем самым все остальные!..

И первое, что он сделал, — это назначил Вальтреско верховным полководцем всех армий Бритунии. Эльдран опасался, что обойденный Вальтреско затает обиду, но тот не выказывал никакой ревности, никакого недовольства.

Между тем Эльдран явился первым монархом в своей древней династии, которого с энтузиазмом поддерживали кезанкийские горцы. Вот это обстоятельство и подтолкнуло его к окончательному решению. Прежние короли Бритунии относились к горцам безо всякого уважения. И в самом деле, за что им было особо уважать небогатый и строптивый народ, всегда державшийся особняком?

Вот Эльдран и решил, что, приняв корону, сумеет объединить бритунийский народ в сплоченную нацию и положить конец беспрестанным насокам не в меру воинственных соседей. Ни о каких империях Эльдран не мечтал. Начать с того, что у Бритунии не было денег для снаря-

жения большой армии, способной завоевать могущественные сопредельные страны. Да и самого Эльдрана слава завоевателя ничуть не прельщала. Он слишком дорого ценил человеческую кровь, чтобы платить ею за лишние клочки земли для своей державы. Пределом его мечтаний была мирная и спокойная страна, народ которой смог бы чувствовать себя в безопасности. Вот потому-то он и вел бесконечные переговоры с государями Заморы, Коринфии и могучей Немедии. И относились они к нему, надо сказать, гораздо уважительнее, чем к кому-либо из его венценосных предшественников. Хотя бы потому, что народ, верный Эльдрану, чуть что — выставил бы весьма серьезное и грозное войско.

Конечно, стычки на границах происходили каждый божий день. Естественно, соседи спешили объявить их «вылазками» каких-то там «отщепенцев». Эльдран хорошо понимал, что в действительности его пробовали на зуб. Всякий раз Вальтреско весьма убедительно доказывал мощь и решимость бритунской армии и ее полководцев. А чем больше набегов получало сокрушительный отпор, тем лучше двигались переговоры.

Оставалось только сожалеть, что некоторые сопредельные страны, особенно Немедия и Замора, видели в царствовании Эльдрана угрозу собственной безопасности. Именно оттуда исходили постоянные, до сих пор безуспешные попытки уничтожить его лично. Положить конец этим поползновениям не представлялось возможным.

Поразмыслив над ними, Эльдран пришел к выводу, что его планы, по-видимому, медленно, но верно приобретали черты реальности. Иначе сопредельные короли навряд ли стали бы искать его смерти.

Последняя попытка отравления только научила его еще большей осторожности. Он терпеть не мог находиться под постоянным надзором охраны, но понимал, что иначе просто нельзя. Слава богам, его личная стража состояла из горцев, многие среди которых воевали с ним бок о бок в прежние времена: король рад был проводить время в обществе старых товарищей, к тому же близких ему по крови. Вот если бы еще ему удалось должным образом оградить Эльспет...

Эльдран решительно прогнал горькую мысль прочь, сказав себе, что теперь все равно слишком поздно. А значит, нечего и грызть себя за былые просчеты. Лучше попытаться сосредоточиться на последних нюансах взаимоотношений с соседними королевствами...

Эльдран вновь посмотрел в окошко. Наверное, Ламици сообщит ему, как ответил заморийский принц на его последнее предложение по части использования порубежных земель.

Стоило подумать об этом, и за дверью протопал сапожищами Кейлаш — кезанкийский вождь, ближайший друг и телохранитель Эльдрана.

— Евнух Ламици ждет у порога, государь, — прогудел низкий голос могучего горца. — Во имя

Эрлика, Эльдран, и как только ты терпишь этого типа? Я так скорее бы полез купаться с кхитайскими водяными гадюками, чем слушать его советы!.. От одного его голоса и то уши вянут!

— Спокойно, дружище, — улыбнулся король. — Я от Ламици тоже не в особом восторге, но что делать? Он служит стране и людям, точно так же как ты или я. Королевство складывается из тьмы-тьмущей людей, от великих до малых, и у каждого свое дело на этой земле... Кто возьмется судить, какой человек важен, какой нет? Мало ли кого я в этом городе терпеть не могу, но делать нечего — уживаюсь... Не в первый раз мы с тобой обсуждаем это, Кейлаш, но, по-моему, ты никогда не изменишься. Ты упрям, как те серые горные козлы, которых разводит твой брат. Ладно, зови сюда Ламици... Нам с ним... — Эльдран неожиданно умолк и вновь вытер покрывшийся испариной лоб. — Нам с ним, — докончил он с видимым усилием, — надо многое обсудить.

Кейлаш озадаченно прищурился, всматриваясь в лицо друга:

— Никак ты захворал, государь? Что-то бледный совсем...

— Что?.. А, пустяки, скоро пройдет. Все-то ты кудахчешь надо мною, Кейлаш! Тоже нянька выискалась!.. Отправь-ка лучше людей завтра катить, а я уж как-нибудь сам о себе позабочусь. Да впусти наконец евнуха, не то мы с тобой целое утро попусту проболтаем!

— Сейчас, государь! — Кейлаш расплылся в улыбке и со смехом хлопнул короля по спине. Тяжеловесная дружеская ласка заставила Эльдрана болезненно вздрогнуть, но Кейлаш не заметил: он уже спешил к внешней двери, за которой дождался Ламици.

Король подошел к массивному каменному столу, занимавшему большую часть комнаты, и опустился в одно из обтянутых простыми чехлами кресел, расставленных вокруг. Перед ним была карта Бритунии и соседних держав. Эту карту Эльдран знал наизусть.

— Доброе утро, государь! Какой чудесный сегодня рассвет!..

В голосе Ламици звучало воодушевление, но глаза смотрели холодно, безо всякого выражения. Подойдя к столу, он поклонился и встал перед королем, выпрямившись в струнку. Эльдран жестом предложил ему сесть, потом заметил, что евнух разглядывает его с обостренным вниманием.

— Мой государь, — тут же сказал Ламици, — прости, но мне кажется, сегодня ты что-то не в себе! Прикажешь послать за лекарем, который осмотрит тебя?

— Не надо, Ламици, — несколько раздраженно отозвался Эльдран. Ему начали уже надоедать бесконечные расспросы о его здоровье, тем более что он и в самом деле чувствовал себя скверно. — Есть ли новости от заморийского принца?

— Гонец еще не вернулся, государь. Он отправился в путь две недели назад, однако дороги... — начал было объяснять Ламици, но король перебил:

— Да, дороги кишат опасностями. Мы с тобой это уже обсуждали. Тем не менее за это время гонец успел бы прогуляться в Вендию и назад! Я отправлю разъезд с наказом выяснить, что его... задержало... — Эльдран в который раз смахнул со лба пот: капли становились все крупнее. Зря все-таки он повысил голос на евнуха. Это все проклятая болезнь. И горе по бедной Эльспет. — Знаешь что, Ламици, — сказал он, — давай отложим нашу беседу. Ты прав: я в самом деле что-то плоховато себя чувствую. Я скверно спал ночью и должен еще отдохнуть, прежде чем заниматься делами.

— Государь... это все из-за принцессы, не так ли? Народ скорбит вместе с тобой, повелитель. Прости, если я вмешиваюсь в твои личные дела, но... если я хоть чем-то могу утешить тебя, ты только скажи. Я, кстати, узнал, что Вальтреско доподлинно выяснил, кто совершил мерзостное злодеяние, и вот-вот схватит преступника. Палач острит топор, государь! Хотя, на мой взгляд, быстрая смерть — слишком легкое наказание за столь чудовищное убийство...

— Казнь не доставит мне удовольствия, — ответил король. — Голову преступнику мы, может быть, и отрубим, но Эльспет все равно не вернешь. Другое дело, что мерзавцу, кто бы он

ни был, самое место в преисподней: там его постигнет воистину справедливый суд и возмездие куда хуже всего того, что могли бы причинить ему люди. Скажи мне только, как звать этого человека? Я должен знать, кто причинил мне такое жестокое горе...

— Его зовут Конан, мой государь. Бездомный бродяга-варвар убил принцессу, позарившись на ее драгоценности. Его голова уже скатилась бы с плахи, если бы не досадная оплошность капитана Сальвораса, упустившего варвара вчера вечером...

— Сальворас?.. Ах да, тот молодой офицер с юго-западной границы. Отменный воин, между прочим. Несколько лет назад он со своими людьми геройски удерживал переправу через Желтую реку, хотя проклятые немедийцы намного превосходили их числом. Жаль, что он так просыпался с этим Конаном. Наверное, варвар далеко не промах, если уж сумел уйти от Сальвораса! Распорядись, чтобы стражники проявляли крайнюю осторожность, когда другой раз пойдут его братья. Человек, способный поднять руку на дочь короля, может быть исключительно опасен для жителей города... Если окажется, что его не взять живьем без лишних потерь, пусть расправятся с ним на месте. Подготовь указ о его казни, Ламици. Я немедленно подпишу.

Евнух тотчас развернул и подал королю принесенный с собой пергамент. Эльдран просмотрел его, не спросив, почему указ оказался уже

подготовлен, потом приложил к нижней части листа перстень со своей печатью. Ламици тем временем с величайшим удовлетворением отметил, что король весь в поту, часто дышит и дрожит точно в легком ознобе. Эльдран был очень бледен и едва совладал с собственной рукой, когда прикладывал печать. Отлично! Азора держала слово. Скоро, очень скоро коронованному козопасу настанет конец.

Зрелище страданий царственной деревенщины доставляло Ламици истинное наслаждение. «*Если бы ты еще знал, дубина, какой именно смертью умерла твоя распутница дочь!.. Вот бы дать тебе послушать ее предсмертные крики, горе-короли!.. Ничего: совсем скоро вы с ней встретитесь в преисподней...»*

— Вальтреско лично заверил меня, что злодей будет вот-вот разыскан и должным образом наказан, государь. Быть может, я могу еще как-нибудь?..

— Нет, Ламици, благодарю. А сейчас оставь меня, пожалуйста, одного. Мне надо многое обдумать. Я позову тебя, когда буду готов. Если явится гонец из Заморы, немедленно сообщи. Ступай, Ламици.

— Слушаюсь, государь. Надеюсь, скоро ты почувствуешь себя лучше... — Ламици потребовалось все его искусство, чтобы это прозвучало искренне. Он поклонился и вышел, бесшумно ступая мягкими туфлями по толстым коврам, покрывавшим каменный пол.

Эльдран медленно поднялся с кресла и позвал Кейлаша. Попытавшись справиться со слабостью и головокружением, король понял, что дело, кажется, и впрямь худо. Кое-как он добрался до постели и лег. Кейлаш стремительно влетел в комнату.

— Я уже послал за лекарем, государь, — проговорил он обеспокоенно. — Прости, что не стал дожидаться твоего распоряжения, но я слишком хорошо тебя знаю. С твоим кезанкийским упрямством ты не позовешь врача, пока не свалишься в предсмертных судорогах!.. — Кейлаш изо всех сил пытался шутить, но мало что получалось. — Думаешь, я не помню, как девять лет тому назад, когда мы бились в Граскаальских горах, ты отмахал десяток лиг с гиперборейской стрелой в животе? Той ночью было темнее, чем в стигийской гробнице, так что никто и не знал, что ты ранен, пока ты попросту не завалился лицом вниз!..

Эльдран слабо улыбнулся:

— Верно, мы с тобой всякого хлебнули в те времена... Однако ты преувеличиваешь, приятель. Насколько я помню, я тогда протащился всего две или три лиги... Ладно, дай отдохнуть. Каким образом, по-твоему, я должен поправляться, если ты все время ревешь мне в ухо, точно осел?.. — Король понюхал воздух и сморшился: — Не говоря уже о том, что и пахнет от тебя, как от осла... Не беспокойся, дружище ослик... я скоро выздоровлю...

Эльдран пытался бодриться, но сам видел, что обмануть Кейлаша не удается. Он закрыл глаза и скоро погрузился в дремоту.

...Почти сразу его посетил очень странный и страшный сон. Он увидел людей, многие из которых были его близкими друзьями. Все они стояли кругом странного каменного алтаря и смотрели на его макушку. Где-то на заднем плане король заметил Ламици. Евнух держал в руках лиру и наигрывал на ней погребальную песнь. Здесь же стоял и Вальтреско, но, когда Эльдран попробовал обратиться к нему, полководец молча отвернулся. Король стал пробираться сквозь толпу, спрашивая каждого, по ком все плачут. Никто не пожелал ответить ему, даже Кейлаш: верный горец попросту смотрел сквозь своего сюзерена, словно не узнавая его. Добравшись наконец до алтаря, Эльдран разглядел черноволосую женщину необыкновенной, дурманящей красоты. Она протянула ему руку, и он без усилия взобрался к ней на алтарь. Бывшие вокруг начали поворачиваться и уходить прочь.

Незнакомка тем временем обняла его и страстно принялась целовать. Изумленный король попытался высвободиться из ее объятий, но не сумел. Потом, посмотрев через ее плечо, он заметил свою жену и дочь, молча стоявших у алтаря. Ламици продолжал наигрывать похоронный мотив. Пальцы евнуха так быстро летали по струнам, что сливались в одно мутное пятно.

Потом в чертог ворвался могучий мужчина с горящими синими глазами. Он яростно размахивал длинным прямым мечом западной работы. Он кинулся прямо на дочь и жену Эльдрана, занося блестящий клинок!.. Перед ним возник Вальтреско, но полководец был безоружен. Подняв голову, Вальтреско посмотрел на Эльдрана, взглядом умоляя его дать ему меч. Король выхватил из ножен отцовский клинок и бросил его полководцу — тот подхватил меч с легкостью и изяществом жонглера. А потом рубанул наседавшего варвара, не давая ему добраться до беспомощных женщин.

От прикосновения кезанкского лезвия черноволосый гигант рассеялся, словно горстка пыли. А Вальтреско... безо всякого предупреждения повернулся к дочери и жене короля и проткнул мечом сначала одну, потом и другую!.. Эльдран отчаянно закричал, но с его уст не сорвалось ни звука. Ламици все так же терзал лиру, что-то вполголоса напевая. Теперь он играл старую бритунийскую танцевальную песню, часто звучавшую, когда праздновались победы.

Странная незнакомка, по-прежнему сжимавшая Эльдрана в железных объятиях, запрокинула голову и торжествующе расхохоталась, показывая жуткие ряды по-змеиному остроконечных черных зубов. Вот ее голова вновь качнулась вперед... и змеиные клыки впились прямо в его беззащитное горло. Король судорожно забился, но силы быстро оставляли его. Женщина пила

его кровь, словно огромная двуногая пиявка. Он почувствовал, что теряет сознание...

Эльдран очнулся в поту, сотрясаемый жестоким ознобом. В его жилах бился огонь. Он закричал бы, если бы мог совладать с собственным горлом, перехваченным неведомой силой. Он чувствовал страшную слабость, туман перед глазами то рассеивался, то стущался. Сколько он проспал?.. Он смутно помнил кошмарный сон: какая-то женщина... черный алтарь... Воспоминание быстро погасло в охваченном лихорадкой мозгу. Он кое-как разглядел рядом с собой лекаря и Кейлаша. Они тихо переговаривались у его постели. Эльдран хотел приподняться, но тело было чужим. Лекарь вытер лоб короля прохладной влажной тряпицей. Он что-то говорил Кейлашу, но сознания Эльдрана достигали только бессвязные обрывки слов.

— Внезапное пробуждение... да, вчера он... травы... колдовство... метался в бреду... нужен хрец...

Лекарь вышел из комнаты. Кейлаш склонился над другом, с бесконечной заботой взглядавшись в его лицо, потом положил мясистую лапищу ему на плечо. Он заговорил, но Эльдран едва его слышал.

— Держись, дружище, лекарь скоро вернется... Мы разыщем...

Краски мира вновь померкли для несчастного короля. Эльдран закрыл глаза и спать погрузился в сон, где снова и снова раскручивался все тот

же кошмар. Безумное представление, разыгранное на подмостках глубочайших бездн преисподней...

Кейлаш выпустил плечо друга и беспокойно заходил по опочивальне. Ему приходилось видеть Эльдрана, как говорится, во всех видах. И пьяным, и мечущимся в лихорадке из-за ран, полученных в битве, и смертельно усталым, и страдающим от солнечного удара. Но чтобы он вот так в мгновение ока поддался непонятной болезни?.. Такого с ним никогда еще не бывало. Правду сказать, вчера король выглядел бледноватым, но сейчас он был попросту похож ни привидение. Теперь он спал, но сон не освежал его, а скорее мучил: Эльдран вскрикивал и метался на ложе. Лекарь не смог ни разбудить его, ни унять боль. Временами король открывал глаза, но почти сразу вновь опускал веки. Ни о пище, ни о питье не было речи. Они попытались было его накормить, но кончились тем, что он чуть не задохнулся.

Кейлаш подозревал, что дело не обошлось без колдовства. Было очень похоже на то, что какой-то нечистый дух, вызванный из глубин ада, пытается сокрушить душу и тело Эльдрана. Потому-то и бесполезно было искусство самых лучших врачей. Только жрец или волшебник мог спасти вождя и друга Кейлаша. Он уже послал троих самых стремительных своих наездников за кезанкским шаманом. Но даже если бы парни не скакали на лошадях, а неслись на крыльях,

путешествие заняло бы много дней. Слишком много.

— Держись, друг!.. — утешал короля Кейлаш. — Гони демона, впившегося в твое сердца! Клянусь Эрликом, ты сумеешь его одолеть!..

Он ходил и ходил по комнате, гадая, сколько еще времени отпущено Эльдрану. Всем своим существом горец чувствовал, как покидала короля жизненная сила. Неведомый враг высасывал ее капля за каплей, а он, Кейлаш, ничего поделать не мог...

ГЛАВА ПЯТАЯ

КРОМЕШНЫЙ УЖАС

Конан только раздраженно ворчал, время от времени наступая на что-то мокрое, скользкое и волосатое, стремительно удиравшее из-под обутых в сандалии ног. Вот уже несколько часов он плелся куда-то старинными канализационными тоннелями, и мерзкая жижа, местами достигавшая колен, успела смертельно ему надоесть. Не говоря уже об отвратительном запахе, который она источала! Конан задыхался, кое-как сдерживая тошноту. Время от времени ему начинало казаться, что измученное обоняние милосердно отказывалось служить. Но запах постоянно менялся (причем, конечно, в худшую сторону), и он убеждался, что, к сожалению, не потерял нюх.

Оставалось только радоваться, что забытой канализацией во многих местах почти не пользовались. Иначе ему пришлось бы еще покруче теперешнего.

Киммериец все посматривал на потолок, надеясь разглядеть очередной лучик света, но тщетно. Слишком давно наверху не попадалось уличных решеток. Тем не менее Конан был уверен, что по-прежнему движется по направлению ко дворцу.

Около часу назад, добравшись до места, где тоннель разветвлялся натрое, он довольно долго раздумывал, какой путь избрать. Проход, увидевший в сторону дворца, слегка понижался, и ему это весьма не понравилось. Конан, однако, полез именно туда, ибо не желал уподобляться маленькому ребенку, боящемуся темноты. Чем дальше он уходил, тем быстрее мерк едва сочившийся свет, пока не сменился вовсе уже чернильной темнотой, едва проницаемой даже для его острых глаз, привыкших к темноте подземелья. «*Кром!.. Хватит с меня!*» — решил он наконец. Повернулся и зашагал назад, намереваясь вновь выйти к разветвлению тоннелей и попробовать другой путь.

На всякий случай он ощупывал рукой стену, и каменная кладка, по которой скользили его пальцы, казалась ему более чем странной. В нем пробудилось невольное любопытство... и почти сразу же кусок камня легко отделился от стены, оставшись у него в руке. С одной стороны торчали острые сколы, другая была закруглена, как... вот именно! Как человеческая кость!..

Конан с отвращением отшвырнул «камень», в самом деле оказавшийся костью. И ускорил шаг, стремясь поскорее покинуть зловещее место. При этом он продолжал касаться рукой стены и постепенно осознал нечто такое, от чего волосы у него слегка поднялись дыбом: *вся стена состояла из плотно сбитых вместе*

звериных и человеческих костей!.. Отбросив всяческую осторожность, Конан помчался по тоннелю бегом, кое-как выдиная ноги из вонючей слизистой грязи. Теперь он понимал, почему здесь стоял такой смрад, далеко превосходивший ставшие уже привычными миазмы канализации. Это был запах смерти и трупного разложения. Коридор, по которому бежал Конан, представлял собой самый настоящий склеп.

Споткнувшись, он не удержал равновесия и лицом вниз полетел в отвратительно смердевшую лужу. Пока он поднимался на ноги и пытался хоть как-то оттереть с себя липкую мерзость, послышалось влажное чавканье и следом — неестественный булькающий визг. Инстинктивным движением Конан выхватил меч, и весьма вовремя. Из гнусной жижи начало возникать кошмарное Нечто.

Тварь была громадна. Слизистая туша заполняла собой все пространство тоннеля. И она шлепала прямо к Конану, чавкая, булькая и непристойно визжа. Варвар попятился, до последнего стараясь избежать столкновения. Ему едва удавалось разглядеть в потемках внешний облик чудовища: очертания шишковатого грибобразного тела с дюжиной длинных щупалец, волосатых сверху, а снизу усеянных губчатыми присосками. Одно из этих щупалец вдруг метнулось вперед, точно кнут. Конан взвился в прыжке, не давая опутать себя. Увы, от неожиданности он забыл, что находится в низком тоннеле, и

с маху врезался головой в потолок, вызвав небольшой обвал камней пополам с костями. Удар почти оглушил его. На некоторое время киммериец потерял ориентировку, и сразу несколько щупальц словно тисками сдавили его ногу и тело.

Тем временем непрочный потолок продолжал рушиться, низвергая потоки булыжников и обломков чьих-то скелетов. Краем глаза Конан подметил слабый луч света, неожиданно пробившийся сверху. Оказывается, он находился гораздо ближе к поверхности, чем предполагал. Сверху, хотя и очень слабо, проникал самый настоящий солнечный свет.

Этот свет помог Конану получше рассмотреть схватившее его чудовище. Морщинистую бело-розовую пупырчатую кожу покрывали клоки грубой шерсти разных оттенков ржаво-бурого цвета. Там и сям виднелись тошнотворные наросты зеленой плесени. Беззубая пасть, способная целиком поглотить человека, издавала жуткое чавканье и истекала гнилостной слюной...

Щетинистое щупальце, обхватившее Конана поперек тела, неожиданно напряглось еще больше, порываясь распллющить киммерийца насмерть. Он почувствовал, как выдавливаются из легких последние остатки воздуха, как десятками жадных ртов впиваются в тело присоски. Кровообращение в левой ноге, перекрытое чудовищным нажимом, грозило остановиться совсем.

Однако варвар уже оправился от удара о потолок. Яростный взмах меча — и ост्रое лезвие почти пополам перерубило щупальце, обхватившее его вокруг пояса. Тварь взвыла, отдергивая поврежденную конечность, и вдруг с силой рванула Конана за ногу.

Киммериец вновь оказался на полу и уже во второй раз сильно ударился затылком. Если бы не крепкие шейные мышцы да не инстинкт, заставивший в последний миг прижать подбородок к груди, лежать бы ему с раздробленным черепом. Хуже было то, что из руки выбило меч. Конан принялся щарить впотьмах, извиваясь и лягая щупальце, безжалостно дробившее его левую ногу...

Чудовище не только не думало его выпускать — наоборот, оно принялось еще и подтягивать его к жадно раззявленной пасти. Оттуда сочился черный ихор, и там, где он капал на пол, слышалось шипение и завивались струйки дыма. Потом над пастью приподнялась кожная складка и появился единственный глаз: зловещий, выпуклый, темно-багровый. В щелевидном зрачке, устремленном прямо на Конана, светился ужасный нечеловеческий разум.

Киммериец судорожно пытался дотянуться до меча, но увы! Тот лежал совсем рядом, однако вне досягаемости. Упираясь свободной ногой в стену, Конан как мог пытался противостоять жуткой силе, затягивавшей его в смертоносную пасть. Он пытался хоть за что-нибудь зацепить-

ся руками, но опоры не находил: вокруг были лишь кости и камни, свалившиеся с потолка. В отчаянии варвар подхватил обеими руками увесистый булыжник и запустил им в монстра, целя прямо в его единственный глаз. Запустил со всей силой, на которую были способны его мускулистые руки. Камень попал прямо в цель... раздался звук, как будто лопнул омерзительный гнойный нарыв. Камень пробил оболочку глаза и глубоко вошел в податливые недра чудовища. Рана оказалась смертельной. Тварь забилась в агонии, щупальца беспорядочно корчились и хлестали...

Скользкий пожиратель так и не выпустил схваченную ногу киммерийца. Наоборот, он только усилил судорожный нажим, и Конан отчетливо понял: еще чуть-чуть, и левое бедро превратится в кровавую кашу. Монстр взметнул Конана в воздух и принял хлестать им по полу, по стенам и потолку. Отовсюду сыпались кости и обломки камней, казалось, дрожала сама земля. С шумом обрушилась новая часть потолка. Обвал придавил чудовище, и оно наконец затихло совсем. Щупальце, терзавшее ногу Конана, постепенно обмякло, убийственные кольца разжались.

Запаленно дыша, молодой варвар на четвереньках отполз подальше от страшилища, едва его не убившего. Каким-то чудом его нога осталась цела, кровь болезненно покалывала в ней, возвращаясь. Последний обвал расширил дыру

наверху, так что в тоннеле стало почти совсем светло. Конан осмотрел себя и увидел на бедре и на талии множество сочившихся красных кружков: присоски действительно пытались выпить его кровь. Кроме того, повсюду уродливо багровели ожоги, оставленные прикосновением ядовитой щетины. Вся средняя часть тела мучительно ныла. Еще бы, ведь чудовище едва не пережало его пополам!.. Да, даже дыба палача была милосерднее людоеда, таившегося в сточных тоннелях. Каждый дюйм тела Конана был покрыт кровоподтеками и синяками, и немудрено — ведь им колошматили, точно дубинкой, по стенам и потолку!

Киммериец разыскал меч и с трудом, хромая, поднялся на ноги. Задрав голову, он увидел, что оползень открыл дыру, достаточно широкую, чтобы мог вылезти человек. Какое счастье, что потолок не обрушился совсем и не похоронил его в зловонном тоннеле вместе с ползучим ужасом, который он одолел в столь страшной борьбе!.. Слава богам, изначальная кладка была сработана на совесть. Лезть наверх предстояло футов восемьдесят, если не все девяносто. Но для киммерийского горца это было что-то вроде легкой прогулки. Конану еще в детстве случалось одолевать более отвесные и гладкие стены.

Он осторожно пополз вверх, стараясь по возможности избежать новых обвалов. Оставалось только уповать, что на поверхности его не поджидали бдительные стражники. Как знать!

Схватка в подземелье вышла довольно шумной, уж, верно, кто-нибудь да услышал. Избитое тело не очень-то годилось для новых боев, но все-таки звериная живучесть Конана позволяла надеяться на равную схватку с тем, что могло встретиться ему наверху. Другой человек на его месте неминуемо бы погиб, либо сошел с ума, либо, самое меньшее, еще много дней приходил в себя от страшного потрясения. Киммериец выдержал все и был почти готов к новым сражениям.

Подъем занял больше времени, чем он рассчитывал поначалу. Камни то и дело учиняли очередной оползень, и варвар съезжал на несколько футов вниз, прежде чем ему удавалось вновь обрести опору и продолжить свое движение вверх. Все же, видно, в этот раз он слишком много требовал от своего истерзанного тела: схватка с чудовищем сильно сказалась на его ловкости и проворстве. Тем не менее спустя время упорство Конана было вознаграждено. Он перевалился через край дыры и оказался в относительной безопасности, на твердой земле.

Киммериец сразу обратил внимание, что солнце стоит гораздо ниже, чем он предполагал. Инстинкт времени основательно его подвел: блуждания по темным тоннелям заняли порядочную часть дня. Зато чувство направления не подкачало, безошибочно выведя его ко дворцу. Оставалось преодолеть всего несколько сотен шагов. Конану повезло выбраться на поверхность в одном из просторных парков, окружав-

ших дворец. Запертые ворота тщательно охранялись, с них не спускала глаз недреманная стража. А вот в парках патрулей, как правило, не было. Все-таки варвару крупно повезло в этой игре.

На всякий случай он удалился на почтительное расстояние от небольшого кратера, порожденного оседанием земли, и спрятался в гуще аккуратно подстриженных колючих деревьев. Его ищущий взгляд пристально обежал окрестности: не случилось ли кому-нибудь обнаружить его неожиданное появление в саду?.. Все было спокойно. Никто не мчался хватать незаконно проникшего на дворцовую территорию. Лишь поодаль, у бронзовых ворот, переминалось несколько стражников. Но расстояние было слишком велико, и Конана они не заметили.

Это были внутренние ворота, ведшие непосредственно во дворец. Внешние возвышались в противоположной стороне, в нескольких сотнях шагов. По верху гигантских каменных бастионов могли ходить разом два человека. В высоту стены более чем втрое превышали человеческий рост. Железные ворота, надежно вмурованные в каменную толщу и окруженные контрфорсами, были поистине несокрушимы. И стены, и ворота были воздвигнуты много веков назад, — ни сказитель, ни даже пыльные тома исторических хроник не упоминали о тех, кто их выстроил. Сколько таранов безо всякого толку раскрошилось в щепы об эти ворота! А камень, из которого

были сложены стены! Этот камень был особой породы: сколько ни осаждали королевский дворец, тяжелые снаряды из вражеских катапульт отлетали от него, как безобидный горох.

Конан недовольно нахмурился, понимая, что угодил в своего рода ловушку. Надо будет где-нибудь спрятаться до темноты; ночью он уж как-нибудь переберется через стены, оставшись незамеченным. Его тело сплошь покрывала корка засохшей грязи, мешавшая рассмотреть его в чаще кустов. Как ни хотелось ему поскорее отмыться, лучше с этим несколько подождать!

Он продолжал внимательно осматриваться, ища надежное укрытие, и наконец решил, что удача ему улыбнулась. Шагах в пятидесяти от зарослей стояла безо всякого присмотра тележка с сеном. Сено, по всей видимости, предназначалось для королевских конюшен. Если спрятаться в нем и припасть лицом к щелке между деревянными планками, можно будет со всеми удобствами обозревать вход во дворец. Тележка стояла на самой обочине дороги; никто не сумеет пройти мимо, не попавшись Конану на глаза. В том числе и заморийский подонок, благодаря которому киммерийцу за последние сутки не раз и не два пришлось целоваться со смертью.

Конан перебежал к повозке крадущимся шагом, сгибаясь в три погибели, чтобы не заметила стража, топтавшаяся у ворот. Достигнув наконец своей цели, он закопался в сено, так что его сделалось невозможно заметить снаружи. Очень

хорошо! Можно и телу дать отдых, и за входом во дворец проследить...

Вскорости после того как он занял свой наблюдательный пункт, железные ворота во внешней стене разошлись в стороны, пропуская патруль городской стражи и нескольких богато одетых жрецов Митры, шедших следом за воинами. Странноватая процессия проследовала к внутренним воротам и была незамедлительно впущена. Потом наружу проскакал гонец верхом на резвом скакуне аквилонской породы. Наверное, решил Конан, повез какие-то очень важные вести! Киммериец нюхом чуял, что во дворце происходило нечто неладное. Он никогда еще не видел, чтобы важные жрецы едва не бежали бегом.

Как бы в подтверждение его умозаключений, наружу из дворца высыпала целая толпа служителей какого-то бога. Их темно-зеленые ризы украшали неведомые Конану символы. Они возбужденно переговаривались и от волнения даже размахивали руками. Возле внешних ворот на жрецов чуть не налетел одинокий всадник нарослом вороном коне. Ярко-алый плащ развевался за его плечами, как знамя на ветру. Конан обратил внимание на полированный стальной нагрудник, кольчужные подмышки и темные кожаные штаны. Сапоги военачальника (ибо это был, вне всякого сомнения, военачальник) усеивали блестящие заклепки, он крепко сжимал поводья руками в латных перчатках. Вдоль бедра

нисел длинный тонкий меч с замысловато украшенной рукоятью. Шлема на голове не было, и седеющие светлые волосы развевал ветер. Эмблема на нагруднике была та же, что рисовали на своих щитах воины городской стражи.

Жрецы едва успели шарахнуться из-под копыт, а неучтивый всадник поскакал ко внутренним воротам дворца. Конан никогда прежде с ним не встречался, но с первого же взгляда невзлюбил воинственного вельможу. Он проводил его взглядом и продолжал свои наблюдения.

Миновало несколько часов, люди входили и выходили, но ничего заслуживавшего внимания так и не произошло. День угасал, небо постепенно темнело. Близились сумерки.

Прия к выводу, что предатель Хассим так и не объявитя, Конан еще раз посмотрел в сторону ворот... и молча оскалил зубы. В ворота входил отряд стражников, возглавляемый не кем иным, как его знакомцем, капитаном Сальворасом. А рядом с капитаном шагал тот, кого выслеживал Конан, — заморийская собака Хассим. У варвара отчаянно зачесались руки всадить в подонка парочку футов хорошо отточенной стали, но драться с целым патрулем перед входом в королевский дворец — это было проблематично даже для Конана. До сих пор у него хватало терпения, хватит и еще ненадолго. Надо думать, Хассим не задержится во дворце и скоро пойдет обратно. Вот тогда-то Конан за ним и последует...

И тут его посетила новая идея. Вот бы облачиться в одежду и шлем городского стражника! Тогда можно было бы выйти за Хассимом прямо в ворота, никто и не подумает останавливать. Трудность заключалась только в том, чтобы поймать и раздеть стражника достаточно мощного телосложения.

Начинало смеркаться, по парку пролегли длинные тени. Конан осторожно выбрался из повозки, залез под нее и скрчился у колеса, близкого к дороге. Очень скоро мимо проследовал небольшой патруль. Конан нацелился было на замыкающего, но тот оказался маловат ростом.

Киммериец терпеливо дождался, чтобы мимо прошел стражник повыше, но судьба распорядилась иначе. К повозке приблизился рослый мужчина, ведший за собой коня. Присмотревшись к его заляпанной грязью одежде, Конан решил, что перед ним был садовник или во всяком случае работник, трудившийся в парке. Малый был изрядного роста и широкоплечий, почти как сам Конан. Голова у него была повязана простым полотном, как делают горцы, уберегаясь от лучей жгучего солнца. Варвар усмехнулся про себя и переменил свои планы. В самом деле, после путешествия по сточным тоннелям он куда больше походил на садовника, чем на стража порядка.

Мужчина подошел к тележке и стал запрягать лошадь. Он стоял спиной к невидимому в сумерках киммерийцу. Подгадав удобный мо-

мент, Конан неслышно вырос у него за спиной и сгреб садовника в охапку, зажав ему одной рукой рот, чтобы заглушить возможные крики. Он свалил его наземь и хотел слегка пристукнуть, чтобы тот полежал неподвижно, но садовник оказался непрост. Он гибко вывернулся у киммерийца из рук, так что в результате лицом в пыль приземлился не он, а сам Конан. Садовник же мигом взвился на ноги и завопил что было мочи, призывая на помощь стражников, стоявших у дворцовых ворот.

— Кром!.. — выругался Конан, выплевывая набившуюся в рот землю. Схватив садовника за ногу, он вновь свалил его наземь. Падая, тот ударился головой о передок тележки и свалился оглушенным. «*Вот и замаскировался*», — зло подумал Конан, вскакивая и обнажая меч, чтобы схватиться со стражниками, уже спешившими навстречу. В это время лошадь, привязанная к передку, испуганно рванулась вперед. Угол тележки больно ударил Конана в плечо, выбив из руки меч. Повозка остановилась, повод лошади соскользнул с передка... Конан нагнулся поднять меч и угодил ногой в петлю сбруи.

— Чтоб тебя разорвало, подлая тварь!.. — только и успел он выдохнуть, когда ременная петля натянулась струной, и земля выскочила у него из-под ног. В следующий миг Конану стало не до меча. Лошадь понесла во весь дух, и даже дотянуться и высвободить из петли ногу стало непосильной задачей.

Испуганное животное мчалось бешеным галопом, таща варвара по камням, кочкам и колючим кустам. Конану стало казаться, что ногу вот-вот выдернет из сустава, не говоря уж о том, что каждый скачок лошади приближал его к стражникам. Киммериец отчаянно пытался высвободиться, но ничего не получалось, пока он не заметил впереди негустой ряд деревьев. Он ждал, что жеребец шарахнется прочь, но ошибся: конь устремился между деревьями.

Извернувшись что было сил, Конан вытянул руки и мертвой хваткой вцепился в ствол, мимо которого его волокло. Рывок оказался страшным. Конь замер на всем скаку, а у варвара чуть не порвались разом все жилы. Однако ему повезло: потертый ремень сбруи не выдержал и лопнул.

Конан обессиленно поник наземь... Его руки продолжали судорожно обнимать древесный ствол: он не мог их расцепить. Кое-как заставив себя двигаться, он все-таки выпустил дерево и поднялся на ватные ноги. Помятая щиколотка отказывалась служить. Он не рисковал полностью на нее опираться и отчаянно хромал. Шатаясь, он заковылял обратно к повозке, где остался лежать его меч. Глаза застилала багровая пелена. Спустя некоторое время он понял, что это была просто кровь, стекавшая с рассеченного лба.

Утерев лицо, он проморгался как раз вовремя, чтобы заметить: очнувшийся садовник шел ему

навстречу, держа наготове сжатые кулаки. Конан хотел заслониться от удара, но руки и ноги словно налились свинцом и двигались слишком медленно. Кулак садовника, увесистый точно кувалда, грянул ему прямо в лицо. Зубы Конана клацнули, голова запрокинулась: удар был что надо. Он растянулся на земле, и сознание окутала тьма...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЖАДНОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Хассим сидел в приемной Вальтреско. Он притулился в резном деревянном кресле возле двери, и от волнения по его лицу обильно тек пот. Полководец, багровый от гнева, расхаживал туда и сюда и поносил заморийца на чем свет стоит.

— Жадность не порок, Хассим, пока она не оборачивается глупостью! Я тебе где велел продать безделушки? В Шадизаре! Там, где их путь никто не смог бы проследить! А ты занялся этим прямо здесь, в Пайрогии! Вздумал толкнуть варвару браслет и получить награду, наведя на него стражу!.. Неужели ты в самом деле воображал, будто я не дознаюсь? Ты должен был убраться из города еще две ночи назад! Я всегда знал, что вы, заморийские воры, кого угодно способны продать с потрохами. Но чтобы жадность уже вконец лишила тебя разума?..

— Со всем почтением, государь полководец, ты неверно истолковываешь мое поведение... — Хассим только что родил план, как выпутаться, и спешил воплотить его в жизнь. Он в самом деле думал вчера вечером рвануть в Замору, но городские ворота неожиданно позакрывали, чтобы не

выпустить прятавшегося где-то в городе киммерийца. Сальворас же велел ему явиться за наградой на следующий день. Откашлявшись, Хассим проговорил по возможности ровным голосом:

— Мой господин, я предоставил тебе отличного козла отпущения — презренного иноплеменника Конана. Все сразу поверили, что виновен именно он, в том числе и твой поборник справедливости, капитан Сальворас. Если случится разбирательство, варвару не отпереться: уж я позаботился, чтобы он наилучшим образом подпал под обвинение. Без него гибель принцессы так и останется неразрешимой загадкой. Твой безупречный послужной список окажется замаран, да и перед Эльдраном ты останешься виноват. Дерзаю даже думать, мой господин, обещанная награда — это самое меньшее, что я заслужил за труды. Конечно, я как можно скорее возвращусь в Шадизар. И ты совершенно прав: я не настолько глуп, чтобы пытаться тебя обмануть. Мне просто казалось, ты по достоинству оценишь мое маленькое дополнение к твоему блистательному плану...

Вальтреско перестал хмуриться и неожиданно рассмеялся:

— До чего ты забавен, Хассим! Даже когда врешь. Восхищаюсь твоей изворотливостью, но на будущее хочу предостеречь: действуй поосторожнее и почаше советуйся с теми, кто стоит выше тебя. Дольше проживешь!

Оборвав смех, он подошел к шкафчику с прозрачными хрустальными дверцами. Раскрыв шкафчик, он вытащил пыльную бутылочку и два серебряных, великолепной работы бокала. Потом извлек из стоявшего поблизости сундука небольшой кошелек.

— Хватит обсуждений, — сказал он. — Я вполне удовлетворен. Давай-ка лучше пригубим славного киросского вина. Выпьем за погибель злодея киммерийца! Ты, Хассим, сослужил городу отличную службу. Если бы король получше чувствовал себя сегодня, он лично засвидетельствовал бы тебе свою благодарность...

Его глаза поблескивали насмешливо и жестоко. Щедрой рукой разлив вино по бокалам, он вручил один из них Хассиму.

Замориец недоверчиво понюхал вино, но Вальтреско, не обращая внимания на его подозрительность, поднял бокал, провозглашая:

— Итак, за погибель варвара — убийцы принцессы!

Он стал пить, и Хассим, несколько успокоившись, последовал его примеру. Вино в самом деле было отменное. Недаром оно происходило из страны, славившейся виноградарством.

Вальтреско удовлетворенно улыбнулся и бросил кошелек на пол к ногам Хассима. Послышался мелодичный звон монет, между разошедшимися завязками блеснуло золото. Хассим нагнулся за кошельком... и вдруг закашлялся, хватаясь за горло.

— Б-б-бритунийская собака... — прохрипел он, роняя бокал. Неверной рукой он потянулся к поясу и кое-как извлек из ножен кинжал. Вальтреско тотчас выхватил меч...

В этот момент в дверь громко постучали.

— Мой полководец, я услышал, тут вроде что-то случилось... — сказал Сальворас, подбежавший с другого конца обширного зала перед приемной Вальтреско. Вельможа думал, что за-перся с Хассимом, но щеколда замкнулась не-плотно и соскочила от прикосновения могучей руки капитана. Вальтреско, впрочем, не растерялся. Шагнув вперед, он с силой пнул Хассима в лицо сапогом. Полетели выбитые зубы, брызнула кровь: замориц без сознания растянулся на каменном полу.

— Сальворас!.. — выдохнул полководец, указывая на валявшегося Хассима. — Я только что выяснил, что этот мерзавец был вговоре с киммерийцем! Он и сдал-то нам этого Конана, поссорившись с ним при дележе драгоценностей, снятых с несчастной принцессы! Глупец, он попытался зарезать меня!.. Займись им, Сальворас. Если этот недочеловек еще жив, оттащи его в подземелье и посади там на цепь. Завтра на рассвете палач отрубит не одну голову, а сразу две!

Капитан склонился над заморицем, а Вальтреско улыбнулся у него за спиной, поздравляя себя с гениальной импровизацией. Час назад он принял особое масло, предохранившее его от

действия яда. Впрочем, снадобье, подмешанное в вино, и ядом-то назвать было нельзя. Кхитайский торговец, у которого он его приобрел, уверял, что зелье всего лишь на некоторое время перекрывало доступ воздуха в легкие, — достаточно, чтобы человек потерял сознание, но не умер.

Очень хорошо! Завтра под топором палача навеки замолчит последний из тех, кто мог бы связать его, Вальтреско, имя с убийством принцессы. Отныне только он сам и Ламици будут знать правду.

Подумав так, полководец с неодобрением покосился на свои начищенные сапоги. Какая жалость, что пришлось пачкать их об окровавленную рожу Хассима. Его бесило, что лживый безбожник вздумал его обманывать. Вальтреско нанял ловкого вора, чтобы тот шпионил за Ламици. Он хотел убедиться, что евнух поступит с телом принцессы согласно договоренности и не попытается подставить его, Вальтреско. Хассиму было щедро заплачено за это дело.

Полководец не впервые использовал заморийца для своих целей, и тот неизменно оставался надежен. На сей раз платой за слежку за евнухом должны были стать драгоценности принцессы — амулет и браслет. Хассиму предписывалось продать их в далеком городе Шадизаре и взять выручку себе. Когда Вальтреско прознал, что изолгавшийся замориец нарушил уговор, он по-

нял, что наступила пора разыскать его и заставить умолкнуть навеки.

И вот он молча следил за Сальворасом, пытавшимся выяснить, жив ли еще Хассим.

Первым делом могучий капитан собрал многочисленные кинжалы, с которыми никогда не расставался заморийский мошенник, потом поднял Хассима и взвалил его на плечо. Про себя Сальворас находил весьма странным, чтобы киммериец стал работать на пару с этаким хорьком. Еще более странным казалось ему, что Хассим вздумал нападать на Вальтреско в собственных покоях полководца. Отчаявшись что-либо понять, Сальворас сказал себе, что, в конце-то концов, слишком мало общался как с киммерийцами, так и с уроженцами Заморы. Мало ли на какие штучки они способны. Да и здесь, в городе, при всей краткости его нынешней службы он чего только не повидал. Повсюду творились странные и труднообъяснимые вещи. Одной больше...

Сальворас спускался в малосимпатичные недра дворцовых подземелий, неся на плече обмякшего, бесчувственного Хассима. Капитану не нравилось посещать застенки. Он спускался туда, только если начальственный приказ возлагал на него персональную ответственность за того или иного узника.

Часом раньше он оттащил туда Конана и надежно приковал его к стене в одной из крохотных, заросших гнилой плесенью камер. Богатырская стать молодого варвара снискала невольное

уважение капитана. Похоже, эти киммерийцы в самом деле были серьезным народом! Могучий Сальворас сумел без посторонней помощи вззвалить его на плечо, но к тому времени, когда он добрался до подземелья, руки и плечи начали жаловаться.

Сальворас никогда еще не встречал человека сильнее себя. Самой своей воинской славой он был обязан крепости тела, позволявшей совершать подвиги, немыслимые для других.

Его отец был каменотесом. Сальворас с юности помогал ему, перетаскивая и ворочая неподъемные глыбы. Ему нередко случалось держать на весу каменные блоки, пока мастера делали какой-нибудь особенно заковыристый вырез или скол. Позже Сальворас работал в каменоломне, доставляя строительный материал повсюду, где какой-нибудь вельможа возводил дом или крепость.

Возмужав, он подался в солдаты. Отчасти из любви к приключениям, но больше ради того, чтобы отплатить за горе и ущерб, который в свое время причинили его семье набеги захватчиков. Однажды, когда они с отцом были в каменоломне, мать Сальвораса похитили работоторговцы. Отец после этого превратился в настоящий живой труп. Он впал в мрачное безразличие, из которого его целых восемь лет, до самой смерти, ничто не могло вывести. Ни братьев, ни сестер у Сальвораса не было. Его семьей надолго стало бритунийское войско.

Что же касается женщин... Бравый молодой солдат никогда не был обижен вниманием и лаской полногрудых, обольстительных бритунийских красавок. Однако воинская жизнь не позволяла ему особо задерживаться на одном месте, так что любовные увлечения не успевали перерасти в долговременные привязанности. Он так и не нашел той, с которой ему захотелось бы устроить семью. Не было и близких друзей: быстрое продвижение по службе бросало Сальвораса из одного гарнизона в другой, от одного военачальника к другому. Те, кого он мог бы назвать своими друзьями, остались на границе, в легионе, которым он прежде командовал. Со своими нынешними подчиненными, городской стражей Пайрогии, Сальворас общего языка покамест не находил. Это в большинстве своем были люди, устроенные на «тепленькие» местечки отнюдь не за боевые заслуги. Половина была как-то связана со знатными семействами, остальных устроили сюда вельможи, чем-то им обязанные...

«Да,— невесело думал Сальворас, — видно, так я и помру одинокой». Здесь, в Пайрогии, у него было подружек хоть отбавляй; редкую ночь в его объятиях не засыпала белокурая красавица. Но все это оставалось весельем на одну ночь. А тех жёнщин, которые, как он подозревал, с радостью приняли бы от него предложение руки и сердца, он сам старательно избегал. Той единственной, о которой он мечтал, среди них не было.

Что ж, судьба, видно, не судила ему осесть где-нибудь этаким «городским солдатом», больше привыкшим к пивной кружке, чем к рукояти меча. Видел он таких. Выйдя в отставку, они все вечера напролет просиживали в тавернах, поглощая дешевое пойло. И врали напропалую, хвастаясь вымышленными подвигами в сражениях. Такого конца Сальворас для себя совсем не хотел. Нет уж. Он выйдет в отставку только если его искалечат в бою. А всего скорее, меч вынут из его мертвой руки. Смерть воина должна быть освящена целью. Он, Сальворас, будет служить до конца, потому что только так он будет чувствовать себя живым...

Спускаясь в дворцовое подземелье с бесчувственным Хассимом на плече, капитан понял с окончательной ясностью: он совершил ошибку, приняв этот пост. И единственный способ исправить ее — это доказать, что он чего-то стоит как командир. Надо двигаться дальше и, может быть, заслужить звание полководца. Надо как следует заняться лентяями и бездельниками, по ошибке зачисленными в городскую стражу. Он будет беспощадно гонять балбесов до тех пор, пока не сделает из них настоящих солдат...

Сальворас принял мысленно составлять план учений для своих молодцов и так увлекся, что не заметил, как Хассим постепенно пришел в себя. А хитрый заморец уже понял, что висел на могучем плече капитана, и тот крепко

придерживал его за ноги, между тем как голова, руки и верхняя часть туловища вора свисала ему на спину. Хассим чувствовал дурнотную слабость: ток крови еще продолжал разносить яд по его телу. Неровное дыхание сипело в груди. Челюсть раскальвала от боли, рот наполняла липкая кровь. Капля за каплей падала с разбитых губ, оставляя на каменном полу пятна. Хассим ощупал языком десны. От нескольких зубов остались только зазубренные пеньки. Отважившись осмотреться, он понял, что его несут в дворцовое подземелье. Когда-то, много лет назад, ему удалось совершить оттуда побег. Но в тот раз ему помогли. Хассим знал: даже если вырвешься из камеры, это еще не значит, что сумеешь выйти наружу. Подземелье представляло собой настоящий лабиринт хаотически перепутанных коридоров.

Спустя некоторое время вор хватился кинжалов, но тут же заметил их рукояти, заманчиво торчавшие из сумки на поясе Сальвораса. Если бы удалось дотянуться, он живо всадил бы клинок капитану между лопаток, а потом удрал тем же путем, что и когда-то. Да, пожалуй, так он и поступит. Надо только выбрать подходящий момент, а до тех пор продолжать притворяться бесчувственным...

Хассим сосредоточил внимание на одном из кинжалов: про себя замориец называл его «черным драконом». Лезвие кинжала было густо смазано пастой, приготовленной из смертельно

ядовитых листьев черного лотоса. Даже простой царапины, причиненной «черным драконом», было достаточно, чтобы самый крепкий мужчина свалился замертво, а через некоторое время и умер. *«Не все зубы ты мне выбил, Вальтреско!..* — с мрачным торжеством подумал Хассим. — *Скоро ты узнаешь, что я еще способен кусаться!..»* Терпеливый замориц по-прежнему не шевелился, но, как свернувшаяся змея, был готов к немедленным действиям.

А Сальворас шел себе и шел нескончаемыми каменными переходами, пребывая в счастливом неведении относительно смертельной опасности, которой он подвергался. Путаница подземных коридоров освещалась редко расположенными, тусклыми масляными светильниками. Сальворас был одним из немногих, кто способен был разобраться в здешних лабиринтах. На самом деле секрет был очень прост, следовало только уметь читать путеводные знаки, остроумно спрятанные в узорах на каждом светильнике.

До тюремных камер оставалось уже недалеко. Даже если бы Сальворас не знал дороги, он безошибочно пришел бы туда по запаху. Вокруг все сильнее разило испражнениями и гниением. В последний раз завернув за угол, капитан остановился. Пришли!

Узкие глубокие камеры располагались по обе стороны коридора. Каждая была предназначена

для полудюжины «постояльцев». Коридор же, по которому до них добирались, был шириной всего около трех футов. Конан находился в самой первой камере. Сальворас взглянул на него сквозь прутья решетки и убедился, что варвар по-прежнему висел на цепях, вделанных в стену. Капитан потянулся к кольцу с ключами и выбрал из связки один — большой, ржавый. Он всунул его в замок... и, уже поворачивая ключ, ощутил резкий, глубокий укол в бок.

— Борода Эрлика!.. — изумленно выругался Сальворас, роняя Хассима на пол. Он потянулся к пробитому боку и нашупал засевший между ребрами тонкий кинжал. Стало быть, замориц очнулся!.. Капитан понял, что во второй раз за последние несколько дней недооценил противника, и это грозило обернуться бедой. Яростно взревев, он выдернул из хорошо смызанных ножен тяжелый меч и собрался зарубить вора, ибо тот, заново оглушенный падением, беспомощно лежал на полу. Но занесенному клинку не суждено было опуститься на голову заморицца. Сальворас свалился, точно бык на бойне.

Хассим же, кое-как проморгавшись, поднялся на неверные ноги. Он с трудом их передвигал: удар кинжалом отнял у него последние силы. Вообще-то ему несусветно повезло с этим ударом. Кинжал попал совсем не туда, куда метил Хассим, но тонкое зазубренное лезвие

каким-то чудом угодило в такое место, где на кольчуге капитана разошлось несколько звеньев. До Хассима, между прочим, только тут дошло, что его тюремщиком и жертвой стал не кто иной, как сам капитан Сальворас. Если бы не путаница в мозгах из-за побоев и яда, он узнал бы его сразу. А впрочем, Хассиму было все равно, кого убивать. Ему случалось без зазрения совести отправлять на тот свет людей, заслуживавших смерти куда менее, чем этот болван.

Искусство обращения с кинжалом сослужило мошеннику добрую службу. Нагнувшись, он самым немилосердным образом вырвал «черного дракона» из тела поверженного капитана. Зазубренное лезвие с треском разорвало еще несколько звеньев кольчуги. Сальворас неподвижно лежал на полу. Черный лотос постепенно погружал его в глубокий сон, от которого не было пробуждения.

Оставалось нанести завершающий штрих. Он поместит тело таким образом, чтобы Вальтреско решил, будто это Конан сцепился с Сальворасом и нанес ему смертельный удар. Тюремщик найдет в камере два трупа, каждый — с кинжалом в руке. Хассим повернул ключ в замке камеры и вошел. Шум, происходивший в коридоре, заставил Конана приподнять голову. Хассим с удовлетворением убедился, что варвар надежно прикован к стене толстыми цепями, приделанными к вмуранным кольцам, и в кандалах

нигде не было слабины. Выглядел киммериец отвратительно: весь в грязи, а там, где грязь отвалилась корками, живого места не было от ссадин и синяков. Тем не менее Хассим приблизился со всей осторожностью, держа кинжал наготове.

— Какая встреча, ты, безмозглое животное! — насмешливо приветствовал его Хассим. Перенесенные испытания превратили низкий, звучный голос заморийца в какое-то утробное ворчание. — На сей раз я лично и с большим удовольствием препровожу тебя в преисподнюю, или куда там еще попадают души варваров вроде тебя! — продолжал он с наслаждением. — Ты мешаешь мне, дикарь, и поэтому ты умрешь. Вон тот легковерный болван... — Хассим кивнул на распростертное тело Сальвораса, — в самом деле поверил, будто принцесса погибла от твоей руки. Если бы это ничтожество знало, что девчонку сгубил его любимый начальник, его драгоценный полководец!..

Он засмеялся, с трудом переводя дух. Потом выплюнул в лицо Конану кровь и осколки зубов.

Киммериец изо всех сил старался разорвать цепи, но пока ничего не получалось. Он слышком ослаб: на то, чтобы справиться с прочными железными звеньями, ушли бы часы, а их-то у него и не было. Напрасно бугрились, вздуваясь, тугие мускулы на руках и ногах. Цепи не поддавались.

— Эрлик тебя забери, помоечная крыса! — вырвалось у него. — Может, ты и отправишь меня в ад, но знай, что я буду там тебя ждать!

Выругавшись, он вновь попытался совладать с кандалами. Тщетно.

Хассим приблизился еще на шаг и встал в стойку, присущую мастерам поножовщины. Кинжал смотрел Конану в живот. Еще миг — и он вспорет беззащитное тело.

— Твоя смерть будет медленной и мучительной, — ликовал Хассим. — Готовься встретить ее, вар... ооааахх!..

И на глазах у изумленного Конана Хассим вдруг зашатался, а потом лицом вниз рухнул на каменный пол камеры. Между лопatkами у вора торчал тяжелый метательный нож, всаженный по самую рукоятку. Падая, Хассим еще и напоролся на собственный кинжал; узкое лезвие прошло насеквоздь и вышло из спины рядом с ручкой ножа.

Сальворас стоял на коленях возле решетчатой двери, и его рука, метнувшая нож, еще тянулась вперед. Он медленно поднялся, опираясь на решетку. Он уже понимал, что кинжал заморийца был отравлен: пропоротый бок так и горел. Собственно лезвие особых повреждений не причинило, в боях на границе Сальворас вынесил гораздо худшие раны. Но вот яд... Каково бы ни было зелье, сила в нем была лютая. Капитан пытался бороться, но чувствовал, что надолго его не хватит.

— Именем Крома и Митры!.. — воскликнул Конан, осознавший, что Сальворас спас ему жизнь. — Вот это, я понимаю, бросок!.. Не могу сказать, что с большим нетерпением ждал встречи с тобой, но теперь... спасибо, капитан!

Он видел, что Сальворас едва держится на ногах, и озабоченно посмотрел на дыру, пробитую в кольчуге кинжалом Хассима. Оттуда, ма-
рая камзол и собираясь лужицей на полу, мед-
ленно сочилась кровь.

— Конан... — заплетающимся языком проговорил капитан. — Теперь я знаю, что ты ни в чем не виновен... подлое предательство... измена в стенах дворца... Не могу поверить! Полководец Вальтреско... предатель... — Его голос срывался, как от жестокой боли. — Надо немедленно сообщить королю... рассказать про... — Сальворас говорил все с большим трудом и временами, казалось, забывал, о чем только что вел речь. — Я тебя выпущу... сейчас... погоди только... пой-
дешь со мной к королю... К королю Эльдрану и к Кейлашу...

Непослушными пальцами он вытащил ключ из замка, подошел к Конану и освободил ему одну ногу. Глаза ему, видно, застилал туман: он то и дело моргал и тряс головой. Он принял было отпирать второй браслет, но смертоносный сок черного лотоса, порождение далекого Кхитая, подточил даже его громадную силу. Он был еще жив, но волны дурманного сна окончательно сомкнулись над ним.

Сообразив, что Хассим отравил храброго капитана, Конан проклял злую судьбу, столь усердно загонявшую его в угол. Единственный человек, способный засвидетельствовать его невиновность, лежал при смерти на полу каземата! Если бы хоть удалось достать ключи, выпавшие у Сальвораса из руки!.. Ну что ж, по крайней мере одна нога у него теперь свободна.

Он согнул колено, как следует уперся в стену и налег. Изморданное тело взмолилось о пощаде, но Конан был глух к его жалобам. Нельзя прекращать попыток вырваться, если он хочет жить.

Через несколько минут, показавшихся ему несколькими часами, один из кирпичей зашевелился в стене. Известка не выдержала рывков. Конан продолжал тянуть, сосредоточив все усилия на расшатанном кирпиче. И наконец он поддался окончательно и со скрежетом вышел вон из стены. Конан едва не вывернулся наружу, но все-таки справился. Теперь он мог хотя бы отчасти пользоваться рукой.

Размахнувшись цепью с висевшим на ней кирпичом, он что было силы шарахнулся по цепи, державшей его вторую ногу, и упрямо продолжал бить, попадая большей частью по собственному телу. Было зверски больно, но Конан не сдавался и наконец расколошматил одно звено. Кирпич, а вернее, каменный блок растрескался и оббился, однако теперь оставалось только

высвободить вторую руку, и путь к побегу будет открыт. Киммериец изо всех сил налег на последнюю оставшуюся цепь. Каменная кладка оказалась слишком прочной, и у него получилось не сразу. Но после нескольких ударов все тем же камнем, сидевшим на конце болтающейся цепи, металлическое кольцо лопнуло безо всякого предупреждения. Конан не удержался на ногах и полетел на пол.

Жадно схватив ключи, он разомкнул на себе кандалы, потом нагнулся проверить, жив ли Сальворас. Широкая грудь капитана вздымалась и опадала, хотя и слабо. Конан разорвал полотняную рубашку Хассима и затолкал ее под кольчугу раненого, чтобы унять кровь. Рана уже смердела, ее края успели приобрести зловещий багрово-синий цвет. Если оставить Сальвораса здесь, как бы он не умер, так и не успев во всеуслышание заявить о неповинности Конана. Вот бы сюда того целителя, Мадезуса!.. Что-то он такое говорил о своем особом даре врачевать отравления!..

Поколебавшись, Конан наконец решил, что дешевле будет искать лекаря без тяжелого неподвижного тела на руках. Да, следовало бежать разыскивать Мадезуса! Если кто-то и способен помочь капитану, так только этот странный жрец, выправивший варвару запястье. Конану очень не хотелось бросать Сальвораса, избавившего его от малоприятного знакомства с ножом Хассима. Если бы не капитан, киммериец, без

сомнения, уже знакомился бы с достопримечательностями преисподней. Однако делать было нечего, оставалось только спешить и надеяться на удачу. Мысленно Конан поклялся выручить Сальвораса. Хотя тот, что греха таить, был косвенным виновником его последних злоключений.

Забрав ключи и вооружившись тяжелым мечом Сальвораса, Конан выбрался из камеры и опасливо оглядел коридор. Его приволокли сюда без сознания; он не имел ни малейшего понятия о том, в какой стороне выход. На всякий случай он направился туда, откуда пришел Сальворас с Хассимом на плече. Очень скоро, однако, выяснилось, что подземный лабиринт еще хуже заброшенной канализации — столько здесь оказалось развилок, поворотов и тупиков. Хорошо хоть, кое-где тускло коптили светильники. После давешних блужданий по сточным тоннелям у Конана не было ни малейшего желания путешествовать в темноте.

Как же все-таки прикажете выбираться отсюда?.. Время, которое можно было бы потратить на разгадывание головоломки, представляло собой недоступную роскошь. Варвару был нужен Мадезус — и как можно скорее. Соображая, что же делать, он вдруг заметил на полу маленькое, влажно отсвечивающее пятнышко. Конан коснулся его пальцем, потом поднял палец к свету масляной лампы. Кровь!.. И притом свежая!.. У Хассима, помнится, ряшка была

всмятку и кровоточила вовсю. Ага! Вот она, путеводная нить!..

Следовало, пожалуй, поблагодарить заморийского мерзавца хотя бы за то, что он, сам того не желая, указал Конану дорогу к спасению.

Немного успокоившись, Конан покрепче перехватил меч и побежал по кровавому следу. Еще немного, и он выберется из затхлого подземелья. Туда, где ждет его свежий воздух!.. Ветер!.. Свобода!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗЕРЦАЛО ЯСНОВИДЕНИЯ

Крохотная, бедно обставленная комната, в которой обитал Мадезус, изначально была предназначена для храмовых прислужников. Однако молодой жрец и за такую был благодарен Тароклу — костлявому лысеющему первосвященнику беднейшего в городе митраитского храма.

Мадезус положил браслет на грубо сколоченный угловой столик и опустился в неудобное деревянное кресло. Его била дрожь. Он потер кулаками глаза, красные от недосыпания. С тех самых пор, как третьего дня он впервые прикоснулся к браслету, его беспокоили весьма странные сны. После пробуждения они улетучивались бесследно: он ничего не мог вспомнить.

Вчера вечером он попытался поподробнее разузнать о браслете. Киммериец утверждал, будто ничего не ведает о его происхождении. Таким образом, у Мадезуса не оставалось иного выбора, кроме как прибегнуть к обряду Вопрошания Истины и молить Митру приподнять завесу над тайной браслета, распространявшего столь сильную эманацию зла.

Всю минувшую ночь, с заката до рассвета, Мадезус воспевал молитвы и заклинания, а в

курильнице тлели едкие листья Малджорны — священного Древа Познания. Хотя это и отдавало святотатством, молодой жрец порою не мог удержаться от мысли, что Митре было присуще чувство юмора. Зачем бы иначе Ему избирать Своим священным деревом растение, чьи листья воняли хуже горящего коровяка?.. Мог ведь заповедать Своим почитателям самое возвышенное благовоние. А вот поди ж ты!..

У Мадезуса чесались глаза от целой ночи трудов и от пахучего дыма. В голове было легко и совершенно пусто. Все его молитвы пропали втуне: Митра не отзывался. Жрец устало опустился на убогий топчан, служивший ему ложем, и тихо произнес еще одну молитву, последнюю. Он просил Митру хотя бы послать ему более спокойный сон, нежели накануне. Опустив налитые свинцом веки, Мадезус постепенно задремал...

Его разбудил пронзительный скрип двери. В голове по-прежнему ощущалась странная легкость, но Мадезус чувствовал себя освеженным и отдохнувшим. Он приподнялся на постели, желая посмотреть, кто пожаловал к нему в гости. И каково же было его изумление, когда он узрел на пороге своего старого наставника — Калетоса!

Глаза у Мадезуса округлились, а во рту пересохло.

— Учитель!.. — воскликнул он. — Какими судьбами?.. Сколько лет мы с тобою не виделись!

Я и то уже подумывал вернуться в Коринфию — навестить тебя и посмотреть, как дела в нашем храме!..

— Здравствуй, Мадезус, — отозвался вошедший. Голос у него был глубокий и звучный, лишь чуточку огрубевший на старости лет.

— Ты прекрасно выглядишь, Учитель, — сказал Мадезус. — Поистине, годы пролетают мимо тебя.

В самом деле, у старца были молодые, яркие изумрудные глаза, плохо вязавшиеся с бледным морщинистым лицом. Калетос был совершенно лыс, если не считать последних клочков белоснежных волос, еще державшихся над ушами. Просторные белые одеяния мели каменный пол; а на груди у старца висел амулет вроде того, что носил сам Мадезус: серебряная звезда о семи лучах. В центре звезды переливался гранями большой аметист. Старый жрец опирался на березовый посох, опять же почти такой, как у Мадезуса, только согнутый десятилетиями службы.

— Учитель?.. — вопросительно подал голос Мадезус.

— Прости, Мадезус, за неожиданное вторжение. С тех пор как мы с тобою расстались, Дэркето обновила Свою Луну вот уже трижды по двадцать раз. Извини мое стариковское любопытство, но я вижу на твоем лбу морщины, проложенные беспокойством. Что так взбудило тебя, мой мальчик?

Мадезусу понадобилось некоторое усилие, чтобы, во-первых, окончательно страхнуть с себя сон, а во-вторых, оправиться от неожиданного появления своего наставника. Кое-как приведя мысли в порядок, он начал рассказывать:

— Вот уже несколько ночей мне не до сна, и есть отчего. Я чувствую, Учитель, — в этом городе пробудилось древнее зло! И сей предмет, — он указал на браслет, поблескивавший на столе, — каким-то образом с ним связан. Я просил Небесного Отца о вразумлении, но Митра не счел меня достойным Своей помощи. Как странно и как знаменательно, что ты появился в Пайрогии именно теперь, когда мне так необходим твой совет!.. То есть, Учитель, — тут же смутился Мадезус, — я не смею обременять тебя делом, которое судьба взвалила на мои плечи. Лучше поведай мне, как ты жил все эти годы? Как там наш храм в Коринфии?

— В храме все благопристойно, — ответил Калетос. — А вот меня начинает тяготить груз прожитых лет. Потому-то я и решил, прежде чем Митра упокоит мои старые кости и призовет к Себе мою душу, узнать, что подельывает мой ученик. Мой любимый ученик, на которого я возложил столь тяжкое бремя, когда отпускал в мир... О да, Мадезус, твой жребий нелегок. Я и сам много лет следовал тем же путем, пока Митра в Своей всеведущей премудрости не направил меня в наш храм. Там, в этом храме, я посвятил тебя в тайный, древний Орден Ксуоквелоса... Когда-ни-

будь и у тебя будут ученики, и тем продолжится цепь, тянувшаяся сквозь многие столетия. Ибо ты — последний член Ордена, видевшего еще Лемурийскую империю.

Без сомнения, тебя *направили* в этот город, хотя цель этого еще не совсем ясна. Отбрось же сомнения, мальчик! Не смей больше называть себя недостойным!.. И что это там насчет того, что ты «не можешь обременять» одного такого старого дурня?.. Смелее! Давай сюда браслет, да и сорвем-ка завесу, за которой прячется от нас лик Зла! Пол этой комнаты с помощью Митры станет для нас Зерцалом Ясновидения. Приготовься, друг мой, к Обряду Зерцала!

Мадезус подошел к большому глиняному горшку, помещенному в углу комнаты, и стал деревянным черпаком лить на пол воду, пока не получилась овальная лужа нескольких футов в поперечнике. Положив на место черпак, молодой жрец осторожно взял браслет и передал его Калетосу. Старик не без опаски принял вещицу, покатал ее из руки в руку, потом закрыл глаза и нахмурился, достигая предельного сосредоточения. Очень скоро вокруг его головы появился серебристый нимб. Сияние стало расширяться, пока не объяло его руку с браслетом. Оно мерцало и становилось все ярче, и вместе с ним начал светиться амулет. Он горел в полутьме комнаты, как семилучевая звезда на ночном небе. Потом из недр аметиста ударил конус белого света. Он коснулся воды, и от нее пошел пар.

— Смотри же в Зерцало! — воскликнул Калетос. — Только будь осторожен и не давай ввести себя в заблуждение!

Мадезус вгляделся в поверхность воды и сквозь пар рассмотрел очертания древнего каменного сооружения. Казалось, перед ним была картина художника, мастерски владевшего цветом и перспективой. Здание казалось объемным: сделай шаг — и войдешь. Изображение переменилось, — Мадезус в самом деле заглядывал внутрь постройки. Судя по убранству, это был храм, только очень древний, восходивший ко временам чуть ли не первобытным.

Зерцало на миг помутилось, чтобы в следующий миг отразить знакомую фигуру Конана. На сей раз картина даже двингалась. Варвар шел по улицам города, — так хищный зверь пробирается в джунглях, выискивая добычу. Мадезус видел, как Конан приблизился к той самой постройке. Киммериец тщетно стучал в дверь, испрашивая позволения войти.

Глядя в Зерцало, Мадезус все пытался определить местоположение странного здания. В линиях каменных стен сквозило нечто знакомое... очень знакомое... но вот что? Мадезус никак не мог ухватить ускользающий образ. Однако у него было стойкое ощущение, что он уже проходил мимо старого храма, причем совсем недавно.

И вновь перед ним была внутренность таинственного дома. В полутемном чертоге стояла

женщина в длинном черном плаще, и капюшон был отброшен. Мадезус сразу заметил, что она молода и прекрасна. Прямые, черные как вороново крыло волосы роскошным водопадом текли на плечи и спину. Точеное лицо, безупречно-белая кожа... Полные губы казались алыми розами, только что умытыми дождем.

А перед женщиной Мадезус увидел высокого, статного мужчину средних лет. Жрец даже вздрогнул, узнав в нем Эльдрана, короля Британии. Вот она подвела короля к массивному каменному алтарю... приглашающе улыбнулась, распахнула плащ, и плащ упал на пол. Никакой одежды под ним не оказалось. Женщина потянулась навстречу королю, прижалась к нему чувственно-прекрасным нагим телом, крепко обняла и страстно принялась целовать.

Эльдран с готовностью отвечал на ее поцелуи; его руки блуждали по телу красавицы, и было видно, как постепенно разгоралась в нем страсть. Мадезус целомудренно покраснел, глядя, как извивались, сплетаясь в любовном танце, два тела. Ну и зрелище подсунуло ему Зерцало вкупе с амулетом Калетоса!.. Однако потом жрец просто ахнул от неожиданности и потрясения. Женщина постепенно менялась! Сперва он обратил внимание на глаза: они засветились красным огнем, точно угли в жаровне. Ногти зловеще вытянулись и превратились в кривые черные когти. А когда она открыла рот, в нем обнаружились ряды загнутых остроконечных черных

зубов! В следующий миг она глубоко вонзила их в шею ничего не подозревавшего короля...

Только теперь Эльдран попытался высвободиться, но не смог. Охваченный ужасом Мадезус наблюдал за тем, как все слабее бился несчастный король, как иссякала в нем жизненная энергия, — чернозубая улыриха высасывала ее вместе с кровью. Вот она остановилась перевести дух, на мгновение оторвалась от беспомощно распластертого короля, и несколько капель крови упало на каменный пол. Внезапно женщина-монстр вскинула голову и посмотрела прямо на Мадезуса, как если бы он подсматривал за нею в окошко. По поверхности воды побежала рябь, изображение расплылось. Лужица на полу комнаты превратилась в шипящее облачко пара и пересохла.

Некоторое время Калетос не произносил ни слова, молча наблюдая за своим учеником. Тишина длилась несколько минут: молодой целитель пытался составить целостную картину из тех странных, страшных и непристойных сцен, что показало ему Зерцало.

— Мутари!.. — с отвращением и ужасом произнес он наконец. — Та, которую позволило мне увидеть Зерцало, точь-в-точь похожа на жриц мутари. Такими изображены они в книгах Скелоса, закованных в железные переплеты... Учитель, я отказываюсь верить своим глазам! Жрецы мутари были последователями нечистого культа, потомками зурийских змеевлюдей, истребленных

много веков назад! Мыслимо ли, чтобы в наши дни?.. В этом городе?..

— Мутари в самом деле вымерли, а последние зурийцы погибли еще за несколько тысячелетий до них, — спокойно и даже торжественно ответил Калетос. — Однако твои глаза не обманули тебя, друг мой. Ты в самом деле видел жрицу мутари... Как ты помнишь, мутари, при всем их могуществе, были всего лишь последышами своих зурийских учителей. Сколько мудрецов ошибочно полагало, будто черная премудрость зурийцев, заключенная в книжных томах, погибла вместе с их ужасной империей!.. Колдовские книги были погребены глубоко, но такие, как они, неизбежно выходят на поверхность, дай только время... Знай же: Митра направил твои стопы в этот город, дабы ты пресек последний побег древнего Зла и низвергнул его обратно в бездну, из которой он выполз. Теперь твой путь ясен, о юный друг мой. Перед тобою судьба, что уготовил тебе Митра!

Мадезус отрешенно опустился на свою лежанку...

— Значит, — проговорил он медленно, — вот она какова, та злая сила, чье присутствие в этом городе я ощущал... Жрица мутари! И все зацепки, что у меня есть, — это браслет, король Эльдран и Конан-киммериец... — Вздохнув, он умолк и некоторое время о чем-то напряженно раздумывал. Потом заговорил снова: — Учитель... Я пристально изучал книги Скелоса, но о

мутари там говорилось слишком скучно. Мне хорошо запомнились миниатюры, но вот текст... Тексты, посвященные этому культу из времен зурийского упадка, были крайне туманны. Не мог бы ты рассказать мне хоть немного о природе мутари?

Калетос прислонился к стене комнатки и задумчиво погладил белоснежную бороду.

— Мне самому известно немногое, и притом с пятого на десятое, Мадезус. Это запретная тема. Даже самые храбрые знатоки старины едва решаются делать какие-то намеки, и то полуслышком. А тому, что можно вычитать в книгах Скелоса, до конца верить не стоит. Слишком многое в них подлежит различному истолкованию... Однако слушай: я поведаю тебе все, что известно мне самому.

Мутари были страшными, чудовищными существами... Они рождались людьми, но потом намеренно вытравляли в себе все человеческое кровавыми, исступленными ритуалами. Они не стремились ни к богатству, ни к удовлетворению плотских желаний. Их вела ненависть ко всему дышащему, их целью был хаос. Волшебное монструество требовалось им для того, чтобы причинять боль и страдания смертным. Сами когда-то бывшие людьми, они презирали людей... но в то же время и завидовали им. Ибо у людей было то, что мутари теряли невозвратно, — их души.

Мутари продавали свои души Силам Зла, получая взамен запретные знания демонической

Зурии, а с ними и способность совершать подвиги волшебства, далеко превосходившие возможности магов и жрецов того времени. Могущество мутари затмевалось только их жестокостью. Они буквально питались горем и мучениями своих жертв. Целый век человечество изнывало под их властью, и каждый день уносил многие тысячи невинных жизней. Одних сводили в могилу моровые поветрия, других — голод... Третьих по-просту убивали. Мутари искусно сеяли рознь между племенами людей и подогревали обиды, которые в ином случае скоро загладило бы время. А самым жестоким и гнусным среди этих нелюдей был некий Скаурол — самозваный правитель южной страны, известной ныне как Шем.

Дворец Скаурола был сущим рассадником грязи и мерзкого ужаса... Тысячи заостренных кольев окружали его, и почти на каждом корчился человек. Такую казнь назначал он вся кому, кто проявлял хоть малейшее непокорство. День и ночь наслаждался Скаурол стонами и воплями несчастных, подвергнутых чудовищной пытке... И это лишь один из бесчисленных рассказов о жестокостях, которые он учинял!..

Но, как и всякое зло, мутари в конце концов обратились друг против друга. Число их возрастило, а вот жертв для их злодейств оставалось все меньше. Мутари начали ссориться между собой из-за права причинять смерть и страдания, — так стервятники ссорятся над разлагающейся мертвечиной. Менее могущественные

вскоре были истреблены в безжалостной борьбе, и от нескольких сотен осталась жалкая дюжина. Иные скрылись в потаенных местах, опасаясь ввязываться в дальнейшую схватку. Другие оказались повержены: восставшее человечество справилось со своими черными властелинами. Среди этих последних оказался и Скаурол, и вышло так, что беспощадному деспоту самому довелось изведать смерть на колу. Некто из нашего Ордена пронзил его пикой, выкованной из заговоренного серебра, и мутари не смог одолеть заклинаний святого.

А потом, мальчик мой, началось самое трудное. Отвоеванную землю нужно было еще очистить от скверны. В книгах мудрецов рассказывается о жрецах подвижнической жизни, посвятивших этому свой земной срок. Они выискивали и уничтожали каждую черную книгу, каждый фетиш мутари. И надо тебе сказать, что за великое очищение была заплачена дорогая цена. Многие святые подвижники отдали за него жизнь.

Вот почему, Мадезус, сохранились лишь разрозненные упоминания о темном культе мутари. Вот почему даже книги Скелоса говорят о них как бы мимоходом... О плотском облике мутари нам известно не много подробностей. Только то, что они предстают в виде обычных людей либо же человекообразных существ с глазами, в которых полыхает адское пламя, с обсидианово-черными клыками и когтями и неестественным голосом, порождающим эхо. Кое-кто утверждает, будто

Скаурол с годами нисколько не старился, ибо его темная сила противостояла даже неумолимому времени...

Мутари трудно было убить. Раны, от которых неизбежно умер бы обычный человек, не только не кровоточили, но даже не причиняли им боли. Гораздо опасней оружия были для них молитвы и амулеты служителей Добра.

Мадезус, мальчик мой!.. Если судьба сведет тебя лицом к лицу со жрицей мутари, готовься насколько возможно укрепить и сердце свое, и ум! Решимость, помноженная на силу священного амулета, да будет тебе опорой. И помни — чтобы амулет верно послужил тебе в схватке, ни в коем случае не выпускай его из руки...

Вот, пожалуй, и все, что я вправе тебе рассказать. Я стар, мои скрипучие кости нуждаются в отдыхе... Увы, преклонный возраст не позволяет мне самому участвовать в битве, но знай, что молитвы мои пребудут с тобою. И вот еще что... Не трать время на передышку, отправляйся немедленно. Ибо черная сила мутари растет с каждым мгновением. Сейчас я вынужден с тобой попрощаться, но, надеюсь, скоро мы увидимся вновь. Удачи тебе, Мадезус!.. Властью, данной мне Митрой, благословляю тебя во имя Добра...

Старческая рука поднялась в благословляющем жесте и вновь опустилась. Кое-как выпрямившись, седобородый жрец повернулся и, прихрамывая, вышел из комнаты.

Проводив Учителя взглядом, Мадезус протер глаза и поплескал в лицо холодной водой. Преклонив колени, он сотворил короткую молитву, потом поднялся на ноги. Он принял решение. Во-первых, он посетит короля Эльдрана. Причем немедленно. Ибо теперь он был уверен, что король умирал от нечистого колдовства жрицы мутари. Сила, заключенная в амулете, снимет проклятие либо по крайней мере остановит болезнь, не даст ей развиваться. Мадезус снял с деревянного гвоздя плащ и торопливо накинул его на плечи. Привязал к поясу объемистый кошель — и отправился во дворец.

Храм стоял совсем недалеко от королевской резиденции, так что вскоре молодой жрец уже стоял перед воротами. Откуда ему было знать, что в это самое время в глубине дворцовых подземелий погибал от яда капитан Сальворас, а Конан-киммериец бежал извилистыми каменными коридорами!..

Мадезусу стоило немалого труда убедить скучающих караульщиков впустить его внутрь. Наконец один из них, высокий и долговязый (от него еще и немилосердно разило дешевым вином), провел его ко входу. Двойные двери, сработанные из железа и прочного дерева, казались при луне неподвижными монолитами. Стражник извлек из ножен меч и трижды гулко стукнул в двери плоской стороной лезвия. Вскоре на уровне глаз открылось небольшое отверстие.

— Джеваро, бездельник!.. — донесся оттуда ворчливый хриплый голос, говоривший с непрходимым зингарским акцентом. — До рассвета еще далеко, а посему, во имя черной бороды Эрлика, катись-ка ты, ленивый говнюк, прочь!.. Э-э, да ты тут не один! Что еще за посетители посреди ночи? Никак жрец из храма Митры? И что тебе ночью не спится, жрец?..

Мадезус слабо улыбнулся, слушая его болтовню. Форменный зингарский пират, оставшийся без корабля. Самого бы его расспросить, каким ветром его занесло так далеко от родных мест. И от моря.

— У меня срочное дело, касающееся короля, — кротко обратился он к «пирату». — Пожалуйста, впусти меня без промедления!

— Что?.. Да чтобы я ни свет ни заря впустил во дворец незнамо кого?! И к тому же еще без бумаг?.. Будь ты, парень, хоть трижды жрец, я и не подумаю откры...

— А теперь, зингарец, слушай меня внимательно, — медленно, с расстановкой проговорил Мадезус. Его рука лежала на амулете, брови сосредоточенно сошлись у переносицы. — Ты сейчас откроешь для меня эту дверь. После чего отправишь этого стражника обратно на его пост. А когда я уйду, ты забудешь, что мы с тобой вообще когда-то встречались. Исполняй!

Его голос звучал властно и непререкаемо. Незримые волны магической энергии легко проникли сквозь толстый череп упрямого привратника.

— Сейчас... сейчас отворю, почтенный жрец... — засуетился зингарец и вдруг опять заорал: — Джеваро! Ты еще здесь, вонючий акулий корм? Живо на пост, пока я твои кишки по стене не размазал!

Мадезус слышал, как звенели ключи. Некоторое время спустя дверь действительно распахнулась. Жрец шагнул внутрь, гадая про себя, сколько еще препятствий встретится на его пути к королевской опочивальне. Может быть, проникновение внутрь дворца было еще не самым сложным, что ему предстояло?.. Продолжая поддерживать гипнотическое заклятие, он снова обратился к привратнику, выспрашивая, как пройти к королевским покоям. Почему-то он был уверен, что Эльдран обитал где-нибудь на верхних этажах дворца, но зингарец уверил его в обратном. По его словам, королю больше нравилось жить поближе к земле.

Мадезус прошел несколько длинных, узких коридоров, не встретив ни души. Он не знал расположения дворцовых покоев; оставалось надеяться, что зингарец дал ему верные ориентиры. Как бы то ни было, в залах и переходах не было видно ни стражи, ни слуг. Видимо, все дворцовые обитатели еще мирно спали, — только рассвет наполнит помещения людьми и гомоном обычного дня. Безлюдье несколько удивило Мадезуса, но потом он решил, что это было ему как раз на руку. Чем меньше лишних глаз, тем и лучше.

Еще несколько поворотов — и он окажется перед наружной дверью апартаментов Эльдрана... Сердце Мадезуса невольно заколотилось. Ему предстояла первая схватка с мутари, и ставкой будет жизнь короля. Уж верно, демон, подосланный к Эльдрану, станет сопротивляться, и как знать наперед, чем кончится их поединок?.. Не превысит ли черная сила мутари его, Мадезуса, жреческую благодать?..

Что ж! Очень скоро он это доподлинно выяснит.

...Он сразу узнал этот короткий, широкий коридор: точно таким его описывал зингарский «пират». А вот и дверь направо — туда-то ему и нужно. Он увидел еще две двери по левую руку и отметил про себя, что одна из них была настежь распахнута и как-то косооко висела на едва державшихся петлях. Запор, находившийся со стороны коридора, был и вовсе выдран, что называется, с корнем. Какая-то жуткая силища разорвала толстые железные полосы точно пергаментные обрезки! И кто это так похозяйничал в двух шагах от королевской опочивальни?.. Взломанная дверь пробудила невольное любопытство Мадезуса: весь остальной дворец, насколько он понял, был отменно ухожен.

На всякий случай он подошел поближе и заглянул внутрь... И едва не вскрикнул от неожиданности, когда его вдруг схватили сзади. Но даже и вздумай он закричать, ничего бы не

вышло. Широченная лапища зажала ему рот и так рванула назад, что жрец потерял равновесие.

— Ш-ш-ш! Тихо, Мадезус! — раздался над ухом знакомый хриплый голос. Он показался митраиту знакомым. И точно: — Это я, Конан!.. Пожалуйста, не шуми! Мне нужна твоя помощь!..

Мадезус послушно кивнул, втихомолку гадая, что позабыл во дворце гигант киммериец. Рука, зажимавшая рот, исчезла: варвар выпустил его. Ткнув пальцем в сторону выбитой двери, он жестом предложил жрецу следовать за собой. Только тут Мадезус заметил, что вторая дверь, только что плотно затворенная, была теперь приоткрыта. Похоже, за ней-то и прятался киммериец. Жрец только подивился про себя бесшумной кошачьей повадке, на которую, оказывается, способен был черноволосый великан. В самом деле, он не мог припомнить ни малейшего звука. Небось в обширном пустом коридоре любой шорох прозвучал бы, как гром!

Мадезус без особой охоты прошел следом за Конаном в комнату за взломанной дверью. Комната была чем-то вроде прихожей перед лестницей в подземелье. Этим, кстати, объяснялось, почему и запор и петли помещались снаружи. Жрец только вздохнул: теперь было ясно, кто учинил погром. А ведь всего несколько дней назад он лечил Конану сломанное запястье!..

Если хоть часть киммерийцев были таковы, как этот, — поистине, жизненная сила далекого народа заслуживала всяческого восхищения.

Еще Мадезус пришел к выводу, что Конан, по всей видимости, был заперт в тюремном подвале и совершил оттуда побег. Чем иначе объяснить разрушения, представшие его глазам? Внутри комнаты обнаружилась еще одна дверь — примерно в таком же состоянии, что и первая. Возле нее в лужах крови лежали двое невероятно изувеченных стражников, оба мертвые. За дверью начиналась узкая каменная лестница. Она вела вниз. Конан направился прямо туда и вновь пригласил жреца за собой. Нахмутившись при виде мертвцев, Мадезус шагнул на ступеньки, потом остановился.

Конан кое-как поправил дверь, но совсем поставить ее на место не удалось: слишком сильно она пострадала. Над лестницей висели сразу два светильника, и потому здесь было куда светлее, чем в комнате и даже в коридоре. Только тут Мадезус заметил, в каком плачевном состоянии был киммериец. Чудовищно грязный, он был еще и сплошь в синяках, порезах и кровоподтеках. Кое-где сочилась свежая кровь, но синеглазый исполин явно отказывался обращать внимание на страдания тела.

— Конан! — тихо обратился к нему жрец. — Нити наших с тобой жизней снова переплелись на ткацком станке Судьбы. Насколько я помню, ты всячески старался избежать соприкосновения

с городской стражей... Скажи, что привело тебя во дворец?

— Я разыскивал Хассима — подонка, повесившего на меня убийство принцессы, — проворчал киммериец. — Я искал справедливости, а сам чуть не попал смерти в брюхо! Эрлик бы уволок всех этих цивилизованных людей с их погаными выкрутасами!.. Не город, а сплошное гнездо подкупа и обмана! Во имя Крома, — у диких пиктов и то больше понятия о чести, чем у жителей Пайрогии, да провалилась бы она в тартарары! Эти говнюки загнали меня в ловушку, потом приковали к стене в вонючем подземном каземате. Там я должен был торчать до рассвета, пока палач не снесет мне башку топором. Вот так у них тут вершится справедливость!

И вот вишу я, значит, в цепях, и тут появляется Сальворас, капитан городской стражи, и притаскивает на плече Хассима, чтобы запереть его в клетушку рядом с моей. Мошенник должен был пойти на плаху вместе со мной, да Сальворас спровадил его в преисподнюю, не дожидаясь рассвета. Заморийский засранец как-то вывернулся у него из рук и пырнул его в спину отравленным кинжалом. Он и мне хотел выпустить кишки, точно связанному хряку на бойне. Да тут капитан — хватило же силы на время очухаться от яда! — метнул ему в спину кинжал. Кром!.. Ох и бросок был, любо-дорого вспомнить!..

Только пока мы тут с тобой, жрец, болтаем, Сальворас там внизу дух испускает от Хассимова яда. Спаси его, если умеешь! Понимаешь, Мадезус, Хассим, прежде чем околеть, всю правду мне вывалил, кто в чем виноват. Думал надо мной поглумиться, а сам того и не знал, что Сальворас все слышит. Ну и делишки у них тут во дворце!.. Замориц-то на самого Вальтреско работал!.. У Сальвораса, как он разобрался, что к чему, аж pena изо рта показалась. Полководец, стало быть, сстроил заговор и уморил королевскую дочку, чтобы как-то там свою карьеру продвинуть. Идем скорее, жрец, посмотришь Сальвораса! За мной! Я знаю, куда идти!

Мадезус больше не мешкал. Как ни бессвязен был торопливый рассказ киммерийца, митраит поверил ему сразу и безоговорочно. Если Вальтреско в самом деле изменник, все они были в страшной опасности! Жрец никогда не встречался с полководцем, но был предостаточно наслышан о нем. Жесток, честолюбив, бессовестен... весьма умен. Характеристики в основном нелестные, но в преданности Вальтреско трону никто никогда не сомневался. И вот вам пожалуйста!.. Мадезус подумал о том, что такой человек станет весьма опасным врагом. Какую роль он сыграл в нынешнем несчастье Эльдрана? Уж не связан ли он как-то со жрицей мутари?..

Новый оборот дела был совсем не по нраву Мадезусу. Он верил, что, оказавшись один на один со злодейкой, сумеет выстоять, а то и

погнать ее. Но одолеть еще и Вальтреско... тут нужен был закаленный и опытный воин, каковым Мадезус отнюдь не являлся.

Вот если бы Конан...

Мадезус был далеко не в восторге от того способа, которым киммериец склонен был решать все вопросы. Его глубоко опечалило зрелище убитых стражников возле двери. Эти люди не совершили никаких злодеяний. Они только выполняли приказ и, естественно, попытались остановить беглого узника... за что и поплатились.

Однако для того, чтобы успешно противостоять Вальтреско, нужен был именно Конан. К тому же увиденное в Зеркале Ясновидения отчетливо указывало, что судьба киммерийца некоторым образом переплеталась с его, Мадезуса, судьбой. Не говоря уж о том, что долг милосердия велел митраиту в любом случае поспешить на помощь раненому капитану. И даже не потому, что от жрецов, вздумавших отказывать страждущим, в свою очередь отворачивался Митра.

Мадезус глубоко вздохнул и быстро заговорил:

— Я прогоню смерть от капитана, если он еще жив. Но за это, Конан, мне вновь потребуется плата во имя моего бога. Мы с тобой коснулись паутины заговора, готовой погубить город... Митра велел мне изгнать затаившееся здесь древнее Зло, и Вальтреско вполне может оказаться одним из звеньев в цепи Зла. Эту цепь я непременно должен разбить. Сам я мало на что

способен против такого дьявола, как Вальтреско... Злобное создание, которое я должен изгнать, непременно использует его как оружие против меня. Он станет мечом в руках моей Врагини, — смертоносным мечом! Я спасу твоего капитана, но в отплату попрошу тебя, Конан, защитить меня от Вальтреско. Убить его, если потребуется... Нынче ночью я должен буду лицом к лицу встретиться со своей Врагиной и низвергнуть ее в ту адову бездну, из которой она выползла. Пойдешь ли ты со мной, Конан?

Настал черед киммерийцу раздумывать и решать. По счастью, он всегда принимал решения быстро, а в данном случае и вовсе не испытывал колебаний. Кодекс чести, которого придерживался варвар, был ясен и прост.

— Если бы Сальворас не вступился за меня, я сам сейчас горел бы в аду, — буркнул он. — Спаси его, и, во имя Крома, я не отойду от тебя ни на шаг! Ладно, хватит трепотни — поспешим!

И, не добавив более ни слова, Конан помчался вниз по ступенькам. Он знал, что каждый миг промедления мог стоить Сальворасу жизни.

Мадезусу, изо всех сил старавшемуся не отстать от могучего варвара, пришлось нелегко. Однако осознание цели и долга разожгло в нем некий внутренний огонь, и каким-то образом он умудрялся не терять Конана из виду.

Странное это было зрелище — воин и жрец, вместе бегущие по извилистым каменным коридорам. Однако удивляться здесь было некому.

Бежать пришлось долго. Конан время от времени наклонялся, выискивая на полу знакомые следы крови, Мадезус же старался собраться с силами для предстоявшего ему исцеления. По дороге Конан рассказал, что Сальворас погибал от кинжала, смазанного соком черного лотоса. Услышав это, жрец рассудил, что сок, верно, не был достаточно чистым. Иначе капитан вмиг умер бы от простого прикосновения. Хассим, похоже, напоролся на жулика вроде себя: ему наверняка продали цветы, неправильно или несвоевременно срезанные и оттого несколько утратившие свою смертоносную силу. Мадезус знал, как пробудить человека от этого сна, переходящего в смерть. Когда-то он видел соответствующий обряд и из чистого любопытства освоил его сам. На всякий, так сказать, случай. Посмотрим теперь, не подкачет ли память...

И вот наконец они стояли над распластанным телом Сальвораса. Зрелище было плачевное, и Мадезус даже сморщился от жалости. Капитан, без сомнения, умирал, и умирал в муках. По воспаленному лицу ручьями катился пот, черные губы потрескались и распухли. Он то и дело раскрывал глаза, но тотчас зажмуривался. Сальворас вздрагивал и стонал, дыхание прямо-таки скрежетало в груди. Мадезус без промедления опустился подле него на колени и извлек из поясного кошеля баночку с мазью. Вытащив тряпку, которую Конан засунул Сальворасу под кольчугу, жрец намазал снадобьем рану. Капитан

отчаянно закричал и забился так, что Мадезуса отшвырнуло к стене.

— Держи его! Скорее! — крикнул он Конану.

Киммериец живо пригвоздил капитана к полу и держал, пока жрец трудился над ним.

Покончив с мазью, Мадезус завел ритмичное медленное песнопение, время от времени проводя ладонью перед своим амулетом. Почти сразу вокруг его головы замерцало пурпурное сияние. Продолжая петь, Мадезус возложил руку Сальворасу на грудь. Тут уже и амулет вспыхнул пурпурным огнем, и сияние растеклось с руки Мадезуса, охватив все тело капитана. Конан инстинктивно шарахнулся прочь: подобные фокусы доверия ему не внушали, как их ни называй — хоть магией, хоть проявлением воли богов. Он выпустил Сальвораса, однако его помощь больше была не нужна. Капитан перестал судорожно биться. Мучительные стоны сделались тише и наконец совсем смолкли.

И вот Мадезус прекратил песнопение, и аура постепенно погасла. Жрец посыпал лицо Сальвораса странным тусклово-серебряным порошком; Конан успел уловить свежий, горько-сладкий аромат, впрочем быстро рассеявшийся. Порошок быстро впитался в кожу капитана, и Мадезус громко хлопнул в ладости.

Веки Сальвораса затрепетали... Капитан медленно открыл глаза. Теперь он дышал ровно, и чернота с его лица уже пропадала. Кое-как он приподнялся и сел.

— Ох, Митра, у меня прямо огонь по жилам бежит!.. — простонал он. Должно быть, зрение у него прояснялось постепенно: он только теперь заметил рядом с собой киммерийца. — Конан, это ты? — удивился Сальворас. — Мы что, уже в преисподней?.. Когда тебя успели приступить?.. Хотя, погодн... — Его блуждающий взор остановился на фигуре Мадезуса, и он, покачав головой, уверенно заявил: — Нет, это все же не ад! Жрецов Митры в ад не берут!..

— Это в самом деле не ад, Сальворас! — радостно взревел Конан. — Клянусь Кромом, мы пока еще живы!.. — Варвар был вне себя от радости при виде чудесного оживления капитана. — Видишь лекаря? Это он выволок тебя с того света. Так что дьяволам преисподней придется еще подождать, прежде чем греть для тебя сковородку!

— Лекарь?.. Так я вправду живой?.. Я не знаю тебя, друг целитель, но прими мою искреннюю благодарность! Ты воистину великий жрец, парень! Стоило воскреснуть хотя бы затем, чтобы рассказать королю об измене негодяя Вальтреско!.. А может, и вот этой рукой кишки предателю размотать!..

С этими словами Сальворас поднялся на шаткие ноги и привалился к сырой холодной стене, чтобы не упасть. Способность ясно мыслить медленно возвращалась к нему. Мадезус не спускал внимательного взгляда со своего недавнего подопечного.

— Не спеши, капитан, — посоветовал он Сальворасу. — Опасности больше нет, но твое тело еще сражается с ядом черного лотоса. Теперь сила вернется к тебе. Мне тоже необходимо как можно скорее увидеться с королем, и все-таки прошу тебя: не спеши! Если ты сейчас надорвешься, выздоровление может оказаться лишь временным!

— Я не могу ждать, целитель, — ответил Сальворас. — Идем! Не бойся, я не свалюсь. У меня знаешь какая картинка перед глазами стоит? Шея Вальтреско на плахе! И сил она мне придает — во!..

...И тут, едва он успел договорить, из дальнего конца длинного коридора донесся издевательский смех.

— Любуйся игрой своего воображения, мой капитан, — насмешливо произнес удивительно знакомый голос. — Только я на твоем месте больше думал бы о собственной шее, а не о чужой!

Трое мужчин потрясенно обернулись на этот голос. В конце коридора стоял и посмеивался полководец Вальтреско. Полированные латы и меч сверкали в бликах светильников. А позади него толпилось не менее полудюжины тяжеловооруженных дворцовых стражников. Те, что стояли впереди, держали наготове арбалеты, заряженные зловещего вида стальными болтами. Несчастных два десятка футов — для арбалетчиков это была стрельба в упор.

Рука Сальвораса поползла к сумке с Хассимовыми ножами, по-прежнему висевшей на поясе.

— Обманщик!.. — прорычал он. — У тебя, видно, не осталось ни капли чести и совести! Вспомни, — король Эльдран однажды спас тебе жизнь! Вы были близкими друзьями!.. Так-то ты ему платишь за дружбу! И нас, свидетелей, готов хладнокровно прирезать! Так не бывать этому! Ты за все заплатишь, исчадие ада! Умри!..

Стремительное, плавное движение могучей руки — и в грудь полководцу с силой полетел кинжал. Однако Вальтреско был начеку. Он инстинктивно подался назад, последовала поистине нечеловечески быстрая отмашка мечом... Кинжал задребезжал по полу.

— Убить! — приказал Вальтреско своему воинству. Арбалетчики разом нажали на спусковые крючки. Остальные ринулись по коридору вперед...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КРЫСОЛОВКА

Когда полетели стрелы, Конан швырнул растерявшегося Мадезуса в открытую дверь каземата и сам нырнул следом. Его реакция спасла жизнь им обоим. Мадезус успел ощутить дуновение ветра: одна из стрел свистнула мимо его щеки. В следующий миг жрец и варвар рухнули на каменный пол камеры. Окоченевшее тело Хассима смягчило падение Конана. Быстро перекатившись, он сразу вскочил, держа меч наготове.

Мадезусу повезло меньше. Он сильно ударился затылком о край решетчатой двери, а потом еще и лбом об пол. Перед глазами побежали круги; он кое-как перевернулся лицом вверх — и потерял сознание. Конан этого не видел. Он уже мчался навстречу атакующим стражникам.

Сальворас избежал стрел, бросившись плашмя на пол. Меча у него не было, поэтому, вскакивая, он подхватил еще два кинжала из Хассимова арсенала. Хотелось же ему только одного: прорваться сквозь нападавших и добраться до Вальтреско. Вот бы еще и меч отобрать у кого-нибудь из изменников!..

— Конан!.. — окликнул он киммерийца. — По двое на брата, только учти, Вальтреско — мой!..

Варвар усмехнулся в ответ:

— Сперва зайдемся стрелками, пока они свои грабли перезаряжают...

— А что там с Мадезусом? Попало ему?..

— Попало, но не стрелой! Об пол стукнулся, когда падал...

В следующий момент им стало некогда переговариваться.

По коридору в этом месте могли одновременно пройти три человека, но лишь двое могли биться в нем плечом к плечу. Сальворас занялся одним стражником, а Конан набросился на другого. В узком проходе было не развернуться. Сальворас отбивался кинжалами, парируя неуклюжие выпады стражника, но его клинки были слишком короткими и не давали возможности атаковать самому. В воздухе стоял сплошной звон стали о сталь.

Что до Конана, он со своим противником раздался быстро. Для начала он чуть не свел его с ума беспрестанными ударами по незащищенным рукам, а когда тот потерял равновесие — сделал единственный выпад, проломив латы и вогнав меч стражнику в ребра. Тот ахнул от последней в своей жизни неожиданности — и свалился на пол, выронив оружие.

Конан с треском выдрал меч из его тела, потом ногой запустил меч мертвеца по полу к

Сальворасу. На него уже наседал третий, но Конан, извернувшись, наотмашь полоснул того, с которым бился Сальворас, давая тем самым капитану время подобрать меч. Новый соперник киммерийца между тем широко размахнулся изогнутым кофитским мечом, целя Конану в голову. Варвар без труда отбил этот удар, потом вдруг нырнул, и вперед выстрелил его тяжелый, как кувалда, кулак. Однако удар пришелся не совсем туда, куда следовало: не в подбородок, а в латный воротник доспехов. Ворча, Конан отдернул ушибленную руку и вновь вскинул меч.

Стражник был опытным фехтовальщиком, но безоглядная ярость Конана поколебала его хладнокровие. Он сделался осторожнее и если и отступил на несколько шагов, то только потому, что варвар был сильнее. Потом страх за собственную жизнь все же вынудил его к необдуманным действиям. Когда он собрался наудачу рубануть сверху вниз, Конан вовремя вскинул на встречу свой тяжелый клинок. Кофитский меч оказался менее прочным. Он разлетелся на добрую дюжину осколков, тогда как Конанов клинок дочертил смертоносную дугу в воздухе и рассек предателя до грудной кости.

Издав звериный вопль, киммериец выдернул меч уже из второго трупа. Кровь врагов текла по его мечу и по телу, глаза застипал багровый туман. Теперь его направляли дикарские инстинкты, не разум. Отряхнув с лезвия алые

капли, он взревел, точно тигр, окруженный стаей волков:

— Ну?!. Кому еще не терпится в ад?..

Сальворас, сражавшийся с ним бок о бок, был попросту потрясен его действиями. Он сам был закаленным ветераном множества войн и повидал на своем веку немало славных бойцов. Бряд ли, однако, даже лучшие из них могли бы сравниться с этим киммерийцем.

Вдохновленный мужеством Конана, Сальворас с удвоенной силой насыпал на своего стражника, вышиб у него оружие и полоснул по туловищу, обтянутому кольчугой. Клинок рассек брюю и глубоко вошел во внутренности. Капитан высвободил меч, резко повернув рукоять: кольчуга стражника расползлась, кишки вывалились на пол... С мечом и кинжалом в руках Сальворас бросился на четвертого стражника, а Конан устремился к последним троим, окружавшим Вальтреско.

Арбалетчики отчаянно торопились, перезаряжая свое оружие. Кое-как прицелившись, они разом выстрелили в киммерийца, не зная, что именно на это он и рассчитывал. Он бросился на пол и прокатился вперед, ничуть не потеряв скорости. Один болт все-таки угодил ему в мясистую часть бедра. Древко сломалось об пол. Вздрогнув от боли, Конан выдернул расщепленную стрелу и отшвырнул ее прочь. На струйку крови, бежавшую по ноге, он никакого внимания не обратил.

— Желтобрюхий трус!.. — заорал он, обращаясь к Вальтреско. — Так и будешь хныкать, прячась за юбками этих баб? Или все-таки решишь быть мужиком и сойдешься со мной один на один?..

— Твой визг забавляет меня, киммерийская свинья, — был ответ. — Еще не хватало запакостить мой меч твоей варварской кровью! К тому же я пообещал уступить эту сомнительную честь капитану Рогару, — вот он здесь со мной...

Из-за спин арбалетчиков появился квадратного сложения коротышка с плоским, точно из камня вырубленным лицом. Широченную грудь покрывал грубой работы нагрудник, волосатые ручищи были защищены медными рукавицами. Из оружия при нем были щит и булава. Он напряг обнаженные, по-обезьяньи мускулистые руки и криво улыбнулся Конану, приглашая его на бой. Зубы у него были желтые, обломанные. Арбалетчики, до которых Конан так и не успел добраться, мигом отступили за спину коротышки.

Сальворас, довершивший расправу с последним стражником, улучил мгновение и посмотрел на капитана Рогара. Он сразу узнал его: это был наемник, один из тех, кого Вальтреско подбирал лично. (Если уж на то пошло, в коридоре вообще не было ни одного природного бритунийца.) Так называемый «капитан» Рогар на самом деле был никаким не капитаном, а просто наемным мясником-заморийцем. Пред-

ставляя этого малого к воинскому званию, Вальтреско оправдывал свое решение количеством врагов, сраженных Рогаром в стычках на границе. Сальворас знал, как мастерски управлялся толстяк со своей булавой. И еще... Бросаясь на помощь Конану, Сальворас успел проголосовать предупреждение:

— Берегись щита!.. Не бей в щит!..

Увы, предостережение запоздало. Конан уже размахнулся, надеясь одним ударом сокрушить щит и всадить меч Рогара в жирное брюхо... К его величайшему изумлению, щит... *притянул* к себе клинок! Да так, что Конан не смог его оторвать! Странный с виду щит на самом деле оказался сильнейшим магнитом! Выругавшись, Конан что было силы налег на непослушную рукоять, пытаясь в то же время увернуться от шипастой булавы Рогара. Между тем замориц, как выяснилось, именно на то и рассчитывал. Он размахнулся, и на голову Конана обрушился страшнейший удар. Оглушенный киммериец выпустил меч и привалился к стене...

Следующий удар неизбежно прикончил бы его, но в это время Сальворас метнул последний оставшийся у него кинжал. Метнул, мысленно моля Ханумана направить его полет. И на сей раз ему повезло: кинжал по рукоять вошел в мясистое плечо «капитана». Толстяк выронил щит, но казалось не замечал воткнувшегося кинжала. Ударившись об пол, меч Конана со звоном отлетел прочь от магнита. Маленькие

черные глазки Рогара недобро сверкнули: он развернулся к Сальворасу и замахнулся булавой. Булава чуть-чуть не достигла цели. Сальворас отшатнулся, потом сделал выпад, но клинок только звякнул по толстому нагруднику. Бросив быстрый взгляд за спину стражнику, Сальворас с ужасом убедился, что арбалетчики вот-вот должны были выстрелить по третьему разу. Конан был еще не в состоянии увернуться; если он, Сальворас, сей момент не разделается с толстяком, они попросту изрешетят киммерийца!..

Капитан уронил меч на пол и бросился на Рогара со всей стремительностью, порожденной отчаянием. Не ожидавший этого толстяк-замориц попытался взмахнуть булавой, но в ближнем бою тяжелое оружие оказалось бесполезным. Сальворас сомкнул руки на его глотке и сдавил что было силы. Рогар схватил его запястья и попробовал их разомкнуть. Так они боролись несколько невыносимо долгих мгновений, пока Сальворас не заметил, что арбалетчики прицелились в Конана, — тот все еще стоял у стены, прижимая руки к ушибленному черепу. Вот тут-то Сальворас навалился на толстяка и мощным рывком вытолкнул его на линию огня.

Он рассчитал безукоризненно. Вновь полетели стрелы... но на сей раз сами стрелки испуганно закричали. Один болт глубоко вошел Рогару в спину, и наемник крякнул от боли. Другой скользнул над головой коротышки и ударил

Сальвораса в плечо. Ему пришлось выпустить заморийца. Тот отшатнулся прочь. Воздух едва проходил в сдавленное горло, рука шарила по спине, силясь нащупать стрелу. Выдрав ее на конец вон, Рогар занес болт над головой, собираясь ткнуть им, как кинжалом, Сальвораса в шею...

Не получилось! Наконец-то проморгавшийся Конан пнул Рогара в колено и свалил его наземь. Задыхаясь от боли, которую причинял ему заставший в плече болт, Сальворас вырвал стрелу. Конан потянулся к выпавшему из рук мечу, Рогар пытался подобрать булаву... Они одновременно схватили оружие, но Рогар не сумел достаточно быстро вскочить и промедлил с ударом. Он успел только вскинуть глаза и увидеть острие, как бритва, окровавленное лезвие, летевшее ему прямо в лицо. Меч Конана рассек рукоять его булавы и глубоко погрузился в бычью шею наемника.

Какое-то мгновение выпущенные глаза заморийца непонимающе смотрели на обрубок рукояти, торчавший из кулака. Потом глаза подернулись пленкой, голова запрокинулась... и упала на пол. Обезглавленное тело, корчась, рухнуло вперед, заливая все вокруг потоками густой крови. Конан пинком отбросил срубленную голову прочь и наконец-то бросился на арбалетчиков. Он яростно размахивал мечом, из груди рвался оглушительный боевой клич киммерийцев.

Вальтреско, несколько подрастерявший былую самоуверенность, отскочил на пару шагов и встал в боевую стойку.

— Живо, остолопы! — рявкнул он на арбалетчиков. — Беритесь-ка за мечи и прикончите этого мерзавца!

Воины послушно бросили арбалеты и схватились за мечи... но зрешище неописуемо страшного киммерийца, неотвратимо мчавшегося прямо на них, вконец лишило их мужества. Они разом повернулись и со скоростью зайцев умчались прочь по коридору, бросив полководца одного. Вальтреско побежал за ними, но доспехи сдерживали его прыть. Арбалетчики проскочили железную дверь и захлопнули ее прямо перед носом Вальтреско. Звук тяжелого засова, поспешно задвигаемого с той стороны, заставил полководца яростно выругаться. Он оказался в ловушке!..

— Трусы!.. — заорал он. — Ублюдки!.. Я велю содрать с вас никому не нужные шкуры и заживо скормлю вас крысам!.. Откройте дверь!.. Вернитесь и сражайтесь, это приказ!..

Он кричал еще многое другое, но в ответ из-за двери долетел только поспешный топот удирающих ног.

Делать нечего, Вальтреско повернулся к Конану лицом и вновь встал в боевую стойку. Он со всей решительностью выдвигал челюсть, но в глазах можно было заметить отблеск страха. Но только отблеск. Вальтреско смотрел весьма угрожающе, и замысловато украшенный меч не

дрожал в его правой руке. Блики светильников искривлялись на полированных пластинках латной перчатки.

Вот левая рука полководца скользнула в поясной кошель... Конан приближался осторожно: он предполагал, что Вальтреско был не только горазд болтать языком, но и умел очень здорово драться. Еще он нимало не сомневался, что изменник не задумываясь пустит в ход какой угодно грязный прием.

За спиной у него Сальворас подобрал свой меч, — подобрал здоровой рукой, оберегая раненое плечо. Капитан спешил на помощь киммерийцу. Он-то слишком хорошо знал, что полководец и без личной охраны оставался смертельно опасным.

Конан подбирался все ближе к Вальтреско, имея в виду прижать того к запертой двери. Когда ему осталось шагов двенадцать, полководец устремился вперед. Его меч мелькнул в стремительном выпаде... Конан отбил нападение и сам нанес ответный удар. Его меч провел глубокую борозду по нагруднику Вальтреско, непоправимо испортив замечательную резьбу. Вальтреско отлетел назад, выхватил из кошеля крохотную скляночку с какой-то жидкостью и метнул ее, целя Конану в голову.

Киммериец, однако, ждал чего-нибудь в этом духе и успел мгновенно присесть. Скляночка пролетела над его головой и со стеклянным звоном разбилась о кольчугу подоспевшего Сальвораса.

Остановить разбег капитана она, конечно же, не смогла. Он только скривился от едкого запаха. Потом бросил взгляд на свою кольчугу... и с ужасом увидел, что она плавится и дымится. Шипя, точно вода на горячих углях, странная жидкость разъедала и кольчугу, и тело под ней. Боль была несусветная...

Бросок заставил Вальтреско на миг потерять равновесие, чем сейчас же и воспользовался Конан: конец его меча вспорол кольчужный подмышник и руку полководца. Вальтреско промедлил оборониться.

— Ах ты дермо!.. — зарычал вельможа. — Приготовься к встрече со своими звероподобными предками в преисподней!..

И он рубанул по гарде Конанова меча, слегка запутавшейся в разорванном рукаве кольчуги. Гарда не выдержала удара отточенной, отменно закаленной стали и разлетелась. Лезвие угодило Конану по руке, заставив его выронить меч.

Вальтреско сейчас же замахнулся снова, метя киммерийцу в незащищенную грудь. Конан шарахнулся в сторону, уходя от удара, но тут его подвели перемазанные кровью ноги: он поскользнулся. Обезоруженный, он растянулся на полу. Блестящий меч Вальтреско устремился к его горлу. Конан успел только вскинуть руки...

Неожиданно коридор огласился мучительным воплем. Меч Вальтреско еще продолжал свое движение к шее киммерийца, но рука, державшая рукоять, уже не направляла его, поскольку

сама падала вместе с мечом. Это Сальворас, наконец-то добравшийся до места сражения, неизиная на полученную рану, сумел занести свой клинок и с медвежьей силой обрушить его на изменника-полководца. Страшный удар отsek пельможе руку почти по плечо. Сальворас замахнулся снова, желая прикончить Вальтреско... но даже и его сила имела предел. Раны заставили его рухнуть.

Какое-то мгновение Вальтреско стоял неподвижно, глядя Конану в глаза. Потом оба одновременно посмотрели на Конанов меч, валявшийся между ними. Ни один не двинулся с места, словно соображая, кто первым схватит оружие. Раненая рука киммерийца кровоточила, в побитой голове стучали кузнечные молоты, бедро жгло огнем. Кого угодно другого такие раны уложили бы замертво, но только не Конана. Он, точно раненое животное, будет драться до последнего и не покажет признаков слабости, пока не умрет. Вальтреско, наследник изнеженных цивилизаций поколений, был гораздо менее вынослив. Особенные страдания причинял ему окровавленный обрубок руки, от которого в мозг шли нестерпимые огненные разряды.

Полководец сдвинулся первым. Он попытался поднять меч здоровой рукой, но схватил только воздух. Когда Конан сграбастал клинок и, проломив нагрудник, по рукоять вогнал его в тело Вальтреско, тот успел только подумать: «Значит, я все-таки проиграл». Три фута закаленной стали

насквозь проткнули его грудь, и сознание ухнуло в черную пустоту. Из горла вырвался хрип, пронзенное тело затрепетало — и осело на холодный пол подземелья.

Конан чувствовал себя вычерпанным до предела. Не без труда он поднялся и, хромая, пошел туда, где остался Сальворас. Он хотел помочь ему встать, но рука киммерийца замерла на полу пути.

Сальворас умирал. В его груди дымилась и булькала рана, в которую вполне вошел бы кулак. Едкая жидкость из склянки Вальтреско прожгла кольчугу и плоть и вот-вот должна была унести жизнь. Варвара пробрала дрожь при мысли, что было бы с ним самим, попади эта гадость ему в голову.

— Конан... — прошептал капитан. — Он... мертв?

— Он уже горит в аду, Сальворас! Держись, друг! Во имя Крома, держись!.. Я сейчас слетаю за лекарем! Сейчас...

Но Сальворас с трудом покачал головой:

— Не надо, Конан... Митра призывает меня. Мой... срок... истекает. — Он задыхался, на губах вскипала кровавая pena. — Ты... ничего мне не должен... но позволь тебе... попросить. Проводи жреца к королю. Помоги ему... уничтожить... то зло, о котором он говорил. Спаси короля!.. — Усилие, требовавшееся, чтобы говорить, совсем ослабило умирающего. Закрыв глаза, он несколько мгновений отдыхал, потом на-

брал полную грудь воздуха и обратился к заботливо склонившемуся над ним киммерийцу с последними словами: — Не верь... никому. Кроме горца... Кейлаша... Расскажи ему все... король должен знать... Обещай!

Больше Сальворас был не в состоянии говорить. Он закрыл затуманенные страданием глаза.

— Король узнает, — твердо пообещал Конан. — Либо я погибну, доставляя ему эту весть. Клянусь Кромом и Митрой — ты будешь отмщен!

В глазах Конана неукротимо горело синее пламя. Его кровь еще кипела от возбуждения битвы. Он не мог думать ни о чем ином, только о новых схватках с врагом и о кровавой мести за храброго капитана, так дорого заплатившего за то, чтобы спасти ему жизнь.

Сальворас испустил последний вздох у Конана на руках, и душа его влилась в бестелесный сонм предков.

Киммериец закрыл ему глаза и положил меч капитана на его застывшую грудь. «Сегодня мне выпало сражаться бок о бок с настоящим мужчиной», — думалось киммерийцу. Сальворас умер, как подобало славному воину. Конан неизменно выполнит клятву, данную павшему соратнику. Либо заплатит собственной кровью. Так велел киммерийский закон и совесть самого Конана.

...Однако этим он займется несколько позже. А теперь следовало посмотреть, как там Мадезус.

Конан поднялся и пошел туда, где остался молодой жрец.

Мадезус только-только зашевелился на полу каменной клетушки. Его зрение еще не совсем прояснилось, но первым, кого он увидел, был Конан, входивший в камеру. Киммериец был с головы до ног залит потом и кровью. Мадезус заморгал, силясь разогнать туман перед глазами, и опасливо пощупал голову. Как ни странно, она не была разбита вдребезги, лишь за ухом наливалась крупная шишка. Коснувшись ее, он вздрогнул от боли. Постанывая, жрец сел.

— Конан!.. — вырвалось у него. — Благодарение Митре, ты жив!.. А что Сальворас? Он с тобой, или его схватили?

— Ни то ни другое, целитель. Вальтреско предательски сразил его, но я отправил изменника в преисподнюю. Огненные демоны уже гложут его поганые кости... Стражники же частью сбежали, частью мертвы.

— Сальворас!.. Я должен видеть его! Я спасу его, если только он еще жив!

Конан пожал плечами и с сомнением покачал головой:

— Я моложе тебя, но видел столько смертей, что... А впрочем, если бы не Сальворас, я бы тут не стоял. Посмотри на него, если хочешь, только не трать времени зря. Надо выбираться отсюда! Хреновы стражники заперли дверь в подвал, когда удирали!

Конан поставил Мадезуса на ноги, и вдвоем они поспешили в дальний конец коридора, мимо коченеющих тел, туда, где Конан оставил Сальвораса. Жрецу хватило одного взгляда: он помрачнел и опустил голову.

— Я ничего не могу больше для него сделать, — проговорил он опечаленно. — Разве что помолиться за его душу! Жидкость, пожравшая его плоть, была кровью крылатого чешуйчатого драккена — чудовища из отдаленнейшей, безымянной эпохи... Как она попала к Вальтреско, я не знаю. Об этом можно только гадать! Уже во времена моего прадеда не было людей, когда-либо видевших живого драккена...

Преклонив колени, Мадезус вытащил из сумки пузырек и окропил из него тело Сальвораса, тихо творя молитву Митре.

Пока он молился, Конан подошел к трупу полководца и срезал с его пояса кошель. Распутав завязки, он заглянул внутрь и увидел еще одну скляночку вроде той, что сгубила Сальвораса. Она была тщательно завернута в тряпку. Гораздо больше Конана привлекло золото, блеснувшее в глубине. Он осторожно припрятал кошель в самый глубокий карман своей кожаной безрукавки.

Мадезус докончил молитву и поднялся, бросив прощальный взгляд на мертвого капитана.

— Конан! — окликнул он варвара. — Дай я перевяжу твои раны, и покинем скорее это злосчастное место!..

— Некогда, целитель, — покачал головой киммериец, подходя к железной двери. — Мне еще кое-какое обещание надо исполнить.

Дверь выглядела исключительно добротной и была в отменном состоянии. Конан налег плечом, но она и не шелохнулась. Отдышавшись, он вновь попытался ее высадить. Безрезультатно.

— Кром!.. — ругнулся он, переводя дух. — Заперто с той стороны!.. Тут без тарана не пройдешь! Мы заперты, точно крысы в крысоловке...

Мадезус нахмурился, напряженно раздумывая.

— Надо, — сказал он, — подождать, пока придет стража. Я думаю, они скоро явятся разбираться, что стало с Вальтреско и его людьми.

— Ждать? — проворчал Конан. — Ну уж нет! Надо что-то придумать!..

И он начал ходить перед дверью, точно тигр, посаженный в клетку. Плодовитый ум варвара усердно трудился... Случайный взгляд, брошенный на тело Сальвораса, неожиданно подсказал ему выход. Запустив руку в кармашек, он вытащил трофеинный кошелек и извлек скляночку. Со всей осторожностью вытащив притертую пробку, он отступил от двери, прицелился и щедро плеснул на железо. Крепкая металлическая поверхность так и вскипела. Повалил ядовитый дым, от которого зашипало нос и глаза.

Когда дым рассеялся, стало видно, что жидкость проела в железе сквозную дыру больше человеческой головы. Подойдя, Конан запустил

руку в эту дыру, вытащил запирающий брус и с лязгом бросил на камень. Потом нашарил засов и отодвинул его. При этом его рука выше локтя все-таки коснулась края отверстия. В кожу словно вонзились жала сотни ос, но Конан не убирал руки, пока не вытащил засов совсем и не бросил его на пол. На обожженном месте вздулся багровый, неприятного вида рубец. Он медленно расширялся. Мадезус озабоченно посмотрел на ожог, но ничего не сказал.

Конан с силой пнул дверь. Она легко отошла и гулко грянула в стену.

— Скорее, Мадезус! Надо отыскать короля и этого, как там его, Кейлаша, пока стража до нас не добралась! За мной, жрец!

Мадезус кивнул и принустил следом за быстроногим варваром. Каким-то образом ему удалось не потерять из виду киммерийца, которого вело сквозь путаницу извилистых коридоров безошибочное чувство направления. Никто не встретился им на пути, пока они поднимались на нижний этаж дворца. Одолев последнюю лестницу, Конан огляделся, высматривая стражников. Мадезус прислонился к стене внизу пролета, силясь отышаться. Он не привык к подобной беготне. Когда сердце перестало выпрыгивать из груди, он медленно поднялся наверх, не снуская глаз с поджидавшего его Конана.

Киммериец махнул ему рукой, приглашая следовать за собой, и бесшумно пересек стражницкую. Здесь тоже не было ни души, и это

заставило Конана насторожиться. Он напомнил себе, что солнце еще не взошло, а потому, может, так тому и следовало быть. Он крался вперед, держа руку на рукояти меча и следя указаниям Мадезуса, знавшего, как пройти к королевским покоям...

И вот наконец они добрались до высокой, обшитой медными листами двери: именно таков, по словам жреца, был вход во внешние покой Эльдрана. Дверь была заперта, и Конан спросил себя, где же, наконец, страж? Почему и перед дверью никого нет?.. Он оглянулся проверить, следует ли за ним Мадезус.

Помимо собственной воли он зауважал жреца еще больше. Митраит усердно поспевал за ним и притом двигался тихо. Киммериец ни разу еще не встречал подобных жрецов. Как непохож был Мадезус на тех напыщенных храмовых чистоплюев, с которыми он сталкивался раньше! Его разбирало невольное любопытство, он не отказался бы разузнать, кем Мадезус был в прошлом. Однако до сих пор он не задавал ему вопросов. В любом случае лучше держаться подальше от жрецов, чародеев и им подобных!..

...Конан оглянулся как раз вовремя, чтобы заметить, как из-за тканой шпалеры за спиной Мадезуса вынырнул человек. Он закричал, пытаясь предупредить жреца, но того схватили прежде, чем Конан успел издать хотя бы звук. Тут же с треском растворились медные двери, и прямо на киммерийца вывалилась орава бриту-

нийских горцев с оружием. Его рука непроизвольно метнулась к мечу, но замерла на полпути. В дверях появился здоровенный темноволосый кезанкиец и заорал во все горло:

— А ну всем стоять!.. Не трогать их, псы!

Низкий повелительный голос мигом заставил замереть горцев, уже взявших в кольцо синеглазого великана. Могучий кезанкиец ткнул пальцем в сторону Конана и невесело усмехнулся:

— Ты, верно, Конан?.. — И после некоторой паузы продолжал: — Жреца я первый раз вижу, но все равно мы безмерно благодарны вам обоим... За что? За то, что помогли разоблачить изменника, покусившегося на трон! — Горец указал на скорченный труп стражника, валявшийся почти у него под ногами. — Вот этот говнюк был в личной охране изменника! Мы схватили обоих, когда они удирали из подземелья! Я показал ему меч, и язык у ничтожества сейчас же развязался, а потом заполоскался, как флаг на ветру! Ну, когда я выяснил, что и у него рыльце в пуху, я тут же и всадил меч в его поганые кишки! Тьфу!.. — И горец смачно плюнул на замаранную кровью рубаху бывшего стражника. Потом представился: — Я — Кейлаш, друг и телохранитель его величества короля Эльдрана. Где Сальворас? Он с вами?

— Нет, — сказал Конан и скорбно опустил глаза. — Он пал, сражаясь с Вальтреско.

У Кейлаша подозрительно заблестели глаза. Он так сжал кулаки, что побелели костяшки.

— Вот это горькие новости!.. Но не произноси больше имени негодяя! «Предатель» — только так его отныне следует называть! Да сгорит он в аду, и пусть тысяча демонов пожрет его черное сердце!.. А вот Сальворас был настоящий мужик! Право же, он заслуживал лучшего конца, чем смерть от руки негодяя и труса! Много дней будут петь о нем плакальщицы, и вовек не забудут его те, кто преданно служит королю!.. Эй, отпустить жреца! — обратился он к державшим Мадезуса. — Иди сюда, священник! Вы с Конаном должны мне рассказать обо всем!

Убрав меч и более не опасаясь нападения, Конан вместе с Мадезусом проследовал в королевские покои, куда ввел их Кейлаш...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НАСЛЕДНИК КСУОКВЕЛОСА

Конан наскоро переговорил с Кейлашем, в общих чертах обрисовав ему отчаянную схватку в подземной тюрьме. Мадезус нетерпеливо вмешался в их разговор:

— Жизнь короля висит на волоске, и время уходит! Кейлаш, ты должен меня немедленно к нему проводить! Пока вы здесь болтаете, его жизнь истекает, как вода из треснувшего бокала. Древнее зло вырвалось в наш мир, и его черная сила готова истребить короля!

— А ты-то откуда знаешь?.. — изумленно спросил Кейлаш.

— Увы, у меня нет времени объяснять... Доверься мне, или король неминуемо погибнет!

Мадезус старался говорить спокойно, но его руки непроизвольно сжались в кулаки, а лицо осунулось от волнения.

Конан решил вмешаться:

— Я не знаю до конца, что именно им движет, — сказал он. — Но в душу жреца заглянуть труднее, чем в душу обычного человека. Я уверен только в одном: Мадезус не причинит зла твоему королю. До сих пор его деяния говорили об этом правдивее всяких слов!

Кейлаш некоторое время молчал. Голова у него, признаться, шла кругом. Про себя он действительно подозревал, что его друг погибал не от яда, как думали все, а от колдовства. Но мог ли он отдать судьбу любимого вождя в руки неведомого жреца?.. Однако надо было решать, и решать быстро. Король лежал пластом вот уже третий день, и не было заметно никаких признаков облегчения. Его по-прежнему не удавалось ни накормить, ни напоить... Сколько он еще протянет в таком состоянии? Эльдран был очень силен, а воля у него была и вовсе железная. Тем не менее Кейлаш отчетливо понимал, что его друг обречен.

— Я отведу тебя к нему, лекарь, — решил он наконец. — Но только ты знай: я все время буду стоять рядом!.. Я нипочем не оставлю тебя с ним наедине, так что... в общем, учти. Пошли, Конан, если хочешь!

Совершив таким образом весьма тягостный выбор, Кейлаш повел их во внутренние чертоги. Несчастный Эльдран выглядел так, что краше в гроб кладут. Три дня мучений тяжко дались бритунийскому королю. Бескровное лицо страшно осунулось, глаза провалились. Он спал, но глаза были открыты, и в них застыло выражение ужаса и отвращения. Казалось, временами он пытается что-то сказать, но изо рта вырывался лишь сухой хрип. Пальцы короля конвульсивно подергивались...

Даже Кейлаша, с самого начала наблюдавшего медленное угасание Эльдрана, заново охватил

ужас. Что до Конана, то он явственно ощутил близкое присутствие смерти и весьма усомнился, что даже Мадезус сумеет тут чем-то помочь. Тишина в комнате сделалась воистину похоронной: каждый из троих на свой лад думал примерно об одном и том же...

Мадезус, в отличие от двоих воителей, не дрогнул и не смущился при виде больного. Крепко сжав в руке амулет, он прошептал молитву и коснулся другой рукой лба короля. Раздался резкий треск, и в воздухе между лбом Эльдрана и ладонью жреца проскочила темно-синяя искра. Кейлаш выругался и схватился за меч, но Конан удержал его руку. Мадезус же вскрикнул от боли и отдернул руку так, словно по нечаянности сунул ее в корзинку с ядовитыми змеями.

— Да оградит нас Митра!.. — вырвалось у него. — Я чувствую присутствие зла, готового унести душу этого человека из его тела!.. Мутари восстала из бездн, чтобы сеять среди живущих смерть и отчаяние!.. Крепка ее хватка, но, волею Митры, я вырву из ее когтей вашего короля!.. Оставь свой меч, горец, и ни о чем не беспокойся. Я служу Свету, а не Тьме. Смотри и внимай!..

Кейлаш и Конан благоговейно следили за тем, как он снял с шеи свой амулет и высоко поднял его над головой. Хлынул слепящий белый свет и наполнил всю комнату яростным, жизнеутверждающим сиянием. Два воина потрясенно

подались назад: глаза и одеяния Мадезуса также начали источать свет! Вынести нечеловеческий блеск было невозможно. Кейлаш прикрыл лицо ладонью, а Конан сощурился.

— Я — член тайного древнего Ордена! — зазвучал голос жреца. — Я — один из наследников Ксуюквелоса, величайшего среди пророков Митры, когда-либо являвшихся этому миру! Ксуюквелос не был жрецом, и меня не называют жрецом. Мы — Орден Хранителей! Тысячи лет наш Орден несет бессонную вахту, не ожидая от людей ни славы, ни даже простой благодарности. Мы избавляем этот мир от Зла, с древних времен таящегося в забытых уголках и мерзостных норах! Наш Орден противостоит Злу, от одного вида которого душа человеческая обращается в лед, а сердце перестает биться навеки! Мой Учитель совершил волю Митры над этим Злом, и я следую по его стопам. Сам Небесный Отец избрал меня для этого поединка. И я не буду знать отдыха, пока жрица мутари не будет уничтожена навсегда!

Голос Мадезуса становился все мощнее и громче. Последние слова прозвучали с силой громового раската. Вот он договорил, и напряжение покинуло его тело, плечи расслабились. Свет снова стал переносимым для глаз. Мадезус вновь поднес руку ко лбу распластертого короля... Ударил синий разряд, но на этот раз Мадезус руки не отдернул. Наоборот — он поймал искру ладонью и с силой стиснул кулак.

Его сжатый кулак скоро засветился багрянцем, как раскаленное железо в кузнечном горне. Что-то громко затрецало, из кулака Мадезуса повалил дым. Потом багровое свечение стало угасать. Целитель раскрыл ладонь, и сделалось видно, что искра исчезла. Белый жрец в третий раз протянул руку ко лбу больного... Сопротивления больше не было. Он закрыл глаза и медленно, напевным голосом стал читать молитву. Конан так и не смог узнать языка, — а ведь он немало путешествовал по разным краям и каких только наречий не нахватался. Он внимательно наблюдал за Мадезусом, и по спине у него гулял холодок. Конан ничего не мог с собой поделать — при встречах со сверхъестественным ему всегда становилось не по себе. И насколько он мог судить, молчаливо стоявший Кейлаш также испытывал нечто подобное.

Спустя несколько мгновений Мадезус повернулся к воинам.

— Сиюминутной угрозы больше нет, но до полного выздоровления и безопасности еще далеко, — проговорил он. — Я изгнал демона, терзавшего короля изнутри. Силы постепенно вернутся к нему, быть может, он даже очнется. Боюсь, однако, облегчение окажется временным, ибо вскоре другой демон явится довершить начатое. А я, к сожалению, мало на что гожусь после обряда изгнания, который только что совершил... я решусь повторить его, самое раннее, завтра.

— А что это еще за «мутари»? — поинтересовался Кейлаш. Его глаза мстительно сверкали: — Я против нее тысячу воинов брошу! Во имя Митры и Викканы, — я никому спуску не дам, пока мы на куски ее не изрубим! Скажи только, где ее отыскать, и мы...

— Тысяча воинов тут не поможет, — устало ответил Мадезус. — У мутари нет настоящей плоти, и я слышал, что они не кровоточат. Наша Врагиня — Врагиня вашего короля — жрица, и ее способности намного превосходят обычные человеческие. Вот, пожалуй, и все, что я знаю о ней. Где она затаилась — в точности мне пока неизвестно. Покамест я гоняюсь за тенями, но, уверяю тебя, я ее отыщу...

В голосе митраита звучала железная решимость.

— Но ведь Вальтреско мертв, — заметил Конан. — С какой бы стати ей продолжать выполнять уговор?

— Таким, как она, не нужна особая причина для того, чтобы убить, — ответил Мадезус. — К тому же погубление короля и не потребует от нее дальнейших усилий. Сотканное ею заклятие Смерти — очень древнее и очень могущественное. Я сумел почувствовать его присутствие здесь, ибо в нашем Ордене знают о подобных заклятиях. Мутари договорилась с одним из архидемонов, заплатив ему душой смертного — скорее всего, кровного родственника короля...

Глаза Кейлаша сузились, горец вдруг резко побледнел.

— Принцесса!.. — ахнул он. — Как раз перед тем, как королю заболеть, стража обнаружила ее тело!.. Изуродованное!..

— Вот этого-то я и боялся, — онустил голову жрец. — Значит, архидемон будет посыпать бесплотных слуг Тьмы терзать дух короля. Кровь принцессы распахнула врата и проложила связь между силами Бездны и королем. Теперь закрыть эти врата можно, только уничтожив жрицу мутари. Только тогда распадется ее договор с архидемоном...

— Ну так как же убить эту тварь? — взорвался Кейлаш. — Говори толком! Она что, вовсе неуязвима? Если ей, как ты утверждаешь, и тысяча мечей нипочем?

— Не отчайвайся, горец. Жрица мутари противостоит Митре, Чье могущество столь же безбрежно, как и небеса над нашими головами. Его соизволением мой амулет совершил то, что не под силу и десяти тысячам воинов. Когда-то было много священных предметов, каждый из которых способен был принести гибель мутари. Увы, большинство из них затерялось, но некоторые наш Орден хранит по-прежнему бережно. Утром я разыщу нашу Врагиню, но один предстать перед нею я, увы, не смогу. Мне понадобятся ваши мечи и ваше мужество, друзья мои. Иначе мне не выиграть этой битвы. Пока при мне амулет, не в ее власти причинить мне

какое-то зло. Но у нее наверняка есть прислужники из плоти и крови, от которых амулет не сможет меня защитить. Одним из таких прислужников был изменник Вальтреско... Как знать, сколько их еще у нее? Я не смею надеяться, что искоренение черной жрицы обойдется без дальнейшего кровопролития... Я только молюсь, чтобы эта кровь не оказалась нашей собственной!

— Я с тобой, жрец, — мрачно проговорил Конан. — Меня обязывает к этому клятва, которую я дал Сальворасу. Пока королю грозит опасность, я буду с тобой. И горе тому неразумному, кто дерзнет встать у меня на пути!

— И я пойду, — торжественно сказал Кейлаш. — Сколько раз Эльдран спасал мою жизнь! Это мой друг! И мой властелин! Настал мой час отплатить ему за добро! Не пройдет и часа, как тысяча отборных воинов...

— Нет, Кейлаш, — покачал головой Мадезус. — Твои воины, бесспорно, искусны, но в таком количестве они нам лишь помешают. Ведь для того, чтобы одержать победу наверняка, всего лучше было бы застать жрицу врасплох, а приближение целого войска она тотчас же заметит. Мутари чувствуют тоны и на большем расстоянии, нежели обычные люди... Лишь мы трое знаем о ее существовании, и мы должны сохранить эту тайну. Никому не говорите о жрице. Как бы ни были вы уверены в надежности собеседника — никому!

— Ну добро! Тroe так трoe! А как ты собираешься отыскивать логово этого посрамления женского рода?

Глаза Кейлаша так и горели жаждой отмщения.

— До завтра, — сказал Мадезус, — мы все равно ничего сделать не сможем. Так что займись приготовлениями, которые считаешь необходимыми. Что же до тебя, Конан... Я должен употребить остаток энергии для лечения твоих ран, а потом скажу в храм за своими вещами. Нам всем необходим отдых, прежде чем мы возьмемся за дело. То, с чем нам предстоит бороться, таково, что от нас потребуется вся до капли выносливость тела, вся сила разума!..

Конан начал было возражать, но жрец попросту отказался идти за вещами, пока не посмотрит хотя бы самые серьезные из полученных им ранений. Варвар с недовольным видом присел на край возвышения, где стояло королевское ложе, и целитель приступил к своим обязанностям. В какой-то момент глаза киммерийца закрылись, он стал клевать носом, и наконец голова его поникла на грудь. Он заснул.

— Не трогай его, пускай спит, — шепнул Мадезус Кейлашу. — Он сам проснется, когда его тело должным образом отдохнет. Я лишь чуть подтолкнул процесс исцеления, привел в действие удивительные силы самоврачевания, которыми он располагает. Есть ли вообще на его родине

лекари?.. Думается мне, в Киммерии они не особенно-то и нужны...

Они вместе вышли из королевских покоев.

— Скоро я вернусь из храма и посплю здесь, во внешней комнате, — сказал жрец. — Впускай сюда только тех, кому полностью доверяешь, а во внутренние покои — вообще ни единой души! И будем надеяться, что, волею милосердного Митры, завтра к вечеру уже не о чем будет волноваться!

— Волею Митры, да будет так! — согласился Кейлаш. — Может, мне послать кого с тобой? Пускай бы проводили тебя в храм и назад, а?

— Спасибо, — отказался Мадезус. — Здесь рядом, да и вещей у меня совсем немного. Не пройдет и часа, как я возвращусь.

Он миновал обитые медью двери и вышел, не добавив более ни слова. Любопытные горцы проводили его взглядами, потом вопросительно посмотрели на своего предводителя. Кейлаш только молча покачал головой. Усевшись на деревянную скамеечку, он вытащил из ножен меч и принялся тщательнейшим образом осматривать лезвие. Потом вытащил из видавшей виды дорожной кожаной сумки, лежавшей рядом с ним на скамейке, тоцило. И взялся за работу.

Кейлаш всегда садился ухаживать за мечом, когда ему требовалось над чем-нибудь крепко поразмыслить. Сейчас же пищи для размышлений у него было более чем достаточно.

Значит, Вальтреско оказался изменником!.. А король так ему доверял!..

Хитросплетения бритунийской политики оставались для Кейлаша темным лесом. Он родился в северо-восточных горах и вырос среди горных племен. То есть в точности как и сам король. Кейлаш привык разрешать свои затруднения без особенной зауми и уж подавно без интриг; политика сроду казалась ему развлечением для слабаков и обманщиков, не способных действовать по-мужски. Пример Эльдрана по-немногу убеждал его в обратном. Ну да Эльдран всегда был умнее его, и Кейлаш охотно это признавал.

И все-таки в том, что касалось обманщиков и слабаков, могучий кезанкиец оказался не так уж и не прав. Что как не политические выверты некоторых вельмож привели несчастную девочку к гибели, а короля — на смертное ложе! Гнойный нарыв, порожденный завистью Вальтреско к королю, — сколько времени он зрел, пока Конан с Мадезусом не выпустили ядовитую гниль? А что, если здесь, по коридорам дворца, вовсю шастают на свободе еще какие-то изменники, только ждущие шанса нанести смертельный удар?.. От этой мысли Кейлаш попросту похолодел. Но потом сказал себе, что вряд ли это возможно. Основной корпус дворцовой стражи был беззаветно предан Эльдрану, — такое влияние имел король на людей. Все, кроме некоторых выродков, любили его, и он,

несомненно, это заслужил! Когда еще бывало, чтобы бритунийский король столь успешно примирил между собой раздираемые усобицами княжества да еще сдерживал жадных соседей вроде Немедии с Коринфиеей, готовых чуть что оттяпать себе кусок?..

То есть были, конечно, в Бритунии и такие, кому воцарение Эльдрана пришлось не по ноздре. Некоторые знатные фамилии с юга страны, сами когда-то порождавшие королей, отказывались признавать власть Эльдрана, но, правда, войной идти не пытались. Иные из них во все-услышание объясняли свое неповинование тем, что Эльдран-де происходил не из королевского рода. Наверное, у Вальтреско были сторонники из числа этих семейств... Кейлаш содрогнулся, осознав: умри сегодня король, и гнусный заговор полководца, пожалуй, навсегда остался бы нераскрытым. Вальтреско — король!.. А ведь если бы не Мадезус с Конаном, все так бы и случилось!

Кейлаш задумался о киммерийском богатыре и о его более чем странном приятеле — могущественном жреце Митры, заявившем при этом, что он, мол, вроде как и жрец-то ненастоящий!..

Кейлаш был предостаточно наслышан о киммерийцах, варварах с далекого морозного севера. Легендарный штурм аквилонской крепости Венариум, предпринятый киммерийцами, был худшим кошмаром для всех солдат любой цивили-

ованной страны. А ведь этот самый Конан за-
просто мог оказаться участником того штурма!..
Кейлаш всегда представлял себе киммерийцев
бледнокожими, темноволосыми, мрачными зве-
роподобными великанами. Конан, при всей его
физической мощи, под такое описание, конечно
же, не подходил. Хотя и здоров же был драться,
ох и здоров!.. То-то прибавилось за последние
несколько дней на городском кладбище могил
стражников, имевших глупость заступить ему
путь!.. Кейлаш весьма сомневался, что даже сре-
ди его отборных бойцов найдется равный кимме-
рийцу — хоть на мечах, хоть на ножах, хоть на
копьях. А сам Кейлаш уже вовсю предвкушал,
как станет сражаться плечом к плечу со столь
великим воителем!

Итак, Конан был человеком вполне понятным
Кейлашу. И очень симпатичным ему. С Мадезу-
сом все обстояло гораздо сложней и туманней.
Любой уважающий себя горец знал тьму легенд
о магах, жрецах, заколдованных амулетах и
тому подобном. Кейлаш, как весь его народ, был
веселья суеверен. Сколько вечеров, начиная с
самого детства, провел он возле костров, слушая
рассказы седобородых старцев о ворожбе, закли-
наниях и чудесных превращениях! Поначалу он
считал эти рассказы детскими страшилками,
позже, с возрастом, убедился: зерно истины в
них все-таки было. Но чтобы самому, своими
глазами, увидеть, как пускают в ход подобную
мощь!..

Волшебные и жреческие искусства всегда оставались за пределами его понимания, а его с младенчества приучали: чего не знаешь и не понимаешь, тому не верь! Он и не верил. Даже этот Мадезус, добрый вроде бы парень, вгонял его в дрожь.

Оставалось утешаться лишь тем, что королю после посещения молодого целителя и впрямь полегчало. Остальные, сколько их ни было, ничего не могли поделать. Этот смог. И все равно Кейлаш не мог заставить себя относиться к Мадезусу с полным доверием. Тот, кажется, больше рвался истребить свою жрицу мутари, чем спасти жизнь королю. Ну да ладно! В конце концов, и он и Кейлаш преследовали одну цель. Кейлаш станет помогать ему. И помогать усердно.

Еще он спрашивал себя, что, интересно, думали эти двое о нем самом. Кейлаш знал: для стороннего наблюдателя он был всего лишь туповатым воинственным горцем, не более. В былье времена такая оценка его способностей стоила жизни не одному врагу. Как говорил его батюшка — держи раскрытыми глаза и уши, а не рот, проживешь дольше...

...Его размышления прервал деликатный стук в дверь. Он положил точило назад в сумку и поднялся, а друзья-горцы подошли к двери. Нежужели это Мадезус так скоро вернулся? Но нет. На пороге стоял главный евнух, Ламици. Как всегда, тихий и вежливый, как всегда, в шелковых одеяниях.

— Прости за неожиданное вторжение, Кейлаш, — сказал Ламици негромко. Голос у евнуха слегка дрожал, да и сам он выглядел несколько помятым, словно только-только с постели. — Что это такое рассказали мне стражники? — спросил он, волнуясь. — Они говорят, Вальтреско убит, но прежде был изобличен как изменник! Возможно ли, что это действительно так?..

— Это правда, — рассеянно ответил Кейлаш. — Его убил Конан, после того как сам этот негодяй предательски убил Сальвораса. Варвар и жрец Мадезус помогли раскрыть заговор.

— Ужас, ужас!.. Стариннейший друг короля!.. И пойти на измену короне!.. — Ламици изо всех сил изображал благородное негодование, а про себя гадал, не возникло ли каких подозрений относительно него самого. — Говорил ли кто с Вальтреско прежде, чем он был убит?

— Только варвар. А жрец утверждает, будто Вальтреско — всего лишь пешка в руках какого-то там могущественного и древнего зла. Он это знаешь сколько раз повторил? Все твердил про «жрицу мутари», — чтобы я знал, кто это такая! Мадезус говорит, ей для чего-то понадобилось наложить на короля заклятие Смерти. Может, и не врет митраит... Если б не он, король бы, наверное, помер уже!

Слушая Кейлаша, Ламици с величайшим облегчением убедился, что о его роли в заговоре никто пока не прознал. Но и то, что они каким-то образом пронюхали об Азоре, до крайности

насторожило его. Простой жрец Митры!.. Как такое могло быть?.. Азора обещала ему, что, как только заклинание будет довершено, короля не спасет ни один жрец... Ну да ладно, не о том теперь волноваться! Вальтреско погиб, и надежды Ламици на восстановление славы бритунийского трона рухнули безвозвратно. О, они ему за это заплатят! Варвар, сущий нос не в свое дело, — и жрец! Азора раздавит их, как клопов!.. Он, Ламици, должен как можно скорее сообщить ей тревожные новости. Однако прежде следовало выяснить, много ли стало известно Кейлашу. Благо горский недоумок, по-видимому, все еще ему доверял.

— Мутари? — спросил евнух. — Она жива, эта злобная наложница Мрака? Или тоже погибла?

— Жива, к сожалению, — ответил Кейлаш. — Жрец говорит, он пока еще не знает, где искать колдуны, но надеется вскоре выследить и уничтожить ее. А он силен, Ламици! Куда могущественней всех, которых я когда-либо видел! У него на груди амулет, и с его помощью он такими силами повелевает, что только держись! Мы с Конаном скоро отправимся вместе с ним, чтобы отыскать жрицу и уничтожить ее. Как я понимаю, они с Мадезусом — старинные недруги...

— А раньше они встречались? Откуда он знает о ней? — начиная не на шутку волноваться, спросил евнух. Да, если вовремя не убрать

жреца, его, Ламици, тесное сотрудничество с Азорой могло, чего доброго, в самом деле выплыть наружу!..

— Насчет прежних встреч он ничего не говорил, сказал только: чует, мол, она где-то неподалеку. Знаешь, Ламици, есть в нем что-то этакое... Непростое! Он как-то там чувствует ее присутствие, а как — объяснять не желает. Еще он говорит, мы с Конаном должны помочь ему в борьбе против этой потаскухи мутари. Не знаю уж, на что мы ему нужны, но лично я пойду с ним обязательно! Я ему во как обязан!..

— Как и все мы, впрочем, — улыбнулся Ламици. — С твоего позволения, м-м-м... тут стражники уже задаются вопросом, кто теперь заменит Вальтреско в качестве полководца. Прошу прощения за смелость, но мне кажется — никто так не подходит на эту должность и не любим народом больше, как ты, Кейлаш!

Кейлаш призадумался: эта мысль ему в голову не приходила. Он никогда не пытался воображать себя полководцем. Однако теперь... в самом деле... Сальворас погиб, а другие капитаны пребывали далеко от дворца, так что... Прямых «наследников» Вальтреско и в самом деле не было. До сих пор Кейлаш был занят только заботами о жизни своего короля, а теперь злился на себя за несообразительность. Эльдран, между прочим, всегда внушал ему, что безопасность подданных короны была намного важнее безопасности самого короля.

— Король скоро поправится и сам назначит нового полководца, — сказал он, поразмыслив. — А я дал слово жрецу и должен сдержать его, прежде чем займусь чем-то другим!

— Конечно, конечно, — кивнул Ламици. — Ты прав. Я отдаю необходимые распоряжения, чтобы прибрали тело Вальтреско и должным образом вычистили подвал. Когда вы отправляетесь?

— Через час, не позже, — ответил Кейлаш. — Как только жрец вернется из своего храма. Только вот что, Ламици! Смотри не болтай никому! А то сам знаешь, как это бывает! Не в те уши полсловечка влетит, и еще какой-нибудь изменник дознается...

— Пять поколений моего рода давали евнухов для службы королевскому Дому, — с достоинством ответил Ламици. — Твоя тайна в надежных руках. Да благословят вас боги, Кейлаш!

И, раскланявшись с горцем, он удалился, чтобы как можно быстрее вернуться в свои покои. Закрывшись у себя, он извлёк из тайника кинжал с тонким, как игла, острием. Вдоль его лезвия, по всей длине, тянулась узкая прорезь. Евнух со всеми мыслями предосторожностями открыл небольшую баночку и взял кисть, лежавшую рядом с ней. Запах, исходивший из баночки, заставил его сморщиться и отвернуться. Обмакнув кисть, он провел ею по всей длине прорези, заполняя углубление лип-

кой оранжевой жидкостью. Вновь плотно закупорил баночку и вместе с кистью спрятал ее в тайник.

Потом он закатал правый рукав: к предплечью, с нижней стороны, были пристегнуты ножны. Пока евнух осторожно вкладывал кинжал в эти ножны, на его лысой голове обильно высыпал пот. Ему приходилось своими глазами наблюдать, что делала с человеком самомалейшая капелька оранжевого снадобья — даже когда попадала она не в рану, а просто на кожу. Баночку он унаследовал от наемного убийцы родом из Вендии, схваченного при попытке покушения на короля. Тот человек, отрекомендовавшийся вендиjsким негоциантом, был на самом деле нанят недовольной знатью Британии. Убийце удалось пронести с собой во дворец крохотную стрелку, намазанную этой самой отравой, и, улучив момент, метнуть ее в короля. Нечаянный порыв ветра, ворвавшийся в раскрытое окно, отклонил полет стрелки. Она не попала в Эльдрана, лишь чиркнула по руке одного из его горцев. Стрелка даже не порвала кожи, но воин схватился за руку и упал на пол, воя от боли и корчась в страшных конвульсиях. Скоро изо рта у него пошла пена, и он умер. А единственной отметиной на теле была тоненькая, почти незаметная царапина, оставленная стрелкой убийцы!

От этого воспоминания по губам Ламици замерлась улыбка. Именно такая смерть, по его

мнению, более всего подходила настырному жрецу, посмеившему разрушить его тщательно взлелеянный план. Мадезус умрет, как тот горец, — истекая пеной, подобно бешеному псу!..

До конца вдвинув кинжал в ножны, евнух опустил рукав и набросил на плечи широкий плащ с капюшоном. И вышел наружу, в редеющий предутренний мрак...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТЕНЬ И КАМЕНЬ

К тому времени когда Мадезус добрался до храма, успело взойти солнце. Теплые лучи позолотили матовые стены цвета слоновой кости, и Мадезус, поднимавшийся по ступенькам ко входу, остановился на полпути. Яркий свет Солнца Митры словно подстегнул его память. Он неожиданно вспомнил, где находилось то странное здание, которое он видел во сне. То самое, которое с помощью волшебного Зерцала показывал ему Калетос!

В Пайрогии было полным-полно старинных построек, но наиболее древние располагались чуть западнее дворца. Сколько раз он проходил мимо них с тех пор, как пришел в этот город! Минувшие века превратили некоторые здания в бесформенные руины. Другие, напротив, успешно противостояли течению времени. Мадезус был уверен: *то* сооружение представляло собой храм. Вот только каким богам он был посвящен? Древние изображения на стенах не давали ответа. Мадезус их попросту не узнавал.

И во сне, и в Зерцале эти рельефы были показаны ему в мельчайших подробностях, причем выглядели только что изваянными. В реальности,

конечно, время сравняло их со стенами — остались в лучшем случае сглаженные следы. Быть может, он видел храм таким, каким тот был много веков назад?.. Всякое случается, когда прибегаешь к магическому ясновидению. Как же вышло, что он сразу не ощутил Зла, исходившего от этих резных изображений, не заметил Зла, таившегося внутри запущенного здания?.. Что, если именно там пряталась жрица мутари, устроившая себе логово в полуразвалившемся храме?..

Мадезус заторопился вверх по ступенькам. Теперь он точно знал: лишнего времени у них нет ни мгновения. Сокрушительный удар следовало нанести именно сейчас. Днем, при солнечном свете, силы жрицы мутари были не так беспредельны. Даже под защитой толстых каменных стен.

Небо было ясным, и Мадезус истолковал это как знамение. Митра, справедливое Солнце, пребывает с ним.

С каждым шагом обретая все большую уверенность в победном исходе предстоявшего ему единоборства, молодой жрец вошел в храм и забрал свое имущество. Ему очень хотелось разыскать Калетоса и переговорить с ним еще раз, но даже и на это у него не было времени. Следовало немедленно вернуться во дворец, где ждали его Конан и Кейлаш. Он оставил в комнате несколько серебряных монет для храмовой сокровищницы и торопливо покинул убогое помещение.

Когда он шел назад, улицы Пайрогии уже кищели народом: горожане с утра пораньше спешили каждый по своему делу. Новости об улучшении состояния короля успели распространиться; Мадезус с радостью замечал повсюду ликующие улыбки. Бритунийцы любили своего короля и радовались его выздоровлению. На свое счастье, они знать не знали о чудовище, затаившемся совсем рядом с ними. А ведь мутари смело можно было сравнить со свирепой волчицей, забравшейся в овчарню и готовой растерзать беспомощных ягнят!..

Жрец энергично проталкивался сквозь толпу и вскоре оказался перед дворцовыми воротами.

Стражники немедленно узнали его и с поклонами пропустили внутрь. Еще несколько минут — и он вошел во внешние покои Эльдрана, где его ждал Кейлаш. Конан, как оказалось, только что проснулся. Он еще чувствовал свои синяки, но силы в полной мере вернулись к нему. Его одежда, однако, пришла в полную негодность, и он позаимствовал наряд у одного из кезанкийцев, который сложением напоминал его самого. Теперь он был одет в темно-зеленые штаны из крепкой материи и куртку с длинными рукавами, зашнурованную на груди кожаным ремешком. При нем вновь был его широкий прямой меч западного образца, и он, как прежде, без ножен подвесил его к кожаному ремню. Под курткой у него была надета все та же кожаная безрукавка, а на ногах красовались толстые сандалии.

Вот такая странная смесь Запада и Востока. Только глаза и фигура позволяли безошибочно определить в нем варвара с далекого Запада.

Кейлаш радостно приветствовал Мадезуса и сейчас же взвалил на плечо свою черную кожаную дорожную сумку. Он был одет почти как Конан, только на бедре висел изогнутый меч, на ногах были тяжелые черные сапоги, а на голове — надежный железный шлем.

— Воистину, Митра с нами, — сказал жрец. Он совсем не спал ночью, и это внушало ему некоторые опасения за исход дела. С другой стороны, он странным образом совсем не чувствовал усталости. — Сегодня на рассвете, когда всходило солнце, я со всей ясностью понял, где находится логово мутари, — сообщил он своим спутникам. — Теперь я совершенно уверен: это в старой части города, в одном из заброшенных храмов!

— В руинах? — не поверил Кейлаш. — Да ведь там целый патруль постоянно торчит! И как раз за тем смотрит, чтобы никто не лазил по старым домам! Да туда особо никто и не суется, кроме совсем уж отчаянных сорвиголов. Народ у нас суеверный, а про развалины эти чего только не плетут! И проклятые они, и призраки, мол, по ним туда-сюда шастают! Сколько времени минуло, целый город вокруг вырос, а кто там жил — никто толком так и не знает. Говорят, раньше туда лазили какие-то смельчаки да нехорошей смертью все умирали...

Мадезус только кивнул: слова Кейлаша несколько не удивили его.

— Это идеальное место для мутари, — сказал он горцу. — А что касается стражи... Стража скорее заметит слабенький ветерок, чем мутари, идущую мимо. Никто не умеет прятаться и отводить глаза так, как они... Ты мог бы разминуться с черной жрицей на людной улице и ничего не заподозрить. Известно ли тебе, Кейлаш, еще что-нибудь об этих домах?

Могучий горец отрицательно помотал головой:

— Нет. Они — тайна за семью печатями даже для самых длиннобородых наших книжников. Ох, чует мое сердце, доведется нам нынче узнать про них куда больше, чем мне бы хотелось!..

— Ну так пошли, нечего языками чесать, — деловито перебил Конан. — Я хочу исполнить то, что обещал Сальворасу, не дожидаясь, пока у меня отрастет борода, как у тех твоих мудрецов!

Решительно прошагав к обитым медью дверям, он распахнул их без большого усилия. Кейлаш гулко расхохотался и направился следом, и с ним Мадезус.

Жрец повел их прямо к руинам, занимавшим почти самый центр города. Невысокая стена, окружавшая древние здания, местами обрушилась. В том числе и со стороны боковой улицы, на которую они заглянули. Даже при ярком утреннем свете развалины представляли собой

мрачноватое и зловещее зрелище. Улицу пересекали тени нескольких высоких построек, еще не тронутых временем. У их подножия пряталась от лучей Митры здания пониже. Некоторых из них солнце за целый день не могло коснуться вообще. Архитектура же древних домов сведущего человека поставила бы в тупик. Ясно было только, что зодчество определенно не бритуйское!

И витало над всем этим местом нечто такое, от чего Конан невольно подобрался, готовясь к любым неожиданностям. Возможно, дело было в рассказе Кейлаша о призраках и проклятиях, якобы довлевших над развалинами. Врожденный инстинкт неизменно подсказывал варвару держаться подальше от сверхъестественного. Он сам не заметил, как вытащил меч. Кейлаш незамедлительно последовал его примеру. Только Мадезус оставался совершенно спокоен. По-видимому, его не беспокоили ни тени, ни отзвуки старинных проклятий.

Бдительный патруль вскоре обнаружил их и подошел спросить, что происходит, но Кейлаш отоспал служивых прочь. Стих вдали топот солдатских сапог, и на улице стало совсем тихо. Неприятно тихо.

Извилистая улица огибала руины. Троим мужчинам понадобилось около четверти часа, чтобы пройти ее из конца в конец. Наконец Мадезус попросил своих спутников остановиться и присмотрелся к одному из строений.

Оно располагалось шагах в шестидесяти от стены, как раз напротив большой трещины в ней. Рядом высилась здоровенная башня с полуобрушенной верхушкой. Она почти полностью прикрывала старый храм от солнечного света. С улицы можно было рассмотреть только угол здания. Очертания вросшей в землю каменной кладки говорили о невероятной древности здания. О таких в самом деле не памятают и самые почтенные мудрецы. Побитые непогодами серые стены, казалось, не таили ни малейшей угрозы, а от рельефов и впрямь осталось немногое. Вот и поди пойми, какому богу здесь поклонялись паломники.

Мадезус внимательно осмотрел здание сквозь щель, потом уверенно указал на него Конану с Кейлашем. Киммериец первым пролез в трещину. Низкая стена едва доходила ему до плеч. Он зорко обежал взглядом близлежащие дома, но ничего угрожающего не заметил. Конан помахал спутникам, и скоро те присоединились к нему.

Жрец едва слышно обратился к воителям:

— Друзья мои, если вам нужно будет что-то сказать, лучше шепчите. Когда мы войдем, я двинусь первым. Если мы найдем жрицу, заклинаю вас, не смотрите ей в глаза. Ее взгляд таит в себе страшное искушение: поддаться ему — верная смерть. Она безжалостна, как ядовитая гадюка. Я постараюсь насколько возможно защитить вас с помощью амулета...

Конан кивнул и спросил:

— Как же ты собираешься ее прикончить?

— Все дело в амулете, — по-прежнему чуть слышно ответил Мадезус. — Помните его свет? Так вот, это был всего лишь слабенький отблеск. Настоящий же Свет рассеет мутари, как утреннее солнце рассеивает тлетворный туман. Ваши мечи могут рассечь ее плоть, но в ней нет ни истинной жизни, ни крови, способной пролиться. В книгах сказано, что сталь может поразить лишь мутари, в жилах которого течет настоящая кровь. Я не знаю, как это истолковать. Насколько мне известно, мутари по самой природе своей живой кровью не обладают... А вот от света у нее нет иного спасения, кроме как в бегстве. Если она попытается ускользнуть, остановите ее. Это возможно, хотя она способна ранить вас и даже убить. Меня она коснуться не сможет: амулет не подпустит ее. Вот почему я должен идти впереди. Если мы загоним ее в угол, ей конец. Мы не должны оставить ей ни малейшей лазейки!..

Кейлаш зло скрипнул зубами и выругался вполголоса:

— Да повылезило б им, тварям поганым!.. По мне, лучше уж с голыми руками на туранскую орду, чем вот так лезть в логово этой львицы, заранее зная, что все равно ничего с ней поделать не можешь...

Конан кивнул и пробурчал что-то, соглашаясь. Кто-кто, а он хорошо понимал, как чувствовал себя горец.

Мадезус и двое воителей пошли по еле видимой дорожке и остановились перед массивной каменной дверью. Конан на всякий случай обошел храм кругом. И убедился, что у него было не четыре стены, как казалось с улицы, а пять, притом все разной длины. А вот вход — всего один, и к нему вело пять широких низких ступеней. При ближайшем рассмотрении выяснилось, почему храм так долгоостоял относительно невредимым. И ступени, и стены были вытесаны из крепчайшего серого мрамора. Время и стихии лишь нарушили глянцевую полировку, но глубоких трещин и сколов в твердом камне виднелось совсем немного.

Конан указал на дверь, и Мадезус кивнул. Киммериец взошел по ступенькам и пригляделся к двери. Удивительное дело — никаких ручек не обнаружилось. Дверь была около десяти футов высотой — полтора его роста — и почти такой же ширины. Сам храм был невысок, крыша располагалась всего в нескольких футах над дверью. Может, оттуда удастся проникнуть внутрь?..

Кейлаш вместе с Конаном начал искать вход, а Мадезус остался оглядываться по сторонам. Даже здесь, на самом пороге храма, он не чувствовал присутствия Врагини, и это настораживало его. Он сосредоточился, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след Зла, но усилие не увенчалось успехом. Он уже задумался, не ошибся ли он в выборе здания. Или, как предупреждал

мудрый Калетос, Зерцало и сны направили его по ложному следу?.. «*Нет*, — сказал он себе и отмел все сомнения прочь.— Я правильно определил место. Я не мог ошибиться. Просто она воспользовалась каким-то позабытым искусством и сделала этот камень непроницаемым для моего духовного зрения».

Несколько минул прошло в усердных поисках входа, но воители так ничего и не обнаружили. Конан хотел уже предложить как следует навалиться на дверь и попробовать ее высадить... но в это время из-под верхней ступени, слева от двери, раздался звонкий щелчок. Потом послышался негромкий скрежет, и каменная дверь начала отползать вправо. Конан различил в полу узкое углубление, по которому она скользила. А с той стороны двери торчала массивная бронзовая рукоять.

Кейлаш мгновенно отскочил прочь, прижимаясь к стене и держа меч наготове. Конан поступил так же, только отпрыгнул в противоположную сторону. Мадезус сунул руку за пазуху, снял с шеи амулет и намотал на руку цепочку. Вот теперь он ощущал присутствие Врагини, отдаленное, но вполне явственное. Оно исходило из раскрытой двери, точно доносимый сквозняком запах трупного разложения.

Собрав в кулак всю свою волю, жрец взгляделся во тьму, царившую за порогом...

Солнечный свет, проникавший снаружи, позволял обозреть просторное внутреннее помеще-

ние. Напротив входа, там, где сходились две стены, виднелась странной формы каменная глыба; Мадезус сразу предположил, что это какой-то алтарь. Оттуда до самой входной двери, один ряд над другим, стояли необычного вида каменные скамьи. Очень высокие бронзовые спинки, вделанные прямо в сиденья, украшал ничего не говоривший глазу узор. Больше в чертоге не было ничего, если не считать рельефов по стенам.

Итак, сомнений не оставалось: перед ними в самом деле был древний храм. Мадезус попытался разобраться в изображениях на стенах, но света не хватало что-либо рассмотреть.

Тогда он набрал побольше воздуха в грудь и шагнул через порог. Конан и Кейлаш последовали за ним.

Конан до последнего силился разобраться, что же приводило в движение дверь. Ступенька, из-под которой раздался щелчок, казалась чуть вдавленной, как если бы кто-то на нее наступил, но киммериец был уверен, что ни он сам, ни Кейлаш были тут ни при чем. Стоя за спиной жреца и озираясь вокруг, он все еще размышлял об этой загадке.

Высокий потолок был чернее кожи кушита, а приземистые скамьи в полумраке казались живыми тварями из камня и бронзы, готовыми прыгнуть на всякого, кто окажется в их досягаемости. Киммериец поглядел на Кейлаша и увидел, что у того от волнения уже выступил на лбу

пот. Конана и самого предостерегал недреманный инстинкт: где-то здесь таилась опасность!

Пока трое мужчин оглядывали помещение, снаружи, из-под ступеньки донесся новый щелчок. Конан крутанулся к двери и с изумлением увидел, что она... начала закрываться. Варвар мгновенно вцепился в бронзовую спинку ближайшей скамьи и одним рывком отодрал ее от сиденья. Кейлаш тоже бросился к двери и свободной рукой схватился за рукоять. Он несколько опередил Конана и принялся тянуть изо всех сил, пытаясь остановить дверь, но это было не в человеческих силах. Тяжелая каменная плита лишь несколько замедлила свое движение.

Конан всунул бронзовую спинку между дверью и косяком. Древний металл застонал и начал гнуться, не выдерживая давления. Дверь еще замедлила ход, но просвет составлял всего несколько ладоней. Варвар уперся ногой в косяк и обхватил ладонями рукоять, пытаясь помочь Кейлашу, тянувшему дверь назад. И такова оказалась объединенная мощь их мускулов, что старинная бронза не выдержала. Ручка с громким треском оторвалась и осталась в руках у Кейлаша. Горец держал ее в кулаке и люто ругался.

Конан схватился прямо за край и сделал еще одну отчаянную попытку остановить дверь. Мышцы страшными узлами вздулись у него на плечах и спине. Кейлаш бросился на помощь, но все было тщетно. Дверь громко бухнула о косяк.

Мужчины прислонились к внутренней стене, тяжело переводя дух.

Мадезус только пожал плечами, глядя на смузенных богатырей. Казалось, его ничуть не волновало то обстоятельство, что они оказались запертыми в странном храме и никаких признаков выхода покамест не было видно.

— Приберегите лучше силы, — сурово и решительно посоветовал он воинам. — Может, мы и в ловушке, но и она попалась с нами вместе! Без сомнения, существует какая-то уловка, открывающая эту дверь. Мы отыщем ее, дай только время. Но сперва мы должны сделать то, зачем пришли. Я чувствую ее, значит, она где-то не подалеку. Здесь должен быть второй выход или какой-нибудь лаз. Ищите его!

— Я пойду вдоль этой стены, слышишь, Ке... — начал было Конан, но Мадезус перебил его на полуслове:

— Тихо! Не произносите наших имен! Стоит ей их услышать, и она обратит их против нас самих! Произнесенное имя устанавливает незримую связь и пробивает брешь в духовной броне, что защищает ваш разум от ее вероломных заклятий...

Кейлаш и Конан вопросительно уставились на жреца, но тому было некогда пояснять столь странное заявление. Вместо этого он произнес несколько слов на неведомом языке, и амулет в его руке вспыхнул ярким огнем, осветив зал. Конан двинулся вдоль одной стены, Кейлаш стал

обшаривать вторую. Ни тот ни другой ничего не обнаружили, и наконец воители встретились у алтаря. Мадезус тоже подошел туда по проходу между рядами скамей.

Он узнал его, оказавшись вблизи. Это был алтарь Таргола — темного и странного бога, породившего еще более странную секту. Насколько было известно Мадезусу, куль Таргола просуществовал всего около пятисот лет. Книги описывали Таргола как немилостивого и жестокого бога, многочного требовавшего от почитателей и мало что дававшего им взамен. Однако, как это ни странно, тарголитское жречество одно время представляло собой весьма влиятельную силу, — впрочем, далекую от сиюминутных политических дрязг. Мадезус невольно припомнил одно старинное сказание, повествовавшее о том, как в древнем городе Замбуле жрецы Йога попытались было изгнать вон тарголитов. Эти жрецы попросту бесследно исчезли один за другим, все до единого. Позже их скелеты в полном облачении нашли сваленными в кучу на дне глубокой пещеры...

Воспоминания о прочитанном в книгах на миг отвлекли Мадезуса, но почти сразу он вновь склонился над алтарем и смахнул тонкий слой пыли, не дававший рассмотреть едва различимые руны, выбитые на камне... Он так и не сумел их прочесть. Тяжелая дрема навалилась на него, нарушив сосредоточение. Амулет начал гаснуть в его руке. Он поискал слипающимися глазами

Конана и Кейлаша. Он хотел рассказать им про Таргола... Кейлаш стоял у алтаря, рядом с Мадезусом. Остекленевшие глаза смотрели в пустоту. Мадезус хотел подойти к горцу и встряхнуть его, но собственные ноги показались ему свинцовыми кирпичами. Жрец понял, что и его, и Кейлаша парализовало...

Конан только начал осматривать каменную глыбу, доходившую ему до пояса. Она была продолговатой и пятигранной, что вполне соответствовало устройству всего храма. Ему бросились в глаза дугообразные царапины на полу у подножия алтаря. Он собрался рассказать о них своим спутникам, но безмерная усталость волной накатила на него, погружая в сон. Киммериец зевнул и затряс головой, пытаясь отогнать дремоту. Не помогло. Он потер ладонями лицо и заметил, что в храме стало темней. Амулет Мадезуса угасал! Конан равнодушно отметил это про себя и подумал о том, как хорошо было бы привалиться к каменной глыбе и немного вздремнуть. Когда он в последний раз по-человечески спал?.. Несколько дней назад. Или недель... Он оперся на алтарь, меч выскользнул из руки...

Бритвенно-острое лезвие лязгнуло о камень алтаря и, падая, уязвило киммерийца в икру. По ноге потекла кровь, и разум Конана чудесным образом вмиг прояснился. Сердце бешено заколотилось в груди, когда он увидел Мадезуса и Кейлаша, бессильно скорчившихся у алтаря. Оба спали с открытыми, ничего не выражаящими

глазами. Амулет еще висел у Мадезуса на запястье, но не светился, а еле заметно тлел. Конан поднял меч, подхватил митраита и крепко встряхнул. Жрец и не думал просыпаться. Его губы шевельнулись, но не издали ни звука.

Мгновенно приняв решение, Конан поднес кончик меча к обнаженной руке Мадезуса и порезал тело до крови. Как только показались багровые капли, жрец немедленно очнулся, и его амулет вновь разгорелся ярким огнем. Поняв, что действует правильно, киммериец подошел к Кейлашу, завернул ему рукав и до крови пронзил плечо. Кейлаш, так и не выпустивший из рук меча, дернулся и замахнулся им на Конана. Тот проворно увернулся, да и горец, окончательно очнувшись, удержал свою руку.

— Во имя Викканы, что... — зарычал он, потом вспомнил совет жреца не упоминать имен. — Что это с нами стряслось?..

У Мадезуса от гнева на лице обозначились скулы.

— Это она! — сказал он. — Она забавляется с нами! О, да она еще хитрее и опаснее, чем я ожидал... — И митраит со смешком указал им на тонкий слой пыли, видимый на алтаре. Кое-где пыль была потревожена руками его спутников да и его собственными. Продолжая посмеиваться, Мадезус повернул руки ладонями вверх: — Посмотрите-ка на свои ладони!..

Конан и Кейлаш так и сделали и с удивлением заметили у себя на руках лиловые пятна.

— Пыльца пурпурного лотоса, — негромко пояснил жрец. — Всего щепотка, так, чтобы мы не заметили, но ее хватило, чтобы лишить нас сил и погрузить в дурманное забытье! Смотрите не прикасайтесь более к алтарю! Хотел бы я знать, какая судьба постигла бы нас, засни мы окончательно! Счастье, что мы не измазались как следует, не то не помогли бы и порезы мечом...

— Взгляните вот на это, — указал им Конан на царапины в полу.

Кейлаш пригляделся к отметинам:

— Алтарь, должно быть, поворачивается! Если толкнуть с другой стороны, он сдвинется туда, куда указывают царапины!

Мадезус наклонился поближе и посветил амулетом.

— А что ты не сделаешь его поярче, как тогда, в комнате у Эльдрана? — спросил Кейлаш.

— Я и так уже потратил сегодня достаточно энергии на исцеление, — ответил жрец. — Ты очень силен, но даже и ты не смог бы много часов подряд нести над головой мешок тяжелых камней. Вот и я не могу часами поддерживать свет амулета... Ага! Посмотри сюда, на нижний угол!

И Мадезус указал туда, где стоял Конан.

Киммериец пригляделся и заметил то же, что он. Нижний уголок алтаря был подозрительно чист, без каких-либо признаков пыли. Варвар

уже собрался налечь, но Кейлаш остановил соратника.

— Погоди! — сказал горец, засовывая меч за пояс и роясь в сумке. — Ага! Ну-ка, дай мне...

Он вытащил из сумки пару толстых кожаных перчаток и надел их на руки. Конан отступил в сторонку, а Кейлаш нагнулся и уперся в угол алтаря. Тяжеленная глыба отошла на удивление легко, лишь негромко заскрипел камень о камень. Под алтарем обнаружилась темная лестница. Крутые каменные ступени вели вниз.

Мадезус посветил амулетом. Кейлаш заглянул вниз, нагнув шею для лучшего обозрения.

— Насколько я вижу, — сказал он, — лестница ведет в... ух-х-х!

Снизу хлынула такая волна гнилостного смрада, что горец на какое-то время потерял способность дышать. Воняло с лестницы хуже, чем в летнюю жару на заваленном трупами побоище. Кейлаш шарахнулся прочь в поисках свежего воздуха.

Мадезус тоже ощутил мерзкую вонь, но, умея смотреть в глубь вещей, почувствовал не только запах, но и стоявшее за ним Зло. Его присутствие было настолько сильным, что, казалось, вот-вот должно было стать физически ощущимым!

— Она там, — сказал жрец. — Внизу.

Упрямый Кейлаш первым полез в дыру. Он был готов к любым неожиданностям и спускался медленно, ставя ноги на ступеньки плотно, всей ступней. Мадезус двинулся следом. Он держал

амулет над головой, освещая проход. Вот кезанкиец спустился по колено, вот по пояс, вот над уровнем пола остались только плечи и голова... В этот момент Конан услышал откуда-то из-под пола около алтаря едва слышный щелчок. Прежде чем он успел закричать, предупреждая товарища, из стены прохода вылетело блестящее металлическое лезвие и устремилось прямо к шее кезанкийца, чтобы смахнуть ему голову с плеч.

Кейлаша спасли воинские рефлексы, отточенные годами сражений, и толстый железный шлем. Горец моментально пригнулся, уходя вниз. Лезвие впилось в крепкий кованый шлем и сбило его с головы. Когда же механизм попытался вернуть лезвие в стену, застрявший шлем заклинил его, и оно со звоном сломалось. В шлеме так и остался торчать осколок длиной в фут. Кейлаш с ужасом посмотрел на него... В висках у горца стучало: он понял, что побывал на волосок от смерти. Он лупил шлемом о стену, пока не выбил обломок лезвия, потом снова надел шлем на голову.

— Митра разразил бы поганое место!.. — зарычал он. И это было еще далеко не самым цветистым проклятием из тех, которые он изрыгнул, прежде чем Мадезус и Конан уговорили его двигаться дальше.

У киммерийца не было никакого желания испытывать судьбу. Отодрав бронзовую спинку еще от одной скамьи, он как мог надежнее заклинил ею алтарь. Еще не хватало, чтобы

тяжелая глыба вернулась на место у них над головами, перегораживая проход! Мадезус спустился в дыру следом за Кейлашем, чтобы держать источник света посредине. Конан замыкал шествие. Дыхание у него перехватывало от едкого смрада.

Мадезус вынул из поясного кошеля маленькую коробочку и вытряс из нее немного какого-то порошка. Воздух чудесным образом очистился, киммериец почувствовал, как возвращается к нему бодрость. Казалось, облачко свежего воздуха так и путешествовало вместе с ними вниз по тоннелю. Винтовая лестница вела почти вертикально вглубь, чуть заметно загибаясь налево. Одно хорошо, потолок был высокий — даже Конану нагибаться не приходилось.

Но вот ступени кончились, и спутники оказались в очень странном на вид коридоре. Серый каменный пол был покрыт толстым кроваво-красным ковром, затканным невиданными узорами. По стенам висели черные железные факелы. Они не то чтобы горели — просто светились зеленоватым светом.

Когда Кейлаш достиг последней ступеньки, Мадезус велел остановиться.

— Факелы тарголитов, — пробормотал он, кивая на стены. — Многие пытались выведать тайну их изготовления, но секрет так и затерялся. Они не дают жара и не угасают столетиями. Не поразительно ли: сколько веков минуло, а они все еще горят!..

Кейлаш потыкал мечом ковер, ожидая очередной ловушки. На сей раз, однако, ничего не произошло. Горец облегченно вздохнул и ступил на ковер. Мадезус и Конан последовали за ним. Теперь первым пошел жрец, а воины — на расстоянии вытянутой руки сзади него. Пышный ковер скрадывал звук шагов. Они осторожно продвигались все дальше широким извилистым коридором...

Каменные стены были голыми, без каких-либо украшений, факелы горели по обе стороны, в двух-трех шагах один от другого. Мадезус все приглядывался к ковру, а потом наклонился и рассмотрел его вплотную. То, что он обнаружил, заставило его отшатнуться. Ковер был соткан из человеческих волос. Рыжих волос различных оттенков, — эти-то оттенки и образовывали узор.

Жрец не стал сообщать Конану и Кейлашу о своем малоприятном открытии. Незачем им лишний раз дергаться безо всякого толку.

Конан тем временем считал факелы на стене, пытаясь хоть так определить пройденное расстояние. Неестественный зеленоватый свет не нравился варвару, а путешествие по подземному коридору заставляло вспомнить сточные тоннели и недавнее сражение с их чудовищным обитателем. Киммериец все время озирался то вправо, то влево, то через плечо. Еще не хватало, чтобы какая-нибудь пакость подобралась к ним сзади! Тишина в коридоре казалась ему зловещей. Он понимал: ковер, делавший беззвучными

их шаги, точно так же скроет и вражеское приближение...

Кейлаш чувствовал себя еще хуже. В отличие от варвара, он к подобным переделкам отнюдь не привык. Он был лет на десять с лишком старше Конана, но видел меньше сражений, да и за пределами родной Бритунии почти не бывал. Теперь он почесывал шею и мысленно благодарили Митру за то, что тот ее уберег. Могучий кезанкиец завидовал внешней невозмутимости Конана. Решив взять с него пример, он напряг, как умел, волю, выпрямился и рукавом куртки утер с лица пот. В коридоре было вовсе не жарко. Тем не менее с кончика его носа почти сразу упала на ковер новая капля...

Конан досчитывал третий десяток факелов, когда Мадезус остановился безо всяких видимых причин и поднял руку, но не оглянулся. Киммериец ничего подозрительного не видел ни впереди, ни по сторонам и не мог взять в толк, почему замер на месте жрец.

— Да оградит Митра наши души от того Зла, что ждет нас впереди... — прошептал Мадезус. — За тем поворотом... — Он указал вперед, туда, где коридор круто сворачивал вправо. — За тем поворотом ее присутствие так сильно, что мороз, порожденный злобой чудовища, уже теперь пронизывает меня до мозга костей... Скорее всего она ощущила наше вторжение и чувствует меня так же, как я — ее. Помните, друзья, мы не должны дать ей уйти!

Конан промолчал и только вздохнул поглубже, заставив себя расслабиться и быть готовым ко всему, что может произойти. Мадезус крепко сжал амулет, Кейлаш поднял меч...

Всем троим показалось, будто последние несколько шагов они преодолевали целую вечность.

А в следующий миг события понеслись вскачь.

Во-первых, заглянув за поворот, они так и замерли в изумлении. Они ужаснулись, предполагая лицом к лицу столкнуться со жрицей. Вместо этого перед ними были двойные бронзовые двери. Они полностью перегораживали коридор и выглядели неприступнее иных крепостных ворот. Во-вторых, сзади неожиданно послышалось приглушенное «бух!».

Конан немедленно оглянулся через плечо, и сердце у него екнуло. Он увидел, что путь к отступлению был перекрыт решеткой, опустившейся откуда-то с потолка. Бронзовые прутья были толщиной в два его пальца, и время изъело их гораздо меньше, чем спинки скамей в чертоге наверху.

Пока он оглядывался, его ступни ощутили какую-то противную сырость, а в ноздри ударила очень знакомый запах. Он посмотрел вниз...

Просачиваясь сквозь ковер откуда-то снизу, коридор постепенно заполняла густая медно-красная жидкость. Это была кровь. Человеческая кровь.

Кейлаш взревел от ярости и ужаса, пытаясь стяхнуть с сапог багровые капли... Впрочем, достоинство скоро вернулось к нему. Конан сражался с приступом рвоты и отчаянно пытался придумать какой-то выход из положения. Кровавый прилив доходил уже до щиколоток, и жутко было ощущать его теплоту.

Если киммериец что-нибудь вообще понимал — очень скоро багряный поток зальет их с головой и вовсе утопит...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

АЛЫЙ КОРИДОР

— Умрите, глупцы!.. — хрипло хохотала Азора. — Не спасут вас ни ваши жалкие мечи, ни паршивый божок!..

Глядя в Волшебное Око, она отлично видела, как заполняется кровью коридор под храмом Таргола. Око представляло собой шар размером с яблоко, однако обладало способностью показывать события, происходившие за тысячи лиг. Много лет назад Азора похитила этот магический инструмент у одного стигийского некроманта. Тот самоуверенный дурень воображал, будто лишь у него одного хватало способностей пробуждать силу Ока!

В настоящий момент она направила Око на происходившее за дверями ее прежнего алтарного покоя в Пайрогии. Красные глаза жрицы светились жестоким удовлетворением: она наблюдала за тем, как трое обреченных пытаются вырваться из ловушки. От них исходил страх и отчаяние, и Азора впитывала эти эманации, как раскаленная солнцем пустыня — дожевую воду.

Еще прежде, чем три жертвы добрались до старого храма, ее навестил Ламици. Сперва она

была вне себя, — как!.. ничтожный смертный посмел явиться без вызова!.. — но, выслушав рассказ евнуха о последних событиях, сменила гнев на милость. Другое дело, что она и без Ламици знала о появлении жреца. Его вмешательство в наложенное ею заклинание Смерти было для нее как костер в темной夜里.

Когда она поняла, что это за птица, в ней пробудилась застарелая ненависть. Он был совсем не таким, как большинство трусов и полудурков, из которых состояло митраитское, с позволения сказать, священство. Этот был гораздо сильней. И гораздо опасней. До сих пор Азора не подозревала, что кто-то из его Ордена еще ходит по земле. Но если и ходит, что ж! Очень скоро на одного станет меньше!

Сначала она не знала его имени, лишь видела и чувствовала жреца: Око не передавало звуков, только изображение. По счастью, Ламици открыл ей и все имена, и тот до безобразия примитивный план, с помощью которого они намеревались загнать ее в угол. Нет, этот евнух ее положительно забавлял. Не каждый день среди смертных попадаются такие восхитительно продажные души. Вначале она готовила ему очень медленный и очень мучительный конец и предвкушала, как упьется предсмертным ужасом и страданием его тела. Теперь, в благодарность за большие заслуги, она решила убить его быстро. Она сделает это, как только его полезность будет исчерпана.

Узнав о намерениях Мадезуса, Азора немедленно соорудила ловушку для опрометчивого жреца. И для тех двух дубин, сопровождавших его из дурацкой верности. Честь, преданность!.. Пустой звук, выдумки скудоумных и слабаков!..

Она испытывала истинное наслаждение, любясь тем, что показывало ей Око. Архидемон по имени Балберот, которому она повелела исполнить свой приговор над троими несчастными, проявил отменную выдумку. Надо будет учесть это на будущее. Уж верно, он и в дальнейшем позабавит ее разнообразными мучениями, изобретательно уготованными для тех, кому вздумается бросить ей вызов...

Между прочим, даже если бы эти ничтожества каким-то образом проникли сквозь бронзовые двери, они бы ничего там не нашли. Азора была уже далеко, очень далеко от старого храма. О нет, она вовсе не сбежала оттуда! Она ничуть не сомневалась в своей способности уничтожить Мадезуса, просто не желала терять время на то, чтобы расправиться с ним лично. Договорившись с архидемоном, она совершила обряд Перенесения. Ей давно наскучил и занюханный городишко, именуемый Пайрогией, и двуногие муравьи, ползавшие по его улицам. Да и дело, которому она там предавалась, было почти завершено.

Азоре оставалось выведать последний секрет. Секрет, который сделает ее непобедимой. Она и так была достаточно могущественна, но мысль о том, что плюгавый жрец и узколобый варвар

помешали ей сгубить короля, попросту бесила ее. Стать не ведающей поражений!.. О, как она этого жаждала!..

Разгадав смысл туманного пассажа в одной пыльной книге, попавшей ей некогда на глаза, Азора постигла, что тайну эту ведало одно-единственное существо: Скаурол. Много столетий назад он был могущественнейшим из мутари. Собрав воедино разрозненные сведения, почерпнутые из множества запретных томов, Азора разгадала и местонахождение давным-давно заброшенной крепости Скаурола. Никто из ныне живущих не знал того, что знала теперь она. А она даже обозрела это место при помощи своего Волшебного Ока!

Когда Конан со спутниками стояли на внешних ступенях тарголитского храма, Азора как раз завершала обряд Перенесения и вступала на тропу, ведшую к Скауроловой крепости. Проникнув туда, она узнает и секрет Скаурола. И станет недосягаемой для жалких поползновений Мадезуса и всего его Ордена простаков!

К сожалению, Перемещение было делом непростым, даже и для нее. Обряд отнял у мутари все силы, так что теперь потребуется несколько дней для отдыха и восстановления. Когда же она как следует отдохнет и добавит к своему могуществу познания Скаурола — о, тогда берегитесь! Она возвратится в Пайрогию. И город, где ей пришлось испытать унижение, превратится в братскую могилу для всех его обитателей. Дву-

ногим муравьям будет оказана честь: они станут первыми жертвами хаоса и разрушения, который она, Азора, произведет во всем мире...

Она стояла у внешних стен Скауроловой крепости. Ворота, некогда монументальные, сиротливо висели на сломанных петлях. Повсюду вокруг лежали выжженные барханы Шема. Эту безжизненную пустыню считали непроходимой. Азора шагнула сквозь пролом в разрушенных воротах.

Древняя твердыня возвышалась перед ней, точно обломанный пень давно умершего дерева, торчащий из пересохших песков. На зеленовато-черных стенах оставили свой след бесчисленные самуры пустыни. Однако, потрескавшиеся, изъязвленные, они стояли по-прежнему непоколебимо, глядя в желто-рыжую пустыню, точно безмолвные каменные часовые.

Крепость имела округлую форму, а стены ее, несколько сужавшиеся к вершине, были сложены всего из одиннадцати гигантских каменных плит. Окон в них не было, а единственная дверь, узкая и высокая, была выкована из черного железа.

К двери вели изъеденные временем каменные ступени, а по сторонам возвышались громадные статуи. Время и песок стерли их черты, но еще можно было различить головы, лапы и крылья. На ступенях лежал слой песка, достигавший колен, песчаные заносы прикрывали нижнюю часть входа. И нигде — ни малейших признаков

жизни. Даже самые упрямые и выносливые пустынные обитатели давно оставили попытки населить это бесприютное место.

Поднимаясь по ступеням к железной двери, Азора бросила еще один, последний, взгляд в глубины Волшебного Ока. То, что она там уви-дela, вызвало у нее улыбку жестокого удовлетворения. Спрятав Око во внутреннем кармашке плаща, она толкнула дверь. Та послушно отворилась, и Азора вошла внутрь...

В подземелье тарголитского храма Мадезус кое-как сохранял внешнее спокойствие, но разум жреца лихорадочно трудился, ища выход.

— Конан! — окликнул он, отбросив запрет на произнесение имен, наложенный им самим. — Ты можешь отогнуть эти прутья?

Не тряся слов попусту, могучий киммериец схватился за прутья решетки и для крепости уперся ногами в бронзовые двери. Пот залил его лицо, под кожей канатами вздулись напряженные мышцы... Увы! Даже его сила, далеко пре-восходившая возможности обычного человека, была здесь бесполезна. Он выпустил решетку, с трудом разомкнув окостеневшие пальцы. Кровавый поток продолжал вспухать, и быстро. Он уже захлестывал колени.

Кейлаш между тем попытался высадить двери. Раз за разом он бросался на них всем своим весом, но успех сопутствовал ему не больше, чем Конану. Двери, возможно, и поддались бы его

усилиям, не удерживай их бронзовый замок-перосток, пропущенный во внешние ручки.

— Мадезус!.. — отдуваясь, прокричал го-рец. — Если ты можешь вытащить нас отсюда своим амулетом, давай, покуда не поздно! Еще немного, и нас зальет с головой!..

Жрец с подавленным видом покачал головой:

— Амулет наделен властью лечить, но в дан-ном случае он бессилен...

Кейлаш замолотил в неподатливые двери ку-лаками.

— Значит, мы побеждены! — вырвалось у него. — Жрица выиграла!..

Багровый омут поглотил его уже до бедер.

Только Конан упрямо отказывался поддаваться отчаянию. Поскольку хуже быть уже не могло, он дотянулся и вытащил из стенной скобы черный факел тарголитской работы. Он рассудил, что увесистая железяка вполне может сойти за дубинку и, пожалуй, съебет подвесной замок. Он размахнулся что было силы и вмазал факелом по замку. Тот, однако, разваливаться не пожелал.

— Погоди! — сказал Мадезус. — Так замок не съебешь, лучше сунь факел под дужку и попробуй ее отомкнуть!

В его спокойный голос впервые просочилась тревога. Сохранять невозмутимость становилось все труднее с каждой минутой. Кровь уже замочила веревочный кушак, которым митраит был подпоясан.

Конан живо последовал совету жреца и прокрутил железную рукоять под запирающую пластину. Конец факела едва-едва прошел в узкую щель. Загнав его как можно надежней, Конан изо всех сил налег на образовавшийся рычаг.

Обычное железо согнулось или сломалось бы, но металл Таргола выдержал. Он оказался крепче бронзовой дужки. Запирающая пластина лопнула и разошлась, а факел, хотя и погнулся, по-прежнему горел ярким, бездымным зеленоватым огнем. Конан выронил его, и кровавый поток погасил удивительный свет.

Двери, более не удерживаемые замком, распахнулись под напором багряной волны. Троє мужчин, все вымокшие в крови, не сговариваясь бросились через порог. Ввалившись внутрь, Конан с Кейлашем попытались закрыть двери и удержать хлеставший поток.

Амулет Мадезуса ослепительно вспыхнул, озаряя чертог. Все трое подумали об одном и том же, и стон Кейлаша выразил общую мысль. Конан еще подтвердил ее серией зубодробительных ругательств.

— Клянусь Кромом, отсюда нет выхода! Мы опять в западне!..

Кейлаш удерживал спиной дверь и пытался как можно крепче упереться ногами в пол, чтобы окровавленные сапоги не скользили.

— Меня надолго не хватит!.. — пропыхтел он сквозь зубы. — Надо что-то делать, и желательно поскорей!..

Конан переглянулся с Мадезусом. Ни у того, ни у другого не было никаких блестящих идей. Они еще раз обвели глазами комнату в тщетных поисках выхода. Выхода не было. Только пять голых, совершено одинаковых стен. Выделялась лишь та, в которой была дверь. На красном гранитном полу застыли в странной симметрии ряды погасших черных свечей.

Кейлаш с мрачным упорством удерживал дверь, но сколько-то крови успело первоначально проникнуть в чертог и растечься уродливой лужей. Мадезус про себя изумился тому, как плотно пригнаны были двери. Стоило закрыть их, и они останавливали течь.

Однако в гораздо большей степени его внимание привлек предмет, находившийся посередине помещения. Когда-то давно на рисунке в одной из книг, хранившихся в библиотеке коринфийского храма, он уже видел нечто похожее...

— О, Митра!.. Да это же алтарь мутари!.. — вырвалось у него. Он смотрел с ужасом, но вместе с тем и завороженно.

Алтарь был сплошь покрыт пятнами непонятного происхождения. Странные символы были врезаны в его основание, а с потолка над ним свисали заржавленные цепи. Мадезус пригляделся к расположению свечей и счел своим долгом предупредить спутников:

— Ходите осторожней! — И пообещал: — Сейчас притушу амулет, что-то увидите.

Амулет в самом деле скоро погас, погрузив чертог в кромешную темноту. Когда глаза Конана освоились с ней, он заметил свечение тонкой алой линии, образовавшей пятиконечную звезду вокруг основания алтаря. Концы ее лучей соединяла окружность, и вдоль нее стояло ровно десять свечей. По одной у каждого луча и еще по одной — в середине каждого промежутка.

— Не пересекайте эти линии! — нагибаясь, чтобы приглядеться, предостерег Мадезус. Потом вновь осветил комнату амулетом.

Кейлаш все еще сражался с дверьми...

— Я долго не продержусь!.. — прохрипел он, и в голосе чувствовалось страшное напряжение. Конан поспешил на помощь. Давление на дверь в самом деле было чудовищным. Чтобы подпирать их так, как Кейлаш, требовалась немалая сила!

Расставив ноги покрепче, молодой варвар уперся ладонями в створки. На двери с той стороны навалилась неимоверная тяжесть. Конан рассудил, что коридор, верно, залило уже до потолка...

Мадезус тем временем оторвался от магических линий, пропавших из виду, когда он вновь засветил амулет. Его все больше одолевало сомнение. Сперва, когда они шли по коридору, он чувствовал присутствие жрицы мутари с такой интенсивностью, как если бы она в самом деле была где-то совсем рядом с ним. Теперь это ощущение быстро слабело, — ни дать ни взять, они от нее удалялись... или она удалялась от них!

— Какой же я глупец!.. — вырвалось у него. — Мы пошли по ложному следу! О, до чего же она изворотлива, эта черная жрица!..

Конан и Кейлаш вскинули на него глаза.

— Что?.. — сипло проворчал Конан. — Это ты о чем?..

— Она сбежала, заманив нас в ловушку! И я даже не знаю, каким образом она исчезла! И в каком направлении! Могу только догадываться, что она сейчас где-то очень, очень неблизко. Иначе ощущение ее присутствия не ослабело бы так быстро. Как я и опасался, она обнаружила наше приближение, расставила свой капкан — и исчезла!..

Итак, все оказалось еще и без толку. Кто угодно другой опустил бы в отчаянии руки, но только не Конан! Он тоже не видел никакого выхода из ловушки, но, пока жив, с надеждой он не расстанется. Киммериец сосредоточился на самой насущной задаче: не дать разойтись дверям. Отчаянная мысль родилась в его мозгу...

— Мадезус!.. — позвал он жреца, все еще казнившего себя за глупость. — Тот алтарь, по-моему, довольно тяжелый, им можно было бы подпереть двери. Тут всего-то дюжина шагов... Как думаешь, дотащу?

— Погоди! — забеспокоился жрец. — Ты не можешь сдвинуть его, не пересекая магических линий. Но если ты нарушишь их, то можешь погибнуть!..

— А по-моему, нам все равно терять особо нечего, — философски заметил синеглазый

гигант. — Так что не будем терять время попусту! Может, спихну поганую тумбу, а там будь что будет!..

Как бы подтверждая правоту киммерийца, двери чуть подались внутрь, и между ними просочилась кровавая струйка. Двое богатырей налегли из последних сил и вновь поставили створки на место.

Мадезус неохотно кивнул и покрепче сжал амулет. Он-то знал: пентаграмму вычерчивали тогда, когда собирались вызвать из адовых безды могущественное существо, от которого следовало держаться на безопасном расстоянии самому заклинателю. Переступив незримые линии, Конан проделает в магическом барьере дыру. Другое дело, если он проделает это достаточно быстро, то может успеть дотащить алтарь до дверей еще прежде, чем неведомая тварь почувствует прореху и попытается выйти наружу...

Кейлаш передвинулся поудобнее, готовясь принять вес обеих створок, а Конан не без некоторого сомнения оглядел громадный алтарь. Сплошной камень! И весил, наверное, раза в три побольше него самого. Решившись, киммериец стремительно прошагал к алтарю, налег с силой разгневанного быка, и...

...И у Мадезуса с Кейлашем округлились от изумления глаза: Конан проскочил *прямо сквозь алтарь*. Не удержав равновесия, он гулко грохнулся на каменный пол.

— Во имя Девяти Преисподен Зандру, какого... у-ухх!! — вырвалось вместе с воздухом у него из груди. Он медленно поднялся и подозрительно оглядел казавшуюся такой твердой каменную глыбу. Потом попробовал коснуться ее рукой. Рука погрузилась прямо в камень. Конан поспешил отдернуть ее и невольно потер.

Стоило ему это сделать, и с так называемым алтарем произошло невероятное превращение. Он поднялся над полом клубами маслянистого черного дыма и постепенно принял форму, отданно напоминавшую человеческое тело. Только цветом он был черней кхитайской смоляной ямы в безлунную ночь. Конусовидное тело расширялось кверху. Нижним концом оно касалось пола, а сверху выросли руки, увенчанные острыми, длинными когтями. Еще выше образовалась безликая клубящаяся голова. Можно было рассмотреть только рот, похожий на широкую щель, и раскосые глаза.

Вот зашевелились дымные губы, и демонический хохот породил под сводами чертога гулкое эхо. Конан невольно попятился прочь...

— Беги, смертный! — прогрохотал злобный голос. — Все равно не спасетесь! Ваши души уже принадлежат мне!.. Но прежде, чем забрать их, я хочу попробовать на вкус вашу плоть!..

Лапа твари метнулась с молниеносной быстротой и схватила киммерийца за шею.

Конан почувствовал, что его приподнимает над полом. Он забился, силясь вырваться из

чудовищной хватки, но его руки не встречали никакого сопротивления. Они рассекали лишь воздух. И это при том, что лишь благодаря крепким шейным мышцам демон еще не раздавил ему горло!

А тварь тем временем безо всякого видимого усилия швырнула здоровенного киммерийца, точно детскую куклу, о гранитную стену. Конан сполз на пол, оглушенный и, что греха таить, изрядно напуганный. Еще бы! Им противостоял житель адских бездн, наделенный неведомым могуществом. Как бороться с ним и возможно ли это вообще — неизвестно. Вот был бы перед Конаном простой и понятный враг из плоти и крови! Тогда, во имя Крома, он точно знал бы, что делать!

Может, хоть жрец что-то придумает?..

Мадезус между тем оправился от первоначального потрясения. И надо сказать, при виде дымного чудища в горле у него пересохло, а в животе пренеприятнейшим образом заурчало. Ибо перед ним было не что иное, как Демон-тень, ужас преисподней. Согласно легендам, с нечеловеческой мощью этих тварей сравнима была только их жадность к живой плоти. Один знаток старинных рукописей некогда говорил молодому жрецу, что Теней было всего девять, и все они повиновались одному властелину: архидемону Балбероту.

Времени на раздумья не оставалось. Мадезус высоко поднял амулет и довольно-таки торопли-

во произнес волшебную формулу, тихо надеясь, что не спутал выплывших из глубин памяти слов.

— *Маским ксул нар мэррату, йа Балбером! Йа Балбером! Ксизул абсу мэррату, нар мэррату, йа Балбером!*

Голос жреца сделался низким и хриплым: непослушные, громоздкие слова через пень колоду сползали с его языка. Демон-тень зарычал и дернулся было к нему, но пентаграмма держала крепко. А жрец продолжал уже обычным своим голосом, ясным и звонким:

— Лишенный Облика, повелеваю тебе — изыди! Во имя Митры Всемогущего, вернись в бездну, из которой пришел!

И произошло чудо. Демон отвратительно завизжал и начал рассеиваться. Он становился все прозрачней, пока его голос не превратился в едва слышное стенание, да и оно постепенно растаяло вдалеке. Наконец стало совсем тихо, и Мадезус облегченно вздохнул.

Конан поднялся на ноги, а Кейлаш поерзал, со стоном упираясь лопатками в дверь. Пот ручьями стекал по его лицу, но упрямый кезанкиец не сдавался, хотя каждая жилка в нем стонала и жаловалась.

— Ну и что... теперь? — выдохнул он кое-как.

Мадезус хотел ответить, но в чертоге вдруг стало совершенно темно. А потом навалился ледяной, до костей пронизывающий мороз. Амулет начал словно бы медленно расталкивать тьму

и наконец вновь озарил помещение. Трое мужчин, онемев от изумления, уставились на то, что предстало им в центре пентаграммы.

Лицом к лицу с Мадезусом стоял некто, похожий на человека, но с сапфирово-синей кожей и в одеянии с высоким воротником, сотканным из черных металлических нитей. Он был на голову выше Конана, но гораздо более хрупок. Губы и лишенные зрачков глаза были мертвенно-белыми. Голову покрывала короткая поросль серебристых волос; она сходилась острым мыском посреди лба и по сторонам шеи, образуя странный треугольник. Одна рука с длинными пепельными ногтями держала хрустальный жезл.

Пришелец переложил жезл из руки в руку, и его голос послал гулять эхо:

— Я приветствую тебя, о сын Ксуквелоса. Тебя и твоих спутников из Киммера и Бритуна...

Он говорил со странным акцентом, но тон был определенно располагающим. Несмотря на более чем странную внешность «явления», и Конан и Кейлаш прониклись к нему симпатией с первого взгляда... чего никак нельзя было сказать о Мадезусе. Жрец сразу узнал синекожего.

— Балберот, — проговорил он. — Так я и знал, что твой щенок побежит к тебе жаловаться после того, как я его... отшлепал.

Жрец держался внешне дружелюбно, но внутренний голос велел ему не терять бдительности. Архидемоны были опаснейшими среди враждебных человеку существ тонкого мира.

Еще Мадезус знал, что ему слабо совсем уничтожить Балберота. Но вот измотать его и выдворить назад в подземное царство — это можно попробовать.

— Забавно все это, Мадезус, — сказал Балберот и сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. — О да, я знаю твое имя. Равно как и Конана и Кейлаша... — Он произносил их с насмешкой, которую все, кроме Мадезуса, пропустили мимо ушей. — Так вот, теперь, когда мы познакомились, настала пора облегчить друг другу жизнь. Позволь, о горец, снять тяжкий груз с твоих плеч...

Архидемон взмахнул хрустальным жезлом, и Кейлаш с изумлением ощутил, что давящая тяжесть с той стороны дверей подевалась неизвестно куда. Кезанкиец очень осторожно отступил прочь, готовый вновь захлопнуть бронзовые створки, но они и не пытались раскрыться.

— Никакой опасности больше нет, — заверил его архидемон.

Он сделал знак рукой, и двери немного отошли внутрь, так что стал виден пустой коридор. Удивлению Кейлаша не было предела. И стены и ковры оказались чистыми и сухими. Нигде никаких следов крови, только в нескольких футах перед дверью по-прежнему торчала опускная решетка.

Мадезус посмотрел на подол своего одеяния. Весь низ его только что был пропитан кровью — ткань очистилась в мгновение ока. Жрец насмешливо похлопал в ладоши:

— Отличный фокус, Балберот! Может, ты еще для нас пожонглируешь? Или по канату пройдешься?

Воители обеспокоенно переглянулись. Что такое произошло с их другом жрецом? Он говорил так грубо, так оскорбительно! А синекожий, наоборот, держался вежливо и дружелюбно, его слова навевали покой. Разве могло от него исходить какое-то зло?

— Ты ревнуешь, Мадезус. Это тебе не идет. И потом, разве твое учение не велит любить и прощать? Я слышал, оно отрицает жестокость и грубость. Я прошу прощения за недружелюбное поведение моего малыша и, со своей стороны, не сержусь за то, что ты его наказал. Уверяю тебя, я и знать не знал о его бессовестных шалостях. Видишь ли, он находился во власти создания, вероломно похитившего его у меня. Оно, это создание, и велело ему напасть на вас, когда вы появились.

— Тогда для чего ты здесь, Балберот? Ты пришел извиниться? Выразить нам сочувствие, в котором мы отнюдь не нуждаемся? Или все же затем, чтобы довершить то, на что у твоего прислужника недостало силенок?

— Твои обвинения безосновательны, жрец. Я пришел, ибо у нас с тобой одна цель: отыскать и уничтожить жрицу мутари. Ты удивлен? Но она силой забрала моего подданного и заставила его сразиться с тобой и твоими друзьями. Согласись, подобные поступки нельзя оставлять без-

наказанными. Вместе мы легко отыщем ее и положим конец ее злодеяниям!

Конан и Кейлаш уже не сомневались, что Мадезус ошибался, считая Балберота врагом. Какой же это демон? Просто житель иных миров, присланный богами им в помощь. Он протягивал им руку дружбы — разве не здорово? Так неужели Мадезус лишился рассудка? Неужели не понял, что Балберот на самом деле хочет помочь?..

Мадезус тем временем отрицательно мотнул головой. Занятый разговором, он не заметил, какую игру вел его собеседник с обоими воителями.

— Хватит лгать, порождение ада! — сказал он Балбероту. — Ты только на словах предлагаешь нам помочь, но я-то знаю — все, чего ты хочешь, это перебить нас, как телят на бойне! Довольно! Волею Митры, Отца Света, Всемогущего и Всеблагого, повелеваю тебе отбросить жезл и вернуться в бездонные пропасти, где плодятся подобные тебе! *Маским Ксул йа мэррату, йар Балберот!* *Балберот, абсу йар алаксул!* *Ксизул абсу мэррату, нар мэррату, йар Балберот!*

Жрец говорил, и амулет разгорался, направляя прямо на демона луч слепящего света.

Луч разрастался и креп, но, еще не коснувшись Балберота, он невероятным образом изогнулся и ударил по хрустальному жезлу. Ударил — и отразился, взорвавшись фонтаном радужных брызг. Отраженный луч прошел в

каких-то дюймах от приросшего к месту Кейлаша и угодил в бронзовые двери. Тяжеленные створки затрепетали, по ним разбежались струи синевато-белого пламени, и толстая бронза рассыпалась мириадами обломков.

А Балберот посмотрел прямо в глаза Конану и заговорил с ним умоляющим тоном:

— Конан, ты должен помочь мне! Выручай, друг! Ты видишь — Мадезус сошел с ума! Он чуть не убил Кейлаша!.. — Потом его глаза, подобные двум белым огням, обратились на горца: — Скорее, кезанкиец, порази его своим мечом, пока он всех нас не перебил!..

Белые, как кость, губы архидемона растянулись в жуткой улыбке. Он злобно подмигнул Мадезусу, и тот поневоле содрогнулся, встретив взгляд нечистого духа.

А в следующий миг молодой жрец не поверил своим глазам. Два воина пошли на него, размахивая мечами!

— Конан! Кейлаш!.. — окликнул он своих товарищев. — Это демон околдовал вас и заставил обратиться против меня! Конан!.. Вспомни свою клятву Сальворасу! Кейлаш!.. Подумай о короле, которого ты клялся защищать! Вспомните! Не слушайте уверений лживого порождения ночи!..

Но они точно оглохли. Мадезус успел заметить, что глаза у обоих помутнели: воители были не в себе. А Балберот, чувствуя близость победы, знал подгонял:

— Скорее! Ваши жизни в опасности! Скорее уничтожьте его, пока он не поразил вас насмерть!

Мадезус отступил прочь и вновь послал в демона луч амулета. И вновь промахнулся: хрустальный жезл перехватил и отразил его свет.

Конан подлетел к жрецу первым, отводя руку для ужасающего размаха. На какой-то миг его разум все же очистился... Он успел понять, что его руку вело колдовство, и попытался остановить удар, но мгновение миновало, и меч понесся вперед.

Мадезус шарахнулся в сторону: клинок киммерийца расположился его одеяния, царапнув по телу. Жрец не удержал равновесия и покатился по полу — прямо под ноги Кейлашу. Великан-горец поднял меч, чтобы проткнуть беспомощного митраита. «Конец, — понял Мадезус. — Выхода нет». Он упирался спиной в стену и не мог даже перекатиться. Он закрыл глаза и стал ждать, чтобы острыя сталь вошла в его тело. *Самое обидное, что жрица все-таки победила.* Последнему из Ордена Ксуквелоса оставалось жить считанные мгновения...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ШАН-И-СОРХ

Азора отмела в сторону многолетние полотнища паутины, которыми зарос входной чертог Скауроловой цитадели. Внешние двери, войдя, она заботливо притворила, отгораживаясь от несносных лучей утреннего солнца. Проклятое светило ярко и жарко горело над рыжими пустынями Шема. Оно ранило ее глаза и обжигало кожу. Азора ненавидела солнце. Оно высасывало ее силу, точно огненная пиявка.

Темный, затхлый чертог нравился ей куда больше. Здесь было когда-то седалище Зла, и Азора с наслаждением вдыхала еще сохранившийся аромат. Ее вторжение побеспокоило нескольких толстых, мохноногих пауков, притаившихся в углу комнаты. Азора с интересом присмотрелась к этим наследникам Зата, заморийского бога-паука, которого почитали в Йезуде. Иные из восьминогих созданий были вдвое больше ее головы, и чувствовалось, что пухлые, блестящие брюшки так и распирал яд.

Азора восторгалась ими: у них была всего одна цель, и они шли к ней, не зная сомнений. Дети Зата были вестниками смерти, хитроумными маленькими убийцами, способными лишить

жизни жертву, во много раз превосходящую их по величине. Даже самые мелкие из них внушали людям ужас и отвращение. Вот у кого не грех поучиться!

Подумав так, она вынула Око из-под плаща и мимоходом заглянула в него. Просто так, чтобы поинтересоваться, как там жалкий маленький жрец и двое тупых громил, пришедших с ним вместе, — еще барахтаются или уже утонули? Она раздраженно нахмурилась: Око не желало показывать ей ничего. Азора попробовала сосредоточиться, но только ощущила возросшее сопротивление. Придя в ярость, мутари с проклятием швырнула Око на пол. Жрец не мог сам ослепить ее волшебный прибор. Он даже не подозревал, что она исподтишка наблюдала за ним!

Когда миновала первая вспышка гнева, Азора наклонилась и подняла Око. Совсем недавно, за стенами крепости, оно действовало безукоризненно. Действуя по первому побуждению, она tolknula двери и вновь заглянула в хрустальный шар. Ее глазам сейчас же предстал алтарный покой под храмом Таргола, и раздражение немедленно улеглось. Двою недоумков наступали на Мадезуса, угрожая мечами!..

Конечно же, скудоумные груды мяса легко попали во власть Балберота, чей завораживающий голос подавлял волю любого смертного, кроме некоторых, особо чистых и твердых духом. Из двух безмозглых баранов получатся

отличные палачи. Великолепно! Особенno же потому, что архидемон, как и сама она, не мог причинить жрецу непосредственного вреда. Мадезус носил древний талисман, на котором пребывало благословение самого Митры, ненавистного ей Повелителя Света. Зрелище близкой смерти настырного жреца утешило и развеселило Азору. Она спрятало Око и вновь затворила двери. Если бы не проклятое солнце, она бы еще поддержала их открытыми и насладилась бы каждым мгновением агонии ничтожного прислужника Митры!

Итак, можно было считать, что жреца больше нет. Ничто не мешало Азоре заняться тем, для чего она сюда прибыла. Для начала она выведает секрет Скаурола, и больше можно будет ничего не бояться, хоть все митраитское священство сюда соберись. Потом она вернется в город. И вымортит двуногих насекомых по своему произволу, причинив им такие муки, какие найдет подходящими. Скоро, скоро, в первый день месяца Скорпиона, пропадет с небосвода луна. В ту ночь, самую черную из всех ночей, она, Азора, свершит Последний Ритуал Власти Мутари. Она произнесет Заклятие Бессмертия. И с этого мгновения быстротекущее время перестанет касаться ее. Для нее больше не будет ни старости, ни угасания. Если бы Скауролу удалось некогда совершить Ритуал, он бы теперь правил вселенной!

Она... О, когда она завершит Ритуал, она более не будет какой-то там жрицей. Она сама ста-

нет богиней! Беспощадной и гневной!.. Ее малейший каприз будет повергать во прах и отчаяние целые королевства. Жрецы и императоры приползут к ней на коленях. А она будет выдумывать для них все новые пытки и унижения. Все новые, все худшие! Человечество ощутит поступь грядущего Мрака и содрогнется, не в силах что-либо изменить...

Ни один из мутари, живших прежде нее, таких вершин власти не достигал. Эти глупцы перессорились между собой и тем сделали свою погибель неминуемой. Даже великий Скаурол позволил так ослабить себя, что вшивый Орден Ксуквелоса в конце концов его одолел. Азоре враждовать было попросту не с кем. Скаурол был последним мутари. А Мадезус — последним из Ордена.

Азора теперь и сама не могла бы сказать, когда она впервые услышала о мутари. Она ни помнила ни родителей, ни даже детства. Про себя она полагала, что скорее всего родилась в Стигии. Во всяком случае, первым впечатлением, которое сохранила ее память, было одно местечко у реки Бахр, в южной Стигии, недалеко от болот Пурпурного Лотоса. Там она прошла церемонию Превращения; там она родилась как мутари. И всю жизнь потом, как одержимая, по крупице собирала известия о мутари.

Она много путешествовала по отдаленнейшим краям, заглядывая в самые темные и запретные закоулки, и постепенно обрела то, чего

добивалась. Для этого она лгала, обманывала, похищала и убивала. Она не ведала преград и не признавала препятствий. Ее не обременяли такие человеческие предрассудки, как совесть и честь. И скоро она накопила достаточно знаний, чтобы претворить в жизнь кое-какие планы.

А скоро к ее познаниям добавится черная премудрость Скаурола...

Ее взяня с паутиной потревожила паука величиной с ладонь. Он побежал было к ней... потом остановился. Азора покосилась на него с раздражением, но скоро раздражение сменилось любопытством. В отличие от его родственников, прятавшихся по углам, он не был мохнат, а блестящее-черное тельце было намного меньше и выглядело угловатым. Еще паука отличали более длинные лапки и самые настоящие клыки — острые, загнутые. Паук рассматривал Азору своими многочисленными зелеными, слегка светящимися глазами. В глазах чувствовалась разум, не то что у тех здоровый мешков с ядом.

Занятное создание, но сейчас Азоре было не до паука. Оставив его, она подошла к ближайшей из трех внутренних дверей комнаты.

Двери были невелики, но выкованы из сплошного железа и украшены замысловатым рисунком, выполненным в металле. Над каждой дверью были изваяны плотоядно ухмыляющиеся гаргульи. Они застыли в угрожающих позах, словно готовясь свеситься вниз и схватить лю-

бого неосторожного. Рука умелого скульптора придала жуткий реализм разинутым пастьям с рядами неровных зубов. Из каждой пасти свешивался язык, длинный и заостренный как жало. Короткие лапы, каждая о семи острых когтях, сжимали каменные шары, из узких плеч росли кожистые, как у летучих мышей, крылья. Под животами торчали похабно подчеркнутые гениталии. Короткие, мощные задние лапы покрывала чешуя.

Кое-где можно было разглядеть небольшие трещины, но в остальном изваяния выглядели просто на удивление хорошо сохранившимися...

В отличном состоянии была и дверь перед ней. Благодаря пустынному климату Шема на ее поверхности не появилось даже пятнышка ржавчины, но даже если бы здесь и шли дожди, в чертог сквозь толстенную каменную кровлю все равно не проникло бы ни капли влаги.

Азора уже протянула руку в черной перчатке к ручке двери... Едва слышный шепот, раздавшийся сзади, заставил ее остановиться.

В нескольких футах от нее стоял тот самый безволосый паучок и все так же смотрел снизу вверх многочисленными глазками. Пока Азора раздумывала о природе невнятного шепота, паучок взвился в невероятно быстром прыжке. Он летел ей прямо в лицо! Азора, уворачиваясь, попыталась отбить его рукой, но промахнулась на какой-то дюйм. Восьминогая тварь крепко вцепилась всеми лапками в ткань одежды на ее левом

плече. Ругаясь на чем свет стоит, Азора хотела уже смахнуть паучка на пол и раздавить...

— Ссст... подожди! — прозвучал возле левого уха едва слышный, булькающий шепот. — Не враг! Не обижай!.. Ссст... Я помогай тебе.

Еще держа наготове занесенную руку, Азора повернула голову и посмотрела на паучка, сердито и недоверчиво хмурясь. Дети Зата утратили способность говорить много веков назад. Так, по крайней мере, гласили пыльные тома древних сказаний, которые она штудировала.

Как бы то ни было, паучишко при всем желании не смог бы причинить ей вреда. Не в пример ничтожным смертным, Азору не обременяла живая кровь, а значит, никакие яды были ей не страшны. Она всегда успеет раздавить маленького паскудника о каменный пол. Так почему бы сперва не послушать, что он ей расскажет?

— Да... Ссст... да... я помогай тебе, — словно чувствуя ее колебания, продолжал паучок. — Я твоя уже ссспасстай...

— От чего же ты, такой маленький, меня спас? — насмешливо поинтересовалась Азора.

— Не останови твоя Кзим, твоя открывай бы дверь! Вот поглодай бы старушки твоя косточки!

В голосе паучка забулькала страшноватая пародия на смешок. Кзим находил забавным то, о чем говорил.

— Старушки — это они? — Азора ткнула пальцем в сторону гаргулий. — Дурачок, это

всего лишь каменные изваяния! Не мне, с моей силой, их опасаться! Я повелеваю демонами, которые растолкли бы твоих «старушек» в мелкую пыль!

Однако, говоря таким образом, она невольно спрашивала себя: а что, если Кзим говорит правду?..

Паучок переступил на плече мутари. Он поднимался и опускался на лапках, словно в величайшем волнении.

— Кзим помогай, и твоя не нужна демон! Никакой демон! Я знай с-с-секреты... Да, да! Кзим твоя их говори! — Его глаза разгорелись, словно созвездие маяков в туманную ночь. — Только твоя помогай мы!

Азора подняла бровь:

— Так здесь есть и еще такие, как ты?

— Ссст... Нет, нет! Не как Кзим! Просто друзья Кзим, в паутинах живи! — Две передние лапки указали в верхние углы комнаты, где Азора заметила более крупных пауков. — Их желай кровь человек! Их надоедай ящерицы и жуки! Их хоти человек, как при старый хозяин! Твоя, да, твоя совсем как старый хозяин! Кзим твоя погляди, Кзим сразу понимай! Твоя давай кровь человек, а то Кзим больше не помогай!

В глазах Азоры, обращенных на Кзима, появился змеиный блеск. Так смотрит кобра, готовая укусить.

— У старого хозяина было имя? — спросила она.

— Да, да... Только длинный имя, трудно его говори! Кзим зови его Скар!.. Так, так, ссст...

Скар? Скаурол! Теперь Азора была убеждена крепче прежнего: «старый хозяин» Кзима был не кто иной, как тот самый мутари, великий правитель этой крепости. Может, и в самом деле пока не убивать паучишку? Пусть сперва расскажет все, что знает о Скауроле!

— Ты хочешь крови, малыш? Что ж, угощайся!

Азора вынула из внутреннего кармана небольшую склянку и откупорила ее. Внутри плескалась густая красная жидкость. Жрица накапала немного себе на руку и подставила Кзиму ладонь.

Паук перебежал вперед и жадно присосался к угощению, отставив клыки. Азора же мысленно похвалаила себя за то, что захватила с собой флягу. Вообще-то дело было в заклинаниях: для самых важных кровь была необходима. Надо будет расходовать ее с умом, чтобы не кончилась в самый неподходящий момент. Здесь, в пустыне, на много лиг вокруг не сыщешь человека, за чей счет можно было бы пополнить запас. Лучше согнать глупой твари и использовать этого Кзима, пока можно, а потом — прихлопнуть. И она согнала:

— Скоро ты и твои друзья будете пить живую человеческую кровь, как при старом хозяйстве. Клянусь!

Когда Кзим слизнул с ее руки последнюю частицу крови, Азора аккуратно заткнула склянку и убрала ее на место — в карман.

— Скажи-ка, малыш, была у старого хозяина библиотека?

Кзим щелкнул клыками.

— Кровь!.. Теплая, вкусная, да!.. — довольно пробулькал он. — Давно, давно Кзим не пил человеческую кровь!.. А биб... ли... Нет, Кзим не видал! Что такое биб-ли?..

Азора ощерила загнутые черные зубы, но все-таки сдержалась.

— Это зал, — сказала она. — Зал с книгами и свитками. Он непременно должен здесь быть. Отведи меня туда, и немедленно!

Ее голос повелительно раскатился в стенах чертога.

Кзим запрыгал у нее на плече, возбужденно пыхтя. На кончиках клыков вскипела красноватая пена.

— Ссст... ссст... Да, да! Кзим знай такой место! Кзим знай! Кзим показывай дорога! Далеко, далеко надо идти! Кзим знай тайные ходы!..

— Ну так показывай, — велела она. — Быстро!

Кзим ловко перескоцил с ее плеча на стену комнаты, где и повис, явно наплевав на закон всемирного тяготения. А потом быстро побежал по стене, прочь от двери, которую собиралась открыть Азора. Еще миг — и безо всякого

предупреждения паучок просто исчез. Жрица крутанулась следом: уж не дурачить ли ее здесь вздумали?..

— Кзим! Куда ты делся, бесстыдный пре...

Булькающий шепот донесся прямо из стены. Он был слышен еще хуже прежнего, потому что камень поглощал звук.

— Твоя надо идти сквозь стену... Не надо открывай двери, буди старушек! Ссст... Никаких дверей, никаких старушек!

Азора ощупала стену в том месте, где столь неожиданно исчез Кзим, и ее рука провалилась сквозь камень! Потом целая часть стены заколебалась перед ее глазами и рассеялась в воздухе. За нею обнаружился узкий проход, уводивший вверх и в глубину цитадели. Кзим уже ждал, прицепившись к каменному блоку стены. Азора сердито шагнула вперед. Она была недовольна собой, — как так получилось, что она с самого начала не распознала простейшей магической уловки? Простейшей и примитивной, предназначенней отводить глаза невеждам... Наверное, Перемещение исчерпало ее силы больше, чем ей самой казалось! Что ж, надо будет вести себя осторожнее. Все равно потраченную энергию восстановит лишь время.

Азора отличалась от презренных смертных еще и тем, что не нуждалась ни в пище, ни в сне, ни в питье. Ее пищей был страх, напитком — человеческое страдание. Если надолго лишить ее необходимого «корма», она постепенно захннет,

и сила ее иссякнет, как утренняя роса под солнечными лучами.

Следуя за Кзимом, жрица двинулась по коридору. Слабый свет из входного чертога вскоре пропал за спиной, но глаза мутари тотчас приспособились к темноте. Более того, во мраке она видела даже лучше, чем на свету. Черноты для ее красных светящихся глаз просто не существовало.

В проходе царила давящая тишина... Ее лишь временами нарушало пыхтение Кзима, шарканье туфель Азоры по каменному полу да шорох ее тяжелого плаща.

Они миновали несколько дверей и боковых ответвлений, но Кзим держался главного коридора и свернул всего раза два или три. Странный паук явно хорошо знал дорогу. Он не задумываясь вел Азору в глубину крепости.

Жрица мутари тщательно запоминала все повороты, стараясь составить мысленный план внутреннего устройства цитадели. К несчастью, один отрезок коридора абсолютно походил на другой. И нигде никаких особых примет. Не менялся даже рисунок каменной кладки. Повсюду — только ровные ряды крупных прямоугольных каменных блоков. Ни факелов, ни шпалер на стенах, ни ковров на полу. Удивительно голое и мрачное место. Что же до дверей, мимо которых она проходила, — двери были почти сплошь железными, довольно странными на вид... и тоже похожими как близнецы.

Каждый раз, минуя очередную дверь, жрица задавалась вопросом, что за тайны могли за нею храниться. Но ей некогда было задерживаться и удовлетворять свое любопытство. Тем более что крепость начинала определенно нравиться ей. Она чувствовала растворенное в воздухе зло, как если бы самые камни стен были наделены недобрый разумом. «*Вот подходящее место, откуда я стану осуществлять свои планы!*» — шагая вперед, думала Азора. Отсюда некогда распроstrанилась власть Скаурола, достигшая весьма отдаленных краев. А ее сила вскоре превзойдет все, чем был когда-то знаменит ее древний предшественник. Еще немного, и она откроет для себя тайну могущества, запрятанную где-то здесь, в вековой пыли Скауроловой башни.

— С-с-скоро, с-с-скоро... — ни дать ни взять подслушав ее мысли, ворковал Кзим. — Твоя почти, да, почти пришла! Кзим видел биб-ли... да, Кзим был там! — Суставчатые ноги проворно несли его по стене. — С-с-скоро вверх по длинной-длинной лестнице... надо будет лезть вверх-вверх-вверх!

Азора не удивилась: коридор и без того все время постепенно забирал вверх. Она чувствовала легкий уклон, но не взялась бы определить, насколько высоко они поднялись. Тем более что проход заворачивал и петлял раз десять, не меньше.

Чем выше они забирались, тем в лучшем состоянии пребывали и стены, и двери в них. Возрастало и ощущение зла; Азора всей кожей

чувствовала его бодрящее прикосновение. Но не только. Было еще нечто... Сильное, но вместе с тем и враждебное. Пока ей оставалось только гадать, что это за сила.

Кзим, бежавший в нескольких футах впереди, внезапно остановился. Коридор кончился. Прямо перед жрицей была винтовая лестница из черного железа. Азора посмотрела вверх, но туда не мог проникнуть даже ее взгляд. Толстая железная колонна, покрытая мельчайшей резьбой, служила опорой массивным металлическим ступеням, ряд за рядом поднимавшимся вверх. Ступени были узкими. И без перил.

— Ссст... Длинная, длинная лестница! — ликовал Кзим. — Твоя иди вверх! Да, да, вверх-вверх-вверх! Там то, что твоя ищет! Биб-ли!..

Азора последовала за ним к основанию лестницы. Она еще не вполне доверяла странному пауку и была готова самым жестоким образом покарать любой намек на предательство. Возможно, немного погодя она так и поступит, а пока — последует за ним наверх. Она рискнет. Еще в Пайрогии, до Перемещения, она пыталась с помощью своего Волшебного Ока заглянуть внутрь цитадели и выведать, что за тайны хранятся в ее стенах. Но Око всякий раз отказывалось повиноваться. Надо полагать, ему мешало какое-то заклятие, еще в древности наложенное Скауролом на свою башню.

Ну да теперь это все равно не имело никакого значения. Отбросив сомнения в правдивости

Кзима, Азора поставила ногу на нижнюю ступеньку. Он отведет ее в сокровищницу премудрости Скаурола, и она разотрет восьминогого в зеленую жижу. И скормит эту жижу его «друзьям» из нижнего чертога.

Она живо представила себе, как мохнатые страшилища пожирают размозженные останки Кзима, и это придало ей сил. Одолевая ступеньку за ступенькой, жрица мутари бодро двигалась вверх по лестнице, казавшейся бесконечной...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ТАРГОЛ

Мадезус слышал, как свистел, рассекая воздух, меч Кейлаша... Острое лезвие вспороло одеяние жреца, но почему-то все же прошло на волосок мимо тела, угодив по кожаной сумке. Содержимое разбитых пузырьков и выпотрошенных мешочков оказалось на полу, а клинок кезанкища застрял в металлической пряжке. Кейлаш принял высвобождать его и на какое-то время загородил дорогу Конану.

Улучив мгновение, Мадезус откатился прочь и попытался броситься в дверь, но, конечно, опередить киммерийца не смог. Кейлаш с рычанием выдернул меч, а Конан прыгнул наперерез жрецу. И варвар и горец действовали, как заводные куклы. Ни тот ни другой не произносили ни слова, и глаза у обоих были стеклянные. Завораживающий голос архидемона управлял ими, точно послушными марионетками. Мадезус вновь затаил дыхание, готовясь встретить удар меча, который уж точно окажется для него последним... Он только поднял амулет и запел молитву: может быть, еще не совсем поздно?

Но тут все трое замерли на месте: у порога начало происходить нечто такое, что приковало

к себе их внимание. Даже Балберот и тот растерянно замолчал.

Ошметки бронзовых дверей сами собой поднимались с пола. А те, что еще висели на петлях, отделялись от них и вливались в общую массу. Металл сворачивался и таял, на глазах приобретая все более знакомые очертания. И наконец перед изумленными людьми и архидемоном предстал бронзовый великан. Его тело было человеческим и мужским, вот только пропорции выглядели так, словно бронзовую статую наспех сработал пьяный ваятель.

Росту в нем было под десять футов. Желто-оранжевое пламя полыхало в глазницах. Вот он протянул громадную бронзовую руку в направлении троих людей, и пальцы медленно распрымились. Потом шевельнулись угловатые губы. Стали видны зубы, сотворенные из огня, и язык, состоявший из пламени. Изо рта, больше напоминавшего топку, изошло одно-единственное слово:

— ОСТАНОВИТЕСЬ!

Громадный голос наполнил чертог, словно жаркий, сжигающий ветер. Людей мгновенно бросило в пот, Балберот же сощурился и заморгал, но отвечать не посмел.

А бронзовый исполин шагнул внутрь комнаты, и громадные плоские ступни откалывали кусочки от твердых каменных плит пола. Вновь медленно двинулись губы, и Голос изрек:

— АЗ ЕСМЬ ТАРГОЛ.

Тут Балберот метнул быстрый взгляд на Мадезуса и, явно придя в отчаяние, обратился к Конану и Кейлашу:

— Вперед, глупцы! Это все штучки жреца, возжелавшего вас истребить! Зарубите его, и призрак рассеется!

Кейлаш встряхнулся и шагнул к Мадезусу, занося меч. Но тут левая рука исполина метнулась с ужасающей быстротой и схватила меч прямо за лезвие, легко выдернув его у горца. Бронзовые пальцы скрутили и смяли клинок точно соломинку. Прекрасно выделанная, закаленная немедийская сталь не могла противиться силе Таргола. Изуродованный клинок громко лязгнул об пол...

Огненный взгляд обратился на Балберота:

— ТЫ ОСКВЕРНИЛ ХРАМ ТАРГОЛА. ТЫ ПРЕКРАТИШЬ БЫТЬ.

Медлительные слова вылетали словно сгустки пламени, комнату сотрясало эхо. И Балберот вдруг вспыхнул! Со страшным криком пропал в вихре бездымного красно-оранжевого огня!.. Крики и огонь угасли одновременно. От архидемона не осталось ничего — лишь синеватый жирный натек на полу.

Разум Конана прояснился мгновенно. Он тряхнул головой, словно пробудившись от очень скверного сна. Киммериец вытаращил глаза на бронзового исполина, черты которого ярко светились в сумраке подземелья.

— Вот это да, Мадезус! — сказал он, когда способность разговаривать вернулась к нему. — Молодец, лекарь! Я смотрю, твой амулет действительно на что-то годится. Только почему ты этого приятеля сразу не вызвал?

Мадезус долго не отвечал, лишь завороженно смотрел на бронзовую фигуру. Казалось, он вовсе не слыхал слов киммерийца. Лишь спустя время он отважился прошептать:

— У моего амулета нет такого могущества... Конан, мы стоим перед Самим Тарголом!

Кейлаш упал на колени и отвернулся, чтобы не смотреть в бронзовое лицо бога. Конан содрогнулся от инстинктивного ужаса перед сверхъестественным. Очень неплохо, что Таргол разделялся с Балберотом. Но почем знать, вдруг он и их сейчас точно так же уделает?..

Мадезус, казалось, хотел что-то сказать, когда исполин заговорил снова:

— ПОКИНЬТЕ С МИРОМ ЭТО МЕСТО.
ТАРГОЛ НЕ ДЕРЖИТ НА ВАС ЗЛА.

Мадезус взволнованно прокашлялся:

— Мои спутники и я... мы благодарим Тебя, могучий Таргол. Мы выполним Твоё повеление. Позволь только спросить Тебя, кого Ты уничтожил: жрицу мутари или демона, которого она призвала?..

По сравнению с Голосом Таргола голос Мадезуса был жалок и слаб. Конан и Кейлаш смотрели на него как на безумца. Долгое время Таргол просто стоял, не двигаясь с места и

приоткрыл огненный рот. Слышал ли он вопро-
шение жреца?.. Однако после долгой, томитель-
ной паузы Голос загрохотал вновь:

— ОНА БЕЖАЛА В ШАН-И-СОРХ. ТАР-
ГОЛУ НЕТ ДО НЕЕ ДЕЛА. ВЫ ПОКИНЕТЕ
ЭТО МЕСТО И БОЛЕЕ СЮДА НЕ ВЕРНЕ-
ТЕСЬ.

Конану и Кейлашу дальнейших понуждений не требовалось. Удирая из чертога, горец позволил себе лишь с тоской оглянуться на свой искореженный меч, валявшийся на полу возле ноги исполина. Конан с силой хлопнул ладонью по спине замешкавшегося Мадезуса, направляя его в сторону двери. Исполин чуть посторонился, освобождая им путь, и жутковатый красный ковер коридора заглушил их поспешное бегство.

Мадезус все-таки оглянулся через плечо, что-бы еще раз взглянуть на Таргола, — не каждый все-таки день беседуешь с живыми богами! — но увидел лишь... бронзовые двери. Целые и невредимые. Никаких осколков, разбросанных по полу. Закрытые двери, точно такие, какими они увидели их по пути сюда.

Жрец только помотал головой и пропустил следом за спутниками...

Не останавливаясь, они добежали до крутой лестницы, выводившей в зал наверху. Конан взлетел по ней первым, за ним последовали остальные. Они огляделись... Первое, что бросилось в глаза киммерийцу, — бронзовые спинки,

которые он отломал от скамей, были поставлены на места. Как и рукоятки наружной двери. А сама дверь была распахнута настежь и как бы приглашала их выйти.

Что они и сделали без промедления.

Снаружи сияло послеполуденное солнце, правда прямые лучи его не касались храма и не проникали за порог. Когда спутники выскочили наружу, каменная дверь гулко бухнула за их спинами, наглухо перекрыв вход. Этот звук заставил подскочить всех троих.

У киммерийца вырвался вздох облегчения: какая же благодать вновь оказаться под открытым небом, покинув наконец недра странного храма!.. Кейлаш, напротив, сразу засыпал митраита вопросами. Ему не терпелось побольше разузнать про Таргола и Балберота.

— Почему Он грохнул демона, а нас пощадил? — недоумевал горец. Действия бронзового исполина сбивали его с толку. — Конан, может, больше порушил в Его храме, чем Балберот!

— Таргол давным-давно не в ладах с архидемонами, — несколько рассеянно отвечал жрец. — В старину худшим врагом Таргола был Йог — архидемон, почитавшийся жителями Дарфара. Этот Йог был одним из свирепых демонов Древней Ночи; некоторые называют его и самым могущественным. В Замбуле, где более всего процветал его культ, йогитский Иерарх решил даже изгнать из страны все иные религии. Дело было несколько столетий назад... В одну кровав-

вую ночь все жрецы Таргола были схвачены и торжественно отведены к священной яме Йога. Там приверженцы архидемона вырвали у них сердца и пожрали на ритуальной трапезе. Еще сохранились легенды о том страшном убийстве, о том, как играл лунный свет на крови, до краев заполнившей яму...

Но на другой же день исчезли все жрецы Йога с их остро подточенными зубами, знавшими вкус человечины! В том числе Иерарх! И до нового восхода луны не удавалось обнаружить ни малейшего следа!.. Но потом в той самой яме нашли их скелеты. Скелеты, лишенные плоти, но сохранившие облачения из перьев и увешанные харийскими драгоценностями... Страшна была месть Таргола, воистину страшна, но... бесплодна. Его замбулийский храм впал в запустение, а йоггитское священство мало-помалу вновь возродилось. Авторы исторических трудов сходятся на том, что Таргол до сих пор держит зуб на Йога и подобных ему, но обе стороны прежде уклонялись от прямых столкновений. Вот Балберот, по-видимому, и попался...

— Я слышал, никто не может заглянуть в лицо богу и сохранить жизнь... — торжественно заявил Кейлаш. — А с нами именно это и произошло!

— Может, и так, друг горец, а может, и нет, — загадочно ответствовал митраит. — О Тарголе вообще известно немногое, а что касается Его внешности — и подавно. Многие

богословы, однако, упоминают о том, что Ему подвластны стихии Земли и Огня. Решусь предположить, что бронзовый исполин, которого мы видели, — всего лишь изображение, созданное и оживленное Тарголом нарочно для этой цели. Как я уже говорил, боги предпочитают избегать открытого вмешательства. Вот, например, Конан, твой Кром...

— Не время нас просвещать, жрец, — перебил Конан и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — И потом, все, что мне когда-либо хотелось знать о Кроме, я и так уже знаю. Пока мы тут стоим и чешем языками, наши шансы отыскать хренову жрицу убывают все больше! У нас дело есть, между прочим!..

И он метнул на Кейлаша смертоубийственный взгляд, предупреждая, чтобы тот не смел задавать жрецу дальнейших вопросов.

— Да, да... — согласился с киммерийцем Мадезус. — Ты прав, конечно. Наше дело не завершено... Напротив, оно только стало трудней. Необходимо последовать за жрицей в Шан-и-Сорх, где она теперь укрывается. Нам предстоит проехать множество лиг, и притом через пустыни восточного Шема. Это займет больше месяца, даже если верхом...

— Больше месяца!.. — с отчаянием повторил Кейлаш.

— Причем гораздо больше, — хмуро вставил Конан. — Потому что только головой ушибленный потащит туда с собой лошадь. В шемитской

пустыне не выживет даже верблюд! Мы можем доехать до южных границ Хаурана, но дальше — только пешком! — И он тяжело покачал головой, припоминая: — Несколько лет назад я разговарился в таверне со старым немедийским рубакой... Он когда-то ездил аж в Сабатею, — это такой шемитский город у Тайанских гор, немногого западнее Шан-и-Сорха. Много раз наполнял он свою кружку, рассказывая о том путешествии, и видели бы вы, как тряслись у него руки! Он был тогда охранником в купеческом караване, шедшем через пустыню. А там, как он выразился, воды ни капли, но зато разбойник на разбойнике...

Кейлаш возмущенно фыркнул:

— Еще не родился тот головорез, который скрестил бы мечи с сыном Кранароса — и остался в живых!

— У немедийца тряслись руки не от воспоминаний о разбойниках, но кое от чего другого, — возразил киммериец. — Пустыни Шема, говорил он, — это седалище смерти. Ничего живого там нет. Немедиец так и не рассказал мне, что же *такое* встретилось ему там. Но я вам вот что скажу: если уж что-то могло довести до такого состояния закаленного немедийского наемника, то и нам не грех бы держаться от этого подальше. А потому я предлагаю избрать иной путь, не тот, которым ехал он сам. Давайте пересечем Кезанкийские горы с запада на восток. Так мы не попадем ни в Коринфию, ни в

Коф, ни в Замору. Если мы потом отправимся вдоль гор к югу, то выйдем на торговый путь, что ведет из Хаурана в Замбулу. Мы сможем держать направление на Тайанский хребет... Меня только одно смущает, жрец. Шан-и-Сорх — пустыня обширная. Как мы в ней отыщем то, что нам надо?

— Отличный вопрос, Конан, — кивнул митраит. — У меня у самого назрело несколько, и ответить на них еще потруднее, чем на твой. Почему она вообще отправилась в Шан-и-Сорх? И каким образом в один миг попала туда?.. Следы ее присутствия, которые я ощущал, были совсем свежими. Если бы она оставила их несколько дней назад, я бы сразу это распознал. Ты говоришь, обычное путешествие займет не менее месяца?.. Значит, она освоила Перемещение... Это одна из отраслей магической науки, доступная лишь тем, кто уже накопил необъятную мощь. Я никак не ожидал, что даже у нее хватит на это силы... Но что касается того, где именно в Шан-и-Сорхе она притаилась, тут у меня одна зацепка все-таки есть. Мой Учитель, почтенный Калетос, рассказывал: Скаурол, величайший из поверженных мутари, жил в Шеме. Отчего бы нашей жрице не отправиться в развалины его дворца? Может, она хочет там что-нибудь отыскать? Или хочет восстановить крепость и сделать ее оплотом своей власти?..

Конан заметил:

— Даже если это и так, — мы знаем, где они, эти развалины?

— Верно, друг мой, не знаем... Пока не знаем. Дело должно проясниться, когда мы подберемся поближе. Колдовство, укрывавшее от меня мутари в храме Таргола, не сработает в пустыне. Мы будем пробиваться к центру Шан-и-Сорха, и рано или поздно я почувствую жрицу. Тогда мы и выясним, какого направления придерживаться.

— Я велю приготовить припасы и лошадей, — пообещал Кейлаш. Он с тоской разглядывал свой опустевший ремень. — И еще мне понадобится новый меч. Вот заодно на тамошних разбойниках его и опробую...

Они спустились по ступеням храма и, минуя древние развалины, скоро вышли на улицу. На послеполуденное солнце набежали легкие облачка, между домами пошел гулять по осеннему зябкий ветерок. Конан утешил себя тем, что во дворце уж точно будет тепло.

Киммериец переживал из-за предстоявшего путешествия гораздо меньше Кейлаша. Он в свое время проехал немало стран — от ледяных тундр севера до удущливых джунглей дальнего юга. И понял, что в любом краю было что-то хорошее и что-то плохое. И еще: ни в одной из стран, где довелось побывать, он не чувствовал себя дома. Даже Киммерия была для него родиной — но не Домом. Он редко возвращался туда и никогда не задерживался подолгу. Мрачно-серые

горы, нескончаемая зима и монотонная жизнь скоро надоедали ему. Видно, беспокойная натура так и сделала Конана кочевником на всю жизнь!

Между прочим, его родная страна кишила опасностями ничуть не менее всех остальных, которые он повидал. Его соглеменники были воинственным и свирепым народом. Они не забывали обид, так что распри между кланами могли продолжаться столетия. И ни одна битва, в которой Конану доводилось участвовать в так называемых цивилизованных государствах, не могла равняться по первобытной свирепости с клановыми войнами Киммерии.

Видимо, и люди юга будут так же жестоки, как и их пустыня...

Шагая вперед, Конан рылся в памяти, припоминая подробности о тех краях, которые им предстояло вскорости проезжать. Да, для того чтобы не сбиться с пути, определенно стоило следовать на юг вдоль Кезанкийских гор, пока их утесистые хребты не уступят место вершинам Огненных гор. Этот могучий кряж отмечал северную границу Шема: природный бастион, преодолевать который отважились бы немногие. От этих зловещих гор надо будет убраться подальше, свернув к юго-востоку. Но зато потом начнется самая тягостная часть пути. Прожаренная солнцем шемитская пустыня, называемая многими Шан-и-Сорх...

Этих забытых богами мест побаивались даже самые закаленные, привыкшие к пустыням ше-

митские племена. Неизбытные лиги спекшейся от зноя земли и безводных песчаных дюн служили отличными декорациями для многих жутких рассказов, из уст в уста передававшихся у походных костров. Конан и сам слышал немало воинских побасёнок о том, что кому довелось пережить в тех краях. Если верить всем этим рассказням, пустыня изобиловала свирепыми и хищными тварями, еще более свирепыми и хищными кочевниками и, конечно, злобными духами, гнездившимися в занесенных песком развалинах древних замков. Как ни суеверен был Конан, он все-таки списывал большую часть услышанного на обычную солдатскую трепотню за кружкой вина.

Вот что самому ему хотелось бы найти в сердце пустыни, так это какой-нибудь забытый дворец с еще не разграбленной сокровищницей. Совсем неплохо было бы и клятву, данную Сальворасу, выполнить, и кошелек при этом пополнить! Он ведь всяко собирался в Замору. Добраться бы до Шадизара, и он бы всем показал, что по ночам способен не только в воровстве упражняться! Вот бы поскорей отгремела эта разборка со жрицей, — уж он бы славненько повеселился вечерок-другой с девчонками и вином...

Он шел вместе с Мадезусом и Кейлашем, мысленно предвкушая лукавые радости Шадизара. Конан шел впереди: так уж получилось, что в предстоявшем путешествии его негласно

назначили старшим. Горец и жрец следовали за ним ко дворцу, чтобы отдохнуть и набраться сил перед многотрудной дорогой. У каждого из них была своя личная цель, но всех связывало одно.

Найти и уничтожить жрицу мутари.

...А следом за ними крался еще один человек, крался так тихо, что ему позавидовала бы и пантера. На нем был легкий плащ с темно-серым капюшоном, спущенным на лицо. Под плащом были дымчато-голубые шелковые одеяния. Шелк временами шуршал, точно чешуя гадов в подземной норе. Прячась в тени капюшона, глаза холодней зимы Ванахейма следили за каждым шагом Конана и его друзей, чуткий слух напряженно ловил каждое их слово. Фанатичный разум Ламици был объят жаждой мести. Какая разница, что они отправлялись куда-то на юг? Если понадобится, евнух готов был последовать за ними хоть до реки Стикс, а то и далее. Он должен уничтожить Мадезуса. Для блага Британии, разумеется. Ибо мерзостный жрец вернул к жизни недостойного короля и растоптал мечту Ламици вернуть бритуйскому трону честь и могущество. Эти двое, Конан и Кейлаш, помогали жрецу. Поэтому они также заслуживали смерти. И она их постигнет. Но сначала — жреца.

Ему приятна была тяжесть отравленного кинжала, поковавшегося в ножнах на руке. Скоро, очень скоро он по рукоять погрузит его в

сердце Мадезуса. Не вечно же он будет прятаться за своими громилами. Настанет момент, когда он останется беззащитен. Тут-то евнух и нанесет удар, который так долго и тщательно готовил.

Бледные губы Ламици растянулись в жестокой усмешке. Капюшон, скрывавший его лицо, был серым, как тучи, затянувшие над Пайрогией хмурое небо...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

НА ЮГ!

Эльдран медленно приподнялся и сел. Даже такое простое движение превратилось для него в тяжкий подвиг. Он очнулся менее часа назад. И сразу понял, как ослабило его тело заклятие Смерти, наложенное мутари. А разум, некогда острый словно аквилонский клинок, казался тупее каменного топора.

Король сам догадывался, что выглядит ужасно. Об этом Эльдрану яснее всякого зеркала говорило выражение лиц его друзей, собравшихся в опочивальне.

Даже Кейлаш, стоявший перед ним, не мог скрыть жалости. Она чувствовалась и в голосе, и во взгляде. Король обозлился на себя за отвратительную слабость и мысленно воззвал к Виккане, прося своего бога послать ему по возможности быстрое выздоровление, пока соседние государи не пронюхали о неожиданном упадке его сил. Он отлично знал: если длинные языки разнесут весть о его пошатнувшемся здоровье, немедийцы и гиперборейцы налетят точно стервятники, готовые терзать его народ и растаскивать страну по частям. И только клочки полетят от всего того, что он с таким трудом собирал.

Эльдран постарался отделаться от тягостных мыслей и сосредоточиться на другом. Что это сейчас говорил ему горец?.. Он поморщился, недовольный собой, и скрипучим, охрипшим голосом обратился к старому другу:

— Прости, старина... У меня мысли все еще путаются. Пожалуйста, растолкуй еще раз, что вам понадобилось на юге?

— Сейчас, — ответил Кейлаш и чуть не за-скрипел зубами от горя. Жутко и оскорбительно было видеть Эльдрана доведенным до подобного состояния. Ох, дайте только добраться к логову жрицы!.. Ужо заплатит за все свои злодеяния!..

Кейлаш прокашлялся и заново стал объяснять Эльдрану положение дел.

Правду сказать, его повествование большой ясностью не отличалось. Сбивчивый и путаный рассказ смутил бы и вполне здорового человека. Тем не менее с помощью Конана и Мадезуса Эльдран вскорости охватил всю цепь событий, произшедших после его внезапной болезни.

С трудом приподняв слабую руку, он призвал Кейлаша к молчанию.

— Я очень обязан всем вам, — сказал он, и рука упала на колени. — А имя Сальвораса будет отныне прославлено во всех исторических хрониках... Но это ваше путешествие отнимает у меня возможность отдать долги. Если бы я был в состоянии отправиться туда вместо вас!..

Приступ кашля согнул его пополам. Кейлаш напрягся всем телом, мучительно переживая за

друга. На лице Мадезуса отразилась озабоченность; митраит даже открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но передумал и промолчал.

Конан как раз в это время смотрел на Мадезуса, и его неожиданно осенила догадка. Жрец ничего больше не мог сделать для короля, и собственная беспомощность терзала его. Сосвем не так выглядел Мадезус, когда оказывался один на один с магией своих врагов. Да и тогда его заклятия совершились словно бы не его волей, а по прихоти некоей невидимой Силы. Да что говорить, странны были жрецы Митры и непонятны обычному человеку. Конан вовсе не отказался бы поскорее рассторгнуться и с Мадезусом, и со всеми его жреческими причудами.

— Конан... — обратился к нему Эльдран. — Мне жаль, что тебя безо всякой вины вмешали в эту историю, — неровным, хриплым голосом извинился король. — Я освобождаю тебя от слова, данного моему капитану. Тебе незачем ехать на юг. Лучше подумай, не устроит ли тебя место капитана городской стражи?.. Ты сполна доказал, что достоин такого поста. Если же ты не захочешь служить, по крайней мере прими от меня кошелек с золотом и свободный пропуск за городские ворота в любую сторону, куда только ни пожелаешь. Это — самое меньшее, чем я могу расплатиться с тобой...

— Нет, государь, — ответил варвар. — Ты не можешь освободить меня от клятвы. Клятва ким-

мерийца — не облачко в небе, которое уносит ветерок. Дух Сальвораса не обретет успокоения, пока жива жрица мутари. Твой капитан был настоящим воином и мужчиной, и подлое убийство такого человека не должно оставаться неотомщенным! — Конан сдержанно зарычал. — Таковы мы, киммерийцы, и пусть люди сколько угодно называют нас варварами! Я либо выполню свою клятву, либо умру... Но вот золотишко, государь, я приму с благодарностью. На дорожные расходы в путешествии...

Голова Эльдрана устало поникла, но по губам пробежала тень улыбки.

— Прошлой ночью, — сказал он, — ты сидел в моем подземелье, ожидая плахи и топора палача. А сегодня готов пройти тысячу лиг, чтобы разделаться с моими врагами. Ты прав, киммериец... Мы, цивилизованные люди, могли бы многому у вас поучиться. Однако я благодарю богов, что моя страна не граничит с Киммерией!.. Что ж, отправляйся на юг, если видишь в этом свой долг. Запаситесь в оружейной всем, чем пожелаете, и выберете на конюшнях лучших, самых выносливых жеребцов. С вашей решимостью вы непременно победите злобную жрицу и возвратитесь с победой... А я буду ждать вашего возвращения и молиться за вас!

На этом силы оставили Эльдрана окончательно. Он вновь поник на постель, и жестокие спазмы кашля сотрясли его тело. Пот залил

лицо, со щек сбежала краска... Он ничего больше не сказал, а закрыл глаза и погрузился в беспокойный сон.

Опустив глаза, спутники молча вышли из опочивальни... У выхода беспокойно переминались несколько горцев — соплеменников Кейлаша. Их вождь принял раздавать приказы, касавшиеся безопасности короля. Видно было, что он полностью доверяет каждому из мужей, собравшихся в комнате. Много лет он сражался плечом к плечу с этими воинами; годы и битвы сделали их братьями.

Еще ему нужно было подобрать себе подходящий клинок. И коня, способного выдержать дальнее путешествие. Он поймал себя на том, что в некотором роде *предвкушает* поездку. В самом деле, немало времени прошло с тех пор, как он в последний раз совершил вылазку в дикие дебри! Последние годы он неизменно торчал в столице, охраняя Эльдрана, самое большое — сопровождая его в однодневных поездках. А что касалось его спутников, то если он сперва относился к Конану и Мадезусу с некоторым подозрением, теперь оно уступило место уважению и даже восхищению. Еще бы! Всякое повидал Кейлаш, но бойца, равного Конану, припомнить не мог. А уж силы вроде тех, которыми повелевал митраит, — и подавно!

Конан, как и горец, раздумывал о путешествии, но, в отличие от кезанкийца, без нетерпения и тревоги. Что бы ни говорил он о клятвах, у него

были и иные, гораздо более прозаические причины стремиться на юг. Рассказы Мадезуса о Скауроле и его крепости заставили его вспомнить не единожды слышанные у походных костров легенды о позабытых сокровищах, пылящихся в подземельях разрушенных замков...

Если, думал киммериец, этот самый Скаурол был вправду так могуществен, как расписывает жрец, он, уж верно, деньжонок-то за жизнь свою поднакопил. Не в бедности небось прозябал! Еще могло получиться так, что охотников за сокровищами долгое время отгоняли от его крепости суеверия. Пока о существовании замка и вовсе не позабыли. Если как следует порыться там, чего доброго их странствия и труды получат вполне весомое вознаграждение!

Молодой варвар шел за Кейлашем и Мадезусом в дворцовую оружейную, а перед его умственным взором уже громоздились пузатые сундуки, битком набитые золотыми монетами, и горшки, полные сверкающих самоцветов...

Оружейная, расположенная едва ли не в сотне шагов от покоев Эльдрана, являла собой собрание оружия со всей Хайбории. В былые времена немалая часть оружия, которым пользовались бритунийцы, была привозной. Что-то отбирали у побежденных захватчиков, что-то покупали, что-то бритунийские вельможи получали в качестве подарков.

В небольшой, плохо освещенной комнате не было никакого порядка. У двери стояли козлы с

мечами, на нескольких верстаках было свалено оружие и доспехи, нуждавшиеся в починке. Груда кирас и щитов возле стены явно готова была от малейшего толчка со звоном обрушиться на пол...

Мадезус не пошел в глубь оружейной. Он остался на пороге и нетерпеливо переступал с ноги на ногу, глядя, как его более воинственные сотоварищи выбирают себе снаряжение.

Плотный, мускулистый кезанкиец в конце концов облюбовал себе двуручный меч более трех футов длиной. Сила горца была такова, что он вполне способен был управляться с ним и одной рукой. Гарда меча была искусно выкована в форме распластанных крыльев ястреба. На гонце рукояти красовалась резная ястребиная головка с хищно раскрытым клювом. А лезвие было такой остроты, что Кейлаш, решив попробовать его пальцем, порезался. Подобные мечи неудобно носить у бедра, и горец подобрал себе ременную портупею, чтобы устроить клинок за спиной. Еще он подыскал себе новый шлем вместо того, который потерял в храме. Наручи, усиленные стальными пластинками, завершили его доспех.

Конан не стал связываться ни с латами, ни с кольчугой. Они стесняли движения, да и лишняя тяжесть была ему ни к чему. Его меч и крепкие руки уж как-нибудь защитят его от любой опасности, могущей встретиться на пути. Он долго осматривал груды разнообразнейшего оружия, пока наконец его внимание не привлек кинжал с

широким клинком, торчавший из-под кучи других кинжалов.

Вытащив его наружу, киммериец примерил к ладони черную железную рукоять. У кинжала, выкованного и для рукопашной и для метания, отсутствовала крестовина. Широкое лезвие было длиной почти в локоть. Удовлетворенно кивнув, киммериец загнал клинок обратно в тяжелые кожаные ножны. Швы ножен были укреплены полосками кованой меди, потемневшими от времени. Конан заметил пристальный взгляд Кейлаша, устремленный на его находку, и, не понимая, в чем дело, на всякий случай спросил:

— Что-то не так? Мне следовало бы выбрать другой?

Кезанкиец помолчал, прежде чем ответить.

— Нет, нет, ты волен взять любое, что здесь лежит, — сказал он наконец. — Просто этот кинжал очень стар. Эльдран как-то рассказал мне, что его много веков назад получил в подарок Мельсинис, тогдашний бритунийский король. Мельсинис не родил сыновей, ему некому было передать свое оружие... Может, это его дух подсовывает тебе кинжал? Пусть же он и в бою направляет твою вооруженную руку!

Конан посмотрел на кинжал с пробудившимся сомнением. Только духа древнего короля ему и не хватало! Нет уж, лучше пускай дух Мельсиниса держится от него подальше. И особенно в битве!

Поколебавшись, он все-таки решил взять кинжал с собой.

— Если нам повезет, оружие и доспехи вообще не понадобятся, — подал голос Мадезус. Чувствовалось, что, с точки зрения жреца, их возня в оружейной — пустая трата времени и немало раздражает его.

— Везение — надежда глупцов! — фыркнул Кейлаш. — Будешь слишком надеяться на авось, в конце концов накормишь стервятников. В драке надо полагаться на добрую сталь!

Конан неразборчиво проворчал нечто вроде согласия.

Мадезус вздохнул и тряхнул головой, но в голосе послышалась нотка веселья:

— Что ж, вам видней... Но не забавно ли, что два матерых воителя готовятся к битве дольше, чем невеста — к свадебной церемонии!

Кейлаш покраснел, а Конан напряженно замер: для него эти слова были настоящим оскорблением. Дома, в Киммерии, за подобные насмешки он кому угодно раскроил бы череп. Однако годы, проведенные вне дома, уже научили его сдерживать подобные побуждения. Кейлаш, кажется, хотел резко ответить митраиту, но потом заметил черную злобу на лице киммерийца — и неожиданно расхохотался. Конан еще хмурился, Мадезус посмеивался, а Кейлаш попросту рыдал от смеха, любуясь выражением лица западного варвара.

Наконец, утирая с глаз слезы, он хлопнул широкой лапищей Конана по напряженному плечу и кивнул на дверь:

— Жрец прав! Давай поторопимся, не то...
опоздаем на свадьбу!

Новое святотатство заставило Конана скрипнуть зубами. Чувство юмора, бытовавшее у цивилизованных людей, было вне его понимания. Надеясь по крайней мере прекратить дальнейшую пикровку, он ответил Кейлашу столь же сокрушительным шлепком по спине и следом за ним вышел из оружейной. Втроем они отправились в конюшню, где их уже ждали выносливые бритунийские кони караковой масти. Переметные сумы, наполненные припасами, приятно круглились. Темно-зеленые шерстяные попоны покрывали спины коней.

Кейлаш привычно отстегнул попону своего скакуна, ловко свернул ее и надежно увязал в дорогу. Он вскочил в седло одним гибким движением и взял поводья в левую руку. Конан, менее привычный к верховой езде, провозился несколько дольше, но скоро и он забрался в седло. Ему досталась крупная кобылица, превосходившая ростом двух других лошадей. Она переступала с ноги на ногу, пока он устраивался в седле, но немалый вес седока ее, по-видимому, ничуть не пугал.

Мадезус внимательно наблюдал за тем, как садились в седла его спутники. Потом сделал несколько неуклюжих и вполне безуспешных попыток последовать их примеру. На третий раз он вовсе не устоял на ногах и тяжело свалился наземь. К его величайшему смущению, Конана и

Кейлаша злоключения митраита почему-то привели в буйный восторг.

— Я всего несколько раз ездил на лошади, да и то мальчишкой, — отряхиваясь и потирая отбитую часть тела пониже спины, сообщил им жрец. — Жрецы Митры путешествуют пешком, а не на спинах живых созданий!

В глазах Кейлаша замерцали плутовские огоньки:

— Ничего, мой друг, скоро ты заново всему научишься. Пока доберемся до бритунийской границы, твоя задница тебе все грехи припомнит...

Тщательно проверив, не забыто ли что-нибудь необходимое, путники рысью двинулись со двора. Сон подождет, дружно решили они. Кейлаш даже предложил ехать еще несколько часов после того, как зайдет солнце. Это позволит им достигнуть гостиницы в деревушке Иннасфалн, что у западных отрогов Карпашских гор. Конан не возражал, особенно если гостиница была по пути к твердыне Скаурола. Почему бы и не потратить Эльдраново золото на ночлег, горячую еду и кружку-другую доброго пива?

Трудности начнутся дальше, когда они доберутся до границ Шан-и-Сорха. Он уже присматривался к его очертаниям на картах, нашедшимся во дворце, и страна пустынь показалась ему пугающе обширной. Уже двигаясь рысью на юго-восток, он еще раз спросил Мадезуса, как тот собирается разыскивать крепость. Ему вовсе не

улыбалось день за днем тащиться по безводной пустыне в тщетных поисках неизвестно чего.

— Как я уже объяснял, я могу чувствовать присутствие мутари, — повторил жрец. — Если я не смогу ощутить ее присутствия, нам останется уповать на то, что Митра выведет нас к ней. Мы стоим за правое дело, и я верю, что в трудную минуту Он нас поддержит... Оставь это мне, друг мой, и ни о чем не беспокойся. Мне уже случилось раз недооценить могущество Врагини, и больше этой ошибки я не повторю. Она умна и изобретательна и несомненно заметит нас, когда мы подберемся поближе. Вот тогда-то вам с Кейлашем и придется сокрушать препятствия, которые она воздвигнет на нашем пути!

Конан попытался расспросить его поподробнее: столь неопределенный ответ варвара никак не удовлетворял. Но жрец то ли не мог, то ли не хотел посвящать его во все детали, и киммерийцу пришлось отступить. Кейлаш, ехавший на десяток шагов впереди, не отрывал глаз от дороги и в основном думал о Врагине. Они миновали городские ворота в частном порядке, не привлекая к себе лишнего внимания. Кейлаш был одет как простой горец, ну, может, лишь вооруженный получше обычного, а горцев последнее время у столичных ворот видели часто. Кое-кто из стражи узнал его и приветливо помахал ему, когда он проезжал мимо. Наверное, среди войска пойдет гулять слух о том, что Кейлаш убыл куда-то со срочным поручением от короля...

Конан привлек к себе куда больше внимания. Киммерийцы в Бритунии и так были редкостью, а уж вид синеглазого северного великана, едущего верхом в обществе кезанкийца и жреца-митраита, — это было событие, которое, несомненно, заставит заработать досужие языки. Остовалось надеяться, что умы жителей Пайрогии по-прежнему заняты болезнью короля Эльдрана, который, по счастью, победил смерть и теперь быстро выздоравливал. Нынче же вечером во всех кабачках и пивнушках будет рекой литься вино: народ будет пить за здравие короля и за то, что тревожный период неопределенности и волнений наконец миновал. Так что троих путешественников, несомненно, скоро забудут.

А еще через несколько дней Эльдрану пришли свои нас kvозь фальшивые поздравления короли и видные деятели сопредельных стран. Немедия и ее союзница Коринфия уже планировали вторжение; блестящие планы в одночасье пошли прахом. Король Илдиз Туранский, узнав с двухдневным опозданием о чудесном выздоровлении Эльдрана, весь остаток недели проведет в исключительно пакостном настроении. Илдиз давно собирался отодвинуть свою границу на запад и присоединить Британию к Туранской державе. Уже двигались войска, уже отсчитывалась плата наемникам — оставалось только дождаться кончины Эльдрана. А он!.. Что за несчастье!..

Но был еще один человек, которого спасение короля расстроило больше, чем всех сопредель-

ных монархов, вместе взятых. Этот человек исходил злобой и видел перед собой одну-единственную цель: МЕСТЬ!

Он тоже восседал на крепкой спине карако-вого бритунийского скакуна, и в переметных сумах у него были продовольственные припасы, а плечи покрывал темно-серый плащ, какие носят крестьяне.

Он ехал на юго-восток, неотступно преследуя троих человек, посмевших разрушить последнюю надежду его страны на возрождение и славу. Дорога убегала назад, а в голове Ламици уже зрел новый план. Он все-таки убьет жреца ненавистного Митры, да и тем двоим громилам, его вооруженным приспешникам, ада не избежать.

Глаза евнуха, затененные капюшоном, пристально смотрели вперед. Стеклянные, мертвые глаза сумасшедшего...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ИННАСФАЛН

Первая часть пути промелькнула поистине незаметно. Кейлаш вел за собой спутников зелеными пастбищами Бритунии. Он так хорошо знал эти места, что ему не требовалось ни торной дороги, ни ориентиров. Вечернее солнце озаряло темно-зеленую кромку леса у северного горизонта. Чем южнее, тем больше редел могучий дре-востой, сменяясь неприютными, каменистыми подножиями Карпашских гор.

Путники еще не проехали ни одной деревушки: эта часть страны была весьма редко населена. Кейлаш рассказал им, что заморийский король предъявлял претензии на некоторую часть здешних земель. Правда, до сих пор не было заметно ни передвижения войск, ни устройства горных застав. Кезанкиец страшно этим гордился и объяснял военную сдержанность Заморы мудрой политикой своего короля. Конан помалкивал, но про себя полагал, что здесь особо не на что было претендовать и нечего отстаивать: каменистая земля была почти совершенно бесплодна.

Солнце только-только нырнуло за хмурые вершины Карпашей, когда кезанкиец объявил

короткий привал. И оглядел скалистые предгорья, как будто что-то искал.

— Деревня совсем рядом, — сказал он, удовлетворенно кивая. — Еще два-три часа, и мы на месте. Скоро нам придется спешиться и вести коней в поводу! — Его вытянутая рука указывала на отдаленный подъем. — Заберемся во-он туда, а там и Иннасфалн!

Сгустившаяся темнота и неровности дороги замедлили продвижение. Каменистая тропа местами карабкалась круто вверх, и Мадезус едваправлялся с непослушным конем. Тут требовалася навык, а у жреца его не было. Наконец путешественники достигли травянистого холмика, на котором росли странные деревья: у каждого — всего по две ветки. Кейлаш спешился первым, и Конан со жрецом последовали его примеру. Дальше придется на своих двоих. Впереди виднелась тропинка, начинавшаяся у холма. Она шла вверх и терялась из виду, словно ныряя в каменную стену хребта.

Мадезус с трудом разминал одеревеневшие ноги, осторожно ведя лошадь вперед по тропе. Немного прибавив шагу, он поравнялся с горцем и спросил его:

— Почему в таком безлюдном месте выстроили деревню?

— Через здешние горы ведет всего несколько перевалов, и Иннасфалн запирает узкий проход к одному из них, — пояснил Кейлаш. — Там мы разузнаем новости и выясним, чего можно ждать

на дороге дальше к югу... — И он лукаво подмигнул Конану: — Но там нас ждут, конечно же, не одни только новости! Иннасфалинское пиво славится по всей Бритунии, а девушки, что наливают его, удивительно жизнерадостны и, как говорят, не слишком обременены добродетелью...

При этом он весело косился на жреца, ожидая, как-то примет подобные слова митраит.

— Понятно... — протянул тот с сомнением. — В таком случае вам двоим следует заночевать где-нибудь за околицей, а я схожу в деревню и разузнаю насчет дороги. У нас нет времени, чтобы тратить его на гулянку и пьянство. Нам даже и спать особо недосуг, ибо говорю вам: жрица не спит! Каждое мгновение, потраченное нами впустую, прибавляет ей силы и уменьшает наш шанс на победу. Если бы я только знал заранее...

— Да не беспокойся ты, жрец! — со смехом перебил Кейлаш. — Небось других поддеваешь, а самого и не тронь!.. Не бойся, мы с Конаном ребята взрослые и уж как-нибудь сами за собой присмотрим. Однако нам лучше заехать в гостиницу и выпить кружку-другую, а то люди, знаешь ли, не так поймут. Пойдут всякие разговоры... Я бы лично предпочел не вызывать излишнего любопытства! Да и хозяин гостиницы не знает, кто ты такой. Зато мы с ним когда-то вместе дрались на бритунийской границе!

Мадезус по достоинству оценил логику горца, но все-таки в его голосе прозвучала нотка сомнения:

— Ну хорошо... Пара кружек, не больше, и сразу уходим. И знайте, что в любом случае я проснусь за несколько часов до рассвета и вас подниму. Невзирая на то, в каком вы будете состоянии!

Это последнее замечание вновь развеселило Кейлаша. Зато Конан, с интересом слушавший, как кезанкиец расписывает гостиницу, несколько приуныл. В холодную ночь вроде нынешней грех было бы пренебрегать жаркими объятиями полногрудой гостиничной девки. Со временем его последней встречи с Ивэнной минуло уже несколько дней, и он не видел, каким образом небольшое веселье может повлиять на скорость их продвижения к цели. Пускай Мадезус спит, если хочет, решил он наконец. А они с Кейлашем тем времени славно постучат кружками, а потом подцепят по красотке...

Когда они добрались до деревни, единственным источником света во всей вселенной был холодно серебрившийся диск луны. Бледный лик ее хмуро поглядывал на них сверху вниз. После заката существенно похолодало. Стылый воздух покусывал каждый клочок кожи, не прикрытый одеждой, у лошадей из ноздрей вырывались облачка пара.

На Конана этот холод не производил особого впечатления. Бритунийской осени было далеко до жгучих морозов его родной Киммерии. Кейлаш натянул на голову капюшон и надел шлем поверх него. Его толстая куртка, одежда горцев,

холода не пропускала, и потом, он был родом с северо-востока, где климат сродни киммерийскому. Мадезус страдал больше всех, несмотря на одеяния и плащ. Мысль о теплой, хорошо натопленной гостинице вводила его во все большее искушение. При таких обстоятельствах, думалось ему, Митра простит Своему жрецу посещение рассадника порока и скверны... По крайней мере, хотелось бы на это надеяться!

Иннасфали был совсем невелик. Они проехали мимо нескольких низеньких мазанок; почти все они выглядели обитаемыми. Посередине деревни располагалось несколько более солидных построек, сложенных из дикого камня пополам с глиной и булыжниками. Кейлаш указал спутникам на самый большой дом. Над его облезлой крышей виднелся бритунийский флаг, плохо вязавшийся с неказистой обстановкой вокруг. К деревянным перилам у входа было привязано несколько лошадей.

Окон в гостинице не сыпалось, а кособокий входной проем занавешивал кусок смоленой парусины, служивший вместо двери. Конану вообще-то приходилось бывать еще и в худших гадюшниках, но, если верить первому впечатлению, эту занюханную нору далеко превосходил даже вонючий, недоброй памяти «Эфес».

Тroe путешественников спешились и подошли к коновязи. Конан и Кейлаш привязали лошадей и перегружали себе на плечи снятые с них переметные сумы. Мадезус разминал ноги,

украдкой потирая намученный зад. Воины смачно расхохотались, посмотрев на жреца.

— Сейчас еще ничего, — подожди, то ли будет с тобой завтра! — весело пообещал ему горец. — Может, ты и проснешься прежде нас, но в седла мы точно сядем первыми!

Конан, посмеиваясь, прицепил кошелек с золотом к своему поясу. Вынув две монетки, он передал их Кейлашу:

— Это за... — и добавил, косясь на жреца: — ...проживание.

Кезанкиец ухмыльнулся, но покачал головой:

— Если старина Мальгореш еще здесь, он никаких денег с нас не возьмет!

Сняв шлем, он спрятал его в сумку и вновь натянул капюшон. Без дальнейших проволочек отпихнул парусину в сторону и вошел. Конан последовал за ним.

Киммериец сразу увидел, что его предположения насчет «гадюшника» не подтверждались. Комната была приличных размеров и ярко освещена, вот только народу в ней было много-много. На каждой скамейке кто-то сидел, иные посетители кучковались стоя либо подпирали неровные каменистые стены. Когда Конан и Кейлаш перешагнули порог, в их сторону повернулось несколько голов, и кое-кто прекратил разговор, чтобы, впрочем, почти сразу его возобновить. Чувствовалось, что постоянным клиентам не было особого дела до немногочисленных проезжих.

— Посмотри вон туда! — Кейлаш указал киммерийцу на длинный высокий стол в глубине помещения. По ту сторону стола стоял пузатый, сивобородый мужчина. Он наливал пиво из большой дубовой бочки, стоявшей у задней стены. Бочки, надо сказать, выстроились вдоль стены внушительным рядом. — Мальгореш, чтоб я сдох!.. — в восторге воскликнул Кейлаш и на-пролом устремился сквозь массу плотно стиснутых тел. Конан, не отставая, двигался за ним. Те из посетителей, кто был еще относительно трезв, замечали двоих внушительного сложения воинов и спешно отодвигались в сторонку.

Киммериец наметанным взглядом выделил в толпе гостиничных шлюх и нашел, что они мало соответствовали тому блестательному описанию, которое дал им Кейлаш. Для большинства из них цветущий возраст давно уже миновал, но некоторые определенно заслуживали внимания. Его даже удивило, — откуда бы здесь, в богами забытой деревушке, в дерымовой, не стоящей доброго слова развалиюхе-гостинице, взяться хоть каким-то красоткам?..

— Погоди, — сказал Конан горцу, озабоченно поглядывая через плечо. — Мадезус что-то застрял. Не надо бы его оставлять...

— А, брось! — беспечно отозвался Кейлаш. — Вести в пивнушку священника — все равно что воду в костер лить. Может, он сюда и не хочет, а сразу комнату искать пошел? И потом, я же в основном дразнил его, пока мы сюда

добирались. Девки здешние, правду сказать, последнее время весь свой лоск растеряли. Лично я погреюсь немножко, опрокину кружку-другую и в самом деле спать завалюсь... — Потом в глазах Кейлаша вновь заиграл озорной блеск: — А если наш праведник все-таки явится, надо будет немножко его разыграть. Давай сядем вон за тот столик и начнем глазки строить офицанткам. Воображаешь, какую рожу скроит Мадезус? Ей-ей, зрелище будет стоить той выволочки, которую он потом нам задаст!

Конану выдумка понравилась, и он, на его вкус, воплотил бы ее в жизнь даже в большем объеме, — жрец там или не жрец. Хихикающий пьяничка загораживал ему дорогу, и киммериец отпихнул его прочь. Долговязый крестьянин откачнулся в сторону, умудрившись не пролить ни капли пива из кружки, — подвиг равновесия, которому позавидовал бы искусный жонглер. Впрочем, бросив на Конана один-единственный взгляд, выпивоха счел за лучшее покинуть облюбованное местечко за столом.

Кейлаш тем временем добрался до стойки. Лысеющий хозяин, стоявший позади нее, со стуком поставил несколько пузатых кружек и вытер руки о засаленный фартук, неплотно охватывавший дородное чрево. Вот он повернулся к новоприбывшим... и бородатая физиономия отразила узнавание и радостное изумление.

— Клянусь волосатыми яйцами Ханума-на!.. — вскричал трактирщик. — Если это не

старина Кейлаш, то я — пикт! — Его луженая глотка охрипла от многолетнего крика. Он раскатисто захохотал: — Добро пожаловать, дружище, в лучшую таверну на сто лиг вокруг!..

Кейлаш ответил столь же громогласным хохотом:

— Тем более что она же и единственная на сто лиг вокруг, ты, старый боевой конь!.. — Он ткнул пальцем в направлении внушительной талии Мальгореша: — Я смотрю, ты уж слишком собственное пиво зауважал! Что, сегодня все уже вылакал или найдется по кружечке двоим усталым путешественникам промочить глотки?

Мальгореш окинул Конана подозрительным взглядом:

— Двоим?.. Он что, с тобой или...

— Не говори о нем худого слова, Мальгореш! Его зовут Конан, и родился он в Киммерии, — это такая страна на севере, там все время мороз. И всякий, кто занесет на него меч, будет сперва иметь дело со мной!

— Киммериец!.. Во имя мохнатой елды Ханумана, удивительные дела творятся нынче на свете! — изумился трактирщик. — Воистину странным ветром его сюда занесло, но еще более странно, что вы с ним подружились!.. — Мальгореш поскреб подбородок, его лицо сделалось хмурым. — А что нынче происходит в Пайрогии?

— Здоровье возвращается к королю, — сказал Кейлаш и наклонился вперед. Бросив быстрый взгляд по сторонам, он добавил вполголоса:

— Знай, Вальтреско погиб. И Сальворас. Причем полководца изобличили как государственного изменника!.. Конан и Сальворас убили его в бою, в подземельях дворца...

У Мальгореша отвисла челюсть, пиво расплескалось из наполненных кружек и пенистым потоком растеклось по стойке, проливаясь на пол.

— Изменник!.. — прошипел он и, не обращая внимания на разлитое пиво, тоже наклонился вперед, дабы его зычный голос не коснулся лишних ушей. — Что за скверные новости ты принес, старый друг!.. Хорошо хоть, наш Эльдран выжил...

— Выжить-то выжил, но нельзя сказать, что он совсем в безопасности, — мрачно проговорил горец. — Я бы подробно тебе обо всем рассказал, но, прости, нынче вовсе времени нет. Если будет на то воля Митры, я скоро снова заеду в Иннас-фалн и тогда уже всю историю тебе выложу. Странная это история, и если бы не Конан... И один Митра знает, чем еще она кончится... Завтра мы уезжаем на юг, и хорошо бы ты мне рассказал, что нас там ждет!

— Конечно, конечно! Все расскажу, что только может тебе пригодиться. Но как же все-таки вышло, что Вальтреско...

— Довольно, Гор! Больше никаких вопросов, пока я не ублажу свое нутро хоть несколькими глотками твоего славного пива! Никак ты забыл, что мы с Конаном помираем от жажды? У тебя, верно, башка размягчилась, как и пузо?..

Мальгореш хохотнул и хлопнул себя ладонью по залысине. Подобрав опрокинувшиеся кружки, он наскоро обтер их своим передником. Зачерпнул из бочонка — и поставил перед воителями.

Мадезус стоял снаружи и с сомнением поглядывал на парусиновую занавеску. Ему очень не хотелось идти за Конаном и Кейлашем в сомнительное заведение. Однако за такими жизнелюбами, как эти двое, определенно требовался присмотр. В конце концов митраит подавил свои сомнения и шагнул внутрь, как раз когда его спутники только присосались к своим кружкам.

Внутри таверна оказалась куда просторнее, чем предполагал жрец. Но во всех остальных отношениях она была как раз такова, как он и предвидел. Резкая вонь давно не мытых тел и прокисшего пива мешалась еще с иными, не столь понятными запахами. Похоже было, что деревня набилась в заведение в полном составе. Мужчины всех возрастов и самого разного происхождения плотно обсели не менее чем дюжину грубо сколоченных столов. Мадезус насчитал шестерых официанток и чуть не восемьдесят посетителей. Многие хохотали, то и дело принимались фальшиво петь, другие тянулись друг к другу через столы, пытаясь о чем-то разговаривать, несмотря на всеобщий гам.

Мадезус возблагодарил судьбу за просторный дорожный плащ, скрывавший его жреческое об-

лачение. Не будь плаща, он мигом приковал бы к себе все взгляды: священник в пивнушке!.. Он нисколько не удивился, заметив, что Конан и Кейлаш уже уткнулись в кружки, точно кони в поилку. При его приближении они сдвинули их, произнося тост, и вновь принялись лить в себя густой темный эль.

Вот к двоим мужчинам у стойки развязной походкой приблизилась пышнотелая светловолосая девица. Ее обширные прелести зазывно колыхались под мало что скрывающими клочками ярко-красной хлопчатой ткани. Кто-то из местных опустил руку на ее крепкий кругленький зад; она со смехом оттолкнула руку мужчины. Ее интересовали лишь двое приезжих.

Мадезус, возмущенный безобразием, поспешил к своим спутникам, желая пресечь их вполне возможные развратные поползновения в отношении блудницы. При этом он совсем не смотрел по сторонам и в результате налетел прямо на какого-то плотного коротышку.

Смрадное дыхание этого типа заставило Мадезуса поперхнуться. Оно, пожалуй, остановило бы и разогнавшегося быка. Жрец слегка отвернулся, тщетно пытаясь избежать зловония, которое, точно липкая туча, окружало рябую небритую рожу и сальные спутанные волосы паскудника.

— Извини, пожалуйста, — вежливо сказал он пузатому вонючке.

— Ха!.. Пд нги смотрть нада!.. Тррпишься, смотрю!..

Невнятная речь пьяного идиота была такова, что жрец с трудом ее разбирал. Завершилась же она гулкой отрыжкой и новым залпом зловония, выдохнутого митраиту в лицо. Легче было понять, что именно этот малый сегодня ел и пил, а не что он пытался произнести. Решив не вызывать упившееся ничтожество на дальнейшую скору, Мадезус чуть отступил назад и слегка поклонился. Неряха шагнул мимо, копаясь в ухе грязным пальцем и беспрерывно рыгая.

К тому времени Конан и Кейлаш уже присмотрели себе каждый по соблазнительной девке. Киммериец могучей рукой обнимал изящную талию бледнокожей красотки, а та пальцами с длинными накрашенными ногтями расчесывала его спутанную вороную гриву. Кейлаш обменивался игривыми шуточками с темноглазой прелестницей, облаченной в какие-то узенькие полоски, едва прикрывавшие некоторые участки ее тела.

Заметив Мадезуса, воители замахали ему руками, приглашая присоединиться, и окликнули его, но всеобщий гомон заглушил их голоса.

Мадезус запустил руку в кошель и вытащил две увесистые монеты — два золотых немедийских дракона. Каждая стоила пять золотых аквилонских ноблей. Он сжал монеты в ладони и подошел, моля Митру, чтобы задуманное осуществилось.

— Государыни мои... — обратился он к девушкам и даже вымучил улыбку, ибо к ним весь-

ма мало подходило подобное обращение. — Я по-просил бы вас обеих ненадолго подойти ко мне сюда.

Девицы озадаченно оглянулись на своих кавалеров. Конан и Кейлаш пожали плечами и кивнули, отпуская подружек. Мадезус повернул руки так, чтобы его спутники не могли их видеть, и зашептал:

— Хочу вас предупредить: мои друзья нынче на мели. Они проиграли все свои деньги в кости, пока мы добирались сюда. Ну а мне кажется несправедливым, чтобы такие красавицы, как вы, тратили целый вечер ради нескольких мелких серебряных монет. К тому же эти двое достойнейших молодых людей скоро так напьются, что им станет не до ваших чар... Мне последнее время везло несколько больше, чем им, и я попросил бы вас разделить мою удачу со мной... — И он вложил каждой в руку по золотому дракону. — Пожалуйста, возьмите это, разделите с остальными девушками — и уходите отсюда. Вам и вашим подругам незачем проводить нынешний вечер со здешними негодяями. Ну что, договорились?

Сперва они онемело таращились на богатство, которое при иных обстоятельствах им удалось бы заработать, может, за месяц ежевечерних трудов. Потом две прелестные головки согласно кивнули, хотя видно было, что девушки по-прежнему ничего не понимали. Одна из них откинула волосы и прижалась к Мадезусу, заигрывая:

— А сам ты не хотел бы с нами повеселиться?
Попозже, а?

Звук соблазнительного голоса, зрелище тугой, высокой груди, готовой разорвать стесняющую ее ткань, даже и мертвца подняло бы из могилы. Смущенный Мадезус вежливо отстранился. Подобное бесстыдство приводило его в ужас, но где-то в уголке души таилось и сожаление: эх, не был бы я жрецом Митры, я бы...

— О, нет, милые красавицы, — ответил он, потрясенный нечестивыми мыслями, пусть на краткий миг, но все-таки его посетившими. — Путь наш был долг, и я ни на что, кроме как на сон, уже не гожусь...

Девушки посмотрели одна на другую, целикомудренно улыбнулись, проскользнули сквозь толпу и направились к двери.

Мадезус покачал головой, мысленно моля Митру о прощении за дерзновенные мысли. Эти воители его, похоже, совершенно растали. Только подумать: он, жрец Митры, приучился лгать и раздавать золото шлюхам, хотя бы и во имя добра!.. Вот так и поймешь, почему столь многие из числа священства укрываются в тиши храмов, избегая непотребств греческого мира...

Конан и Кейлаш наблюдали за жрецом сперва не веря своим глазам, потом со все возрастающим изумлением: распутницы одна за другой исчезли из комнаты, точно песок, иссякший в песочных часах. Мадезус подошел к стойке, и в уголках его губ играла улыбка.

— Ну что?.. — спросил жрец. Глаза его поблескивали.

Конан разочарованно покрутил головой и спросил:

— Кром!.. Чего хоть ты им наплел?

— Да! — эхом отозвался Кейлаш. — Куда они вдруг все подевались?

— Я сказал им, что вам нечем заплатить за их внимание, — отвечал митраит. — Друзья мои, у нас и впредь не будет времени на подобные развлечения. Вот разделаемся со жрицей, тогда можете сколько угодно следовать любезному вам покору. А пока — умоляю, не теряйте последних крупиц рассудка! Ведь вы, полагаю, еще не собрались расспросить, что там делается на дорогах...

Конан досадливо нахмурился, а Кейлаш виновато уставился в пол. Потом оба неожиданно захохотали. Мадезус смотрел на них как на умалишенных. Это развеселило воинов еще больше: они попросту покатывались, глядя на недоумевающего жреца.

Несмотря на все веселье, вызванное реакцией Мадезуса, Конан был отчасти разочарован. Про себя он был уверен, что Даринэйс, приглянувшаяся ему золотоволосая бритунийка, охотно провела бы с ним ночь и за жалкую медяшку. Мадезус и Кейлаш даже не подозревали, как много невостребованных жизненных сил переполняло его. Ночь любви с Даринэйс только улучшила бы его настроение. И что этому Мадезусу понадобилось в пивной?..

Кейлаш опустил кружку и с треском опустил ее на стойку. Он оглянулся в поисках трактирщика, но того что-то нигде не было видно.

— Мальгореш!.. — мощный голос горца на мгновение перекрыл шум. — Еще пива!..

За стойкой виднелся черный ход. В отличие от завешенного парусиной главного входа, его перекрывала толстая, обитая железными полосами деревянная дверь. Грубо, но несокрушимо выкованные петли соединялись с вертикальным столбом, вмуренным в стену. Дверь с грохотом отворилась, и на пороге появился Мальгореш. Он был красив и дышал так, словно только что удирал от кровожадных пиктов, вышедших на тропу войны. Толстопузый турانец тащил на могучих плечах сразу два бочонка пива, придерживая их руками.

— Сейчас!.. — рявкнул он в ответ, с тяжким стуком опуская бочонки на пол. С кончика загнутого носа капал пот. — В которую из Девяти Преисподиен Зандру провалились официантки?.. Только я отвернулся, а их и след просты! И хоть бы разрешения попросили уйти!..

Продолжая браниться, он принялся с лихорадочной быстротой зачерпывать кружками пиво и выставлять их на стойку одну за другой. Посетители цапали кружки с той же скоростью, с какой он их наполнял. На стойку шлепались монеты. Ворчливый туранец подхватывал их, не пересчитывая и не заботясь о сдаче, и безошиб-

бочкою отправлял медь и серебро в поясной кошельк. И все это время он неумолчно ругался — изобретательно и цветисто. Совладав наконец с положением дел, он промокнул фартуком взмыленный лоб и вернулся к Кейлашу.

Горец отпил из кружки, стряхнул пену с усов и сказал:

— Хлопотливый выдался вечёрок!

— Да уж, куда хлопотливей... Вот что, я тут подумываю, а не закрыться ли мне сегодня пораньше? Сколько лет прошло с тех пор, как мы последний раз вместе сидели с тобой над бочонком, а? Что скажешь? Не хочешь ли... то есть не хотите ли вы оба со мной посидеть?

— Только не сегодня, старина, — усмехнулся Кейлаш. — Действительно, много лет прошло, и годы кое-чему научили меня. В частности, тому, что пол таверны — не самое лучшее место, где можно провести ночь. Мне и моим спутникам не помешали бы комнаты для ночлега...

— Спутникам?.. — Мальгореш уставился на Мадезуса. Плащ скрывал религиозное облачение, но опытный глаз трактирщика выделил примечательные детали: отсутствие оружия — подумать только, ни даже кинжала! — и простое, видавшее виды убранство. При этом парень не выглядел ни купцом, ни вельможей. Туранец нутром почувствовал, что перед ним колдун либо жрец. Мальгореш тряхнул головой и с сомнением посмотрел на старого друга. Кезанкиец взял кружку и отпил еще.

— Это Мадезус, он... — тут горец прикусил язык, спохватившись, и неуклюже продолжил: — ...он из Коринфии. Он мой друг.

Мадезус протянул руку трактирщику, тот принял ее и энергично потряс. Мадезус почувствовал, как все косточки его кисти трются одна о другую и скрипят в лапе туранца. Он еле удержался от попытки выдернуть разом онемевшие пальцы, но тут трактирщик вынустил их сам.

— Приятно познакомиться, Мальгореш, — кое-как выдавил митраит. — Мы очень благодарны тебе за гостеприимство...

— Пустяки! — лысеющий трактирщик передернул плечами и отвернулся наполнить пивом еще одну кружку. Он поставил ее перед Мадезусом, и тот покосился на добрый сосуд так, словно в нем плавали мерзкие гады. Мальгореш притворился, будто ничего не заметил, но про себя укрепился в убеждении, что странный парень не был простым путешественником. — Мы с Кейлашем знаешь сколько раз плечом к плечу дрались на границе? — сказал он ему. — А последний раз так и вовсе будто вчера! Нас было не более двух десятков, и ехали мы себе по южному берегу Желтой реки, никого, понимаешь, не трогая, и тут на нас вдруг налетает из засады тот немедийский ублюдок Некатор, охотник за рабами. У него было народу раза в три больше, чем у нас, и половину наших парней перерезали еще прежде, чем кто-нибудь понял, что происходит. Клянусь мохнатым хреном Ха-

нумана, во драчка была!.. Аж вода в реке покраснела, и...

Рассказ Мальгореша был самым неучтивым образом прерван появлением какого-то неотесанного типа, от которого разило, как от бойни в жаркий летний день. Покачиваясь на нетвердых ногах, он протиснулся к стойке между Конаном и Мадезусом. Потянул сопливым носом и заорал, перекрыв даже раскатистый голос Мальгореша:

— Пива!.. Разрази тебя гром, пива мне!..

И шарахнулся по столу кружкой, угодив ею Конану прямо по пальцам левой руки. Конан отдернул руку и, раздраженно ворча, двинул пьяницу локтем в живот. Мадезус преисполнился отчаяния, заметив, что это был тот же хмырь, что приставал к нему некоторое время назад.

— Оуммиф!.. — вырвалось у вонючки, когда локоть киммерийца врезался ему под ребра. Его шатнуло назад, но каким-то невероятным движением он устоял на ногах. Пьяно заревев, он размахнулся кружкой, целя Конану в лоб. Тот легко остановил удар, вскинув руку наперерез, а другой, сжатой в железный кулак, расплющил изрытую оспой паскудную рожу. Мужик невнятно взвыл, отлетая назад с раздробленной челюстью, но, уже падая на пол, успел запустить в Конана кружкой.

Судьба направила неловко брошенный сосуд киммерийцу прямо в физиономию. Конан уклонился и отбил кружку ладонью, но пиво все-таки

плеснуло ему в глаза, и оттого-то тяжелая кружка, соприкоснувшись с его рукой, отлетела аккурат в лоб Кейлашу. Кружка была железная (иначе давно разбилась бы при очередном падении на пол таверны), да и удар оказался что надо. Горец еще какой-то миг оставался в сознании и даже успел пожалеть, что так опрометчиво снял шлем. Потом в глазах почернело, он тяжело навалился на стойку и сполз на пол.

Мальгореш попытался предотвратить намечавшееся сражение. Нехорошо, конечно, что его друг получил по голове, но и потасовка в пивной была ему совсем ни к чему.

— Тихо!.. — заорал он во все горло. — Стойте, кому говорю! Если уж так охота почесать кулаки, деритесь на улице!

Увы! Те, к кому он обращался, были порядком под мухой и остались глухи к его призывам. Конан сжал кулаки и всадил их своему полуоглушенному противнику в бока. Характерный звук ломающихся костей смешался с потоками умопомрачительных ругательств. Вонючка выплюнул кровавые осколки зубов и стал звать на помощь (насколько ему позволяла изуродованная челюсть):

— Кулг!.. Винак!.. Брата Ванзу бьют!.. — провыл он, оседая на пол и прижимая руки к помятой грудной клетке. Его начало шумно рвать.

Двое, сидевшие за ближайшим столом, огляднулись. Разговоры в тавerne постепенно начали

затихать, воцарилась нехорошая тишина. Кулг, громаднейший звероподобный детина, поднял голову от кружки. Он очень походил на нечесаного Ванзу, корчившегося на полу у ног киммерийца, только был раза в два выше брата и, если это вообще возможно, еще уродливее его. Он был до того волосат, что люди не уставали строить шуточные предположения насчет его возможных предков, — заглазно, естественно. Косматая борода Кулга начиналась от самых глаз. Отлогий лоб, кустистые брови — и черная шерсть, лезущая из засаленного ворота куртки. Кулг не стал великим умом, даже если сравнивать с балбесом Ванзой, но, как часто бывает с такими людьми, легко приходил в ярость. И в особенностях, когда его родственник валялся на полу и плакал от боли!

Винак, сидевший рядом с Кулгом, извлек откуда-то небольшой, остро отточенный нож и спрятал в ладони. Он ничуть не походил на старшего брата. Он был плюгав, подл и труслив. Не сводя с Конана глаз, он готовил метательный нож и только ждал, чтобы киммериец повернулся спиной.

Кулг действовал прямолинейно. Издав утробное рычание, он оторвал необъятный зад от жалобно заскрипевшей скамьи. Растопырил волосатые, с отросшими ногтями пальцы — и ринулся прямо на Конана.

Варвар действовал инстинктивно, — по части кабацких драк опыт у него был богатейший.

Он отскочил с нути волосатого гиганта, а когда тот тяжело пролетал мимо — подставил ему ногу. Кулг с размаху ухнул вперед, соприкоснулся со стойкой... та явно не была рассчитана на то, чтобы ее крушили тараном. Или подобной башкой. Она опрокинулась, сшибив с ног Мальгореша. Полетели кружки, пиво всплеснулось фонтаном. Туранец только взмахнул руками: его опрокинуло на пол и прижало столешницей. Мадезус, удрученный развитием событий, понял, что все равно не сможет их остановить, и нагнулся осмотреть ушибленную голову Кейлаша.

Тем временем Конан, обернувшись, поймал руку Кулга, смахивавшую на древесный ствол, и завернул ее детинушке за спину. Одновременно он пнул пьяницу под колено; оба приземлились на перевернутую стойку, то есть опять же на Мальгореша, охнувшего на полу. Винак, наконец-то увидев прямо перед собой беззащитную спину Конана, привычным движением отвел назад руку...

Мадезус заметил отблеск стали.

— Конан!.. — крикнул он. — Сзади!..

И отчаянно бросился к Винаку, надеясь испортить ему бросок.

Трусливый метатель ножей на миг призадумался: может, лучше проткнуть странного незнакомца в зеленом плаще?.. Потом все-таки торопливо бросил нож в Конана и юркнул прочь. Кажется, пора было уносить ноги.

Киммериец услышал крик митраита, но откатываться, уходя от ножа, было попросту некуда.

По счастью, жрец все-таки испортил Винаку бросок. Нож прошел в нескольких футах выше цели и глубоко воткнулся в один из пустых пивных бочонков. Придя в ярость, Конан сгреб Кулга за нечесаные патлы на затылке и несколько раз подряд вмазал его рожей в исподнюю сторону столешницы.

Кто-то из посетителей подставил удиравшему Винаку подножку. Тот полетел кувырком, врезался в стол и проворно забрался под него. У сидевших за столом расплескалось пиво из кружек, и они не задумываясь выместили обиду на ближайших соседях. Драка начала распространяться по таверне со скоростью степного пожара...

ГЛАВА ШЕСТИНАДЦАТАЯ

ПРОЩАНИЕ

Ламици добрался в Иннасфали примерно на час позже Конана, Мадезуса и Кейлаша. Крадучись, вошел он в деревню и провел коня к гостинице, стоявшей посередине селения. Вот уже много лет ему не приходилось забираться так далеко от столицы. И ни разу еще он не путешествовал на сколько-нибудь значительные расстояния в одиночестве. Ему было холодно, в непривычном теле ныла каждая косточка, но решимость Ламици ни разу не была поколеблена. Более чем когда-либо евнух был сосредоточен на мести.

Внешне за последние несколько дней он изменился так, что люди, встречавшие его во дворце, были бы потрясены, увидев его теперь. Он страшно осунулся и, казалось, разом постарел лет на двадцать. Глаза, обычно спокойные и безмятежные, налились кровью и лихорадочно горели. А под глазами набрякли темные мешки, как если бы Ламици не спал несколько суток подряд. Однако одержимость, доведшая евнуха до такого состояния, одновременно придавала ему необыкновенную энергию и силы двигаться дальше. О собственном своем будущем он давно не задумывался. Будущее?.. Он убьет тех, кто

разрушил мечту всей его жизни. И какая разница, что будет потом!

Они были здесь. Он увидел их лошадей, привязанных к перилам таверны. Потом его слуха достиг невероятный таарам, происходивший внутри. Встревоженный Ламици на всякий случай обошел здание и привязал коня к дереву. Потом прислушался, надеясь различить голоса тех, за кем гнался. Безрезультатно. Изнутри доносились только вопли дерущихся и треск сокрушающей мебели. Ламици как можно ниже натянул на лицо капюшон и осторожно приблизился ко входу в таверну.

Он очень боялся быть узнанным, но, едва войдя внутрь, понял всю необоснованность своих страхов. Здесь и самого короля не узнали бы. От стены до стены таверны бушевал водоворот брыкающихся, орущих, машущих кулачищами человеческих тел. Ламици увернулся от двоих вдрывг пьяных болванов, весело превращавших в фарш лица друг друга, и пробрался в относительно тихий уголок, куда еще не докатилось сражение. Может быть, оттуда ему удастся рассмотреть свои жертвы?

Евнух почти сразу заметил Конана, орудовавшего кулаками на другом конце помещения, футиах в тридцати от него. Варвар ожесточенно дрался с какой-то волосатой гориллой, превосходившей ростом даже его. Ни Мадезуса, ни Кейлаша не было видно. Ламици решился положиться на капюшон, вроде бы надежно прикрывавший его

черты, и дюйм за дюймом заскользил вдоль стены, подбираясь поближе к Конану. Вот прямо перед ним в стену врезалась железная кружка, потом пришлось переступить через несколько тел, уже отключившихся от мирских забот. Дерущихся было не менее сорока человек, и всеобщая неразбериха служила крадущемуся убийце самым лучшим прикрытием, какое можно придумать. Никто не обращал внимания на человека в плаще, тихонько пробирающегося в глубину комнаты, где все еще выясняли отношения Конан и Кулг.

К изумлению киммерийца, Кулг упорно отказывался терять сознание. Конан размазывал его по опрокинутой стойке, влепливал в каменную стену и, кажется, сломал гиганту одну волосатую руку. И что же?.. Кулг знай вставал и устремлялся на Конана. Когда он понесся на варвара в очередной раз, Конан решил не уступать дороги и, если потребуется, переломать ему остальные кости. А не поможет — вытащить наконец меч и принять еще более суровые меры.

Вот Кулг подскочил к нему, и Конан, извернувшись, приготовился отправить человекаобразную обезьяну в полет. Но в этот момент кто-то дернул его за ногу, мешая совер什ить нужное движение. Это проблевавшийся Ванза на какое-то время перестал нянчиться с поломанными ребрами и решил отплатить обидчику. Конан рывком высвободил ногу, и тут в него врезался Кулг. Делать нечего, пришлось падать

на спину и принимать на себя свалившуюся сверху тушу. Недовольно рыча, Конан потянулся к мечу...

В нескольких шагах от него Мадезус без большого успеха пытался привести в чувство Кейлаша. Железная кружка оставила на лбу горца уродливый след, расшибив череп и содрав лоскут кожи, болтавшийся и кровоточивший. Жрецу оставалось только клясть себя за то, что не сумел удержать своих товарищей от посещения столь малопочтенного места. А ведь он с самого начала был против!

Вздохнув, он сунул руку в кошель и вытащил небольшую баночку мази. Щедро обмазав рану, чтобы прекратить кровотечение, Мадезус многоопытными пальцами ощупал лоб горца и обнаружил в кости звездообразную трещину. Совладать с такой раной было непросто. Чтобы спасти Кейлаша, придется использовать амулет.

— Мальгореш!.. — окликнул он туранца, только еще вылезавшего из-под стойки.

— Что с ним? — подползая и тяжело отдуваясь, осведомился тот. — Плохо?.. Клянусь волосатыми...

— Он жив, но нужно скорее перенести его в спокойное место, где я смогу заняться его черепом, — сказал жрец.

Вместе они кое-как оттащили обмякшее тело к задней стене. Мадезус вытащил амулет и устроился так, чтобы никто во всей комнате, кроме Мальгореша, не заметил серебряной семиконечной

звезды. У туранца округлились глаза, и митраит поспешил предупредить:

— Никому не говори о том, что ты здесь видел.

Мальгореш облизал губы и поднялся:

— Что ты, никому ни пол слова, клянусь шерстью на Ханумановых...

Он не мог оторвать глаз от амулета.

— Лучше постараитесь прекратить драку, пока твою таверну по камешку не разнесли, — посоветовал Мадезус. Отвернулся и положил руку на окровавленный лоб Кейлаша. В другой руке он держал амулет. Закрыв глаза, жрец негромко запел исцеляющую молитву.

Мальгореш прохромал туда, где катались по полу Конан и Кулг. В ногах трактирщика, там, куда пришелся удар столешницы, тяжело пульсировала кровь. Выбрав среди развалин какого-то стола доску поувесистее, он шарахнул ею Кулга по голове.

Дубовая доска гулко обрушилась на затылок громилы, но череп у того был, по-видимому, из гранита: Кулг даже не вздрогнул. Не веря собственным глазам, Мальгореш размахнулся снова, уже изо всей силы. На сей раз Кулг басовито заворчал и перестал душить Конана, чтобы потереть ушибленное место ладонью.

Получив возможность дышать, киммериец не стал тратить времени даром и тут же вывернулся из смертоносных объятий. Его колено врезалось в лоб упрямого Кулга, а Мальгореш импровизи-

рованной палицей огrel гиганта по спине. Тот зашатался и медленно поник на колени. Мальгореш хотел приложить ему снова, но исполин здоровой рукой перехватил конец доски и попытался выдернуть ее у туранца. Тот не захотел выпускать, но только заработал полные ладони заноз.

Размахивая новоприобретенным оружием, Кулг покачивался на месте, тugo соображая, кого из нападающих сплющить вначале, кого потом. Конан без дальнейшего промедления выхватил меч и с беспощадной яростью занес его над головой. Мальгореш попятился, протягивая руку к Винакову ножу, торчавшему в пустом бочонке.

Ламици, скучожившийся в десятке футов от них, понял, что заветное мгновение наступило. Все спины, в том числе и Мадезуса, были обращены к нему. И на жреце не было даже кожаного камзола, способного смягчить удар. Евнух подбирался все ближе к ничего не подозревавшему митраиту, возносившему над Кейлашем спасительную молитву в уголке помещения. Стол, поваленный набок, надежно укрывал его от посторонних глаз... Ламици скользил вдоль стены, отворачивая рукав и нашупывая ножны стилета. Он уже слышал негромкое пение митраита. Он вытащил кинжал из ножен... и замер на месте, потому что жрец неожиданно замолчал.

Мадезус завершил исцеляющую молитву и открыл глаза. Кейлаш закашлялся и слабо за-

шевелился рядом с ним на полу. В это время жрец услышал у себя за спиной отрывистое шипение и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть тонкую полоску стального лезвия, нацеленного прямо в него. Он поспешил вскочил, но совсем увернуться не успел. Стилет полоснул его по левой руке и впился в плечо. Мадезус все-таки дотянулся и ухватил Ламици за рукав. Рана показалась ему неопасной, — чуть погодя он легко залечит ее.

Но Ламици засмеялся сквозь стиснутые зубы:

— Умри, глупец!.. Заплати за свои преступления против моей страны!..

И Мадезуса накрыла волна чудовищной боли, хлынувшей изнутри. Яд!.. Жрец повалился на пол и выронил амулет. Ламици схватил его, но амулет неожиданно вспыхнул. Он обжег евнуху ладонь и на миг ослепил. С амулетом в одной руке и отравленным кинжалом в другой Ламици крутанулся на месте и бросился прочь. Амулет постепенно остывал, свет его меркнул. Евнух спрятал его во внутреннем кармашке плаща, ощупью добрался до двери и выскочил вон.

А Мадезус еще пытался найти и открыть лекарскую сумку, отчаянно призывая своего бога и чувствуя, что раздирающая боль вот-вот дойдет до сердца. Он попытался позвать на помощь, но воздух не достигал легких. Понимая, что это конец, Мадезус закрыл глаза, поручил свою душу Митре и безмолвно ушел из мира живых...

Когда по глазам ударила вспышка света, Конан мгновенно обернулся, выдирая из простертого тела Кулга окровавленный меч. В десяти футах от него, сжимая тонкий кинжал, вдоль стены быстро пробирался некто в сером плаще. Варвар бросил быстрый взгляд в дальний угол комнаты — и потрясенно ахнул! Опрокинутый стол не давал возможности рассмотреть всей картины, но он увидел обмякшую, безвольно вытянутую руку жреца. А вокруг быстро растекалась большая лужа крови...

Не размышляя, Конан бросился следом за незнакомцем в сером плаще. Точно взбесившийся бык, проложил он себе дорогу сквозь всеобщую свалку. Он быстро настигал убегавшего, тем более что тот двигался неуверенно; наполовину вслепую, и не подозревал о своем грозном преследователе. А Конан мчался за ним, как буря, и, настигая, испустил жуткий боевой клич своей родной Киммерии. Он уже видел влажный блеск крови на клинке убегавшего и не сомневался, что это кровь жреца.

Варвар изготовился для выпада: еще миг, и он насадил бы убийцу на меч, точно свинью на вертел. Ему помешал ничтожный Винак, скрючившийся под столом. Запнувшись о его выставленную ногу, Конан выронил меч, а потом, потеряв равновесие, упал сам. Меч лязгнул об пол в нескольких футах от распростертого киммерийца, а Ламици выскоцил за дверь и растворился в ночи.

Упустив убийцу, Конан от ярости потерял человеческий облик. Его глаза застлал багровый туман. Он схватил Винака за лодыжку и выволок его из-под стола. Винак пронзительно завизжал, извиваясь в железных тисках, в которые угодил.

— Мерзкий сучонок! — взревел киммериец. — Ступай в ад следом за братом!..

Голова Винака врезалась в стену с тошнотворным хрустом, какой производят раздавленная гнилушка. По камню размазалась отвратительная серо-красная жижа...

Кровь Конана клокотала по жилам, в висках стучало. Он подхватил меч и отшвырнул с дороги мешавший ему стол. Разыскать убийцу жреца!.. Содрать с него живьем шкуру!..

За его спиной не в меру разошедшийся деревенский житель схватил здоровенный кусок доски и без разбору крушил им всякого, кто оказывался в пределах досягаемости. Подняв в очередной раз свое громоздкое, но весьма убедительное оружие, верзила опустил его сзади на шею киммерийца. Удар был таков, что доска разлетелась в щепы. Конан сделал еще несколько неверных шагов в сторону двери и, по-прежнему сжимая меч, свалился на пол таверны. Прополз еще сколько-то футов... Потом его глаза закрылись, а голова стукнула о порог.

Когда Конан очнулся, утреннее солнце уже плыло к зениту. Оно светило сквозь окна жилой комнаты в гостинице Мальгореша. Не вполне

понимая, что происходит, киммериец кое-как поднялся на ноги и первым делом нашарил меч. Потом в его памяти всплыли более чем скверные события вчерашнего вечера. Он поник на жесткую лежанку, на которой провел ночь, и принял ся растирать затылок. Он вздрогнул от боли, наткнувшись на шишку размером с финик, набухшую в основании черепа.

Голова киммерийца гудела, точно боевой барабан. Его мучило: он слишком быстро поднялся на ноги. Все же он выпрямился и прошаркал ногами в угол комнаты, где стояла большая миска с водой. Судя по всему, он находился в одной из каменных построек деревни. Наверное, в той, что стояла рядом с таверной.

Он жадно отпил несколько глотков воды, а остальное вылил себе на голову, чтобы хоть как-то отделаться от боли. Он понятия не имел, кто и чем нанес ему удар, и только надеялся про себя, что его обидчику пришлось еще хуже. Найдя свой меч благополучно прислоненным к стене, он забрал его и стал оглядываться дальше. Каким-то чудом кошелек с золотом ухитрился не покинуть его ремня. Конан мысленно возблагодарил Крома за то, что тот дал ему силы быстро очнуться после вчерашних событий. Жизнь, в конце концов, не так уж плоха, если в руке меч, а на поясе — кошелек с деньгами!

Выбравшись наружу, он увидел, что не ошибся в своих догадках: он в самом деле отлеживался в одном из домиков, принадлежавших гостинице.

До пивнушки было не более тридцати шагов. Он увидел небольшую кучку деревенских, торчавших у входа, и стал гадать про себя, как там Мальгореш и Кейлаш.

Мадезус... Тягостно было думать об этом, но Конан чувствовал почти наверняка: Мадезуса нет в живых. Воспоминание о брезвально вытянутой руке жреца, о бледной кисти, торчавшей из пропитанного кровью рукава, наполнило его яростью и отчаянием. Месть! Месть!!! — кричало все его существо.

Но сперва он выяснит, что же стало с Кейлашем.

Наружная дверь таверны была загромождена. Несколько деревенских жителей нехорошо покосились на Конана. Притихнув, они разошлись при его приближении. Осталось только двое стариков, смотревших на подходившего киммерийца. Он не помнил, чтобы эти седобородые были вчера в заведении.

— Где Мальгореш? — сипло спросил Конан. Ему было не до любезностей.

Один из старцев только хмыкнул, возмущенный его тоном, и решил не отвечать. Второй, чье лицо было изборождено морщинами и обветрено, точно сами Карпашские горы, долго молчал, прежде чем заговорить. Потом беззубый старец оперся на посох, наклонился вперед и все-таки ответил.

— Внутри. Заперся. Все утро там просидел, — сообщил он Конану.

Он говорил безразличным тоном, очень невнятно.

Конан шагнул мимо и замолотил кулаком в деревянную баррикаду, окликая Мальгореша по имени голосом, от которого из стен чуть не начали вываливаться камни. Потом, потеряв терпение, попросту отпихнул завал и вошел внутрь.

Мальгореш стоял посреди комнаты. Его бледное лицо и поникшие плечи многое объяснили киммерийцу яснее всяких слов. Судя по всему, трактирщик предпринимал вялую попытку прибраться у себя в заведении.

— Я все это нагромоздил вчера вечером, чтобы никто не лез, — объяснил он Конану. — Там вообще-то есть задняя дверь, так что если бы ты подождал...

— Ладно, — перебил молодой варвар. — Где Кейлаш и Мадезус?

— Вас с Кейлашем, — был ответ, — я вчера оттащил в комнаты, чтобы вы могли оправиться от ран. Так что Кейлаш, полагаю, все еще спит. Вчера он получил так, что кому похлопче хватило бы помереть. А уж удар, который достался тебе, взбешенного кабана уложил бы на месте. А ты стоишь себе целехонек...

— Мадезус... — выдавил из себя Конан, заранее ужасаясь ответу.

Мальгореш молча указал на один из столов у стены. На нем очень тихо и неподвижно лежал жрец. Конан подбежал и откинулся угол плаща,

натянутого на лицо. Вид мертвого спутника наполнил его душу горем. И новой жаждой отмщения.

— На нем всего одна рана, — тихо сказал Мальгореш. — Порез на плече.

Конан осмотрел эту рану, и его брови сошлись к переносице. По его мнению, от таких ран люди не умирали. Порез был совсем невелик и жизненно важных органов ну никак не затрагивал. Оставалось предположить, что убийца жреца намазал свой стилет какой-то смертоубийственной дрянью. Так, значит, Мадезус погиб не от несчастного случая в драке. Это было убийство, расчетливое и хладнокровное.

Сдерживая ярость, Конан внимательно осмотрел тело, ища другие повреждения. Но ничего не нашел. Мальгореш тем временем принес кожаную сумку целителя и положил ее на стол.

— Драка кончилась вскоре после того, как тебя свалили, — сообщил он Конану. — И те, кто затеял ее, получили по заслугам. Ты убил Кулга и Винака, а их брат умер к утру. Кроме них, пострадал только твой друг... Такое у нас и прежде случалось, и в таверне и снаружи. Кулг и его братья были родом гирканцы, сущие отбросы. Они ехали в Замору через наши места... Скверный ветер дул вчера в вашу сторону, парень!

— Я заметил убийцу, когда он удирал, — сказал Конан. — Когда я поймаю его, он узнает, что это такое — перебегать дорожку киммерийцу!..

Холодная решимость и угроза, звучавшая в этих словах, заставили Мальгореша вздрогнуть. Спасибо богам, что ему ни разу не доводилось поссориться ни с одним киммерийцем! Он спросил:

— Как ты собираешься его разыскивать? Его уже небось и след простили. Он несколько часов назад убежал!

Конан ответил вопросом на вопрос:

— Сколько троп ведет из вашей деревни?

— На лошади можно проехать только по двум — на запад и на восток. А пешком — куда душе угодно...

— Узнай, не видел ли кто чужака в сером плаще, удиравшего по какой-либо тропинке. Не у всех же мозги вчера были пропитаны твоим пивом! Я заплачу золотом тому, кто наведет меня на его след!

И Конан как можно подробнее и точнее описал Мальгорешу убийцу. Он не упомянул только о нескольких деталях, с тем чтобы изобличить возможный обман. Прежде чем уйти, Мальгореш вынес ему кувшин воды, черствый хлебец и кусок холодной говядины. Есть киммерийцу совсем не хотелось, но все-таки он принялся за мясо и хлеб, продолжая раздумывать про себя о странной смерти жреца.

Осмотр тела дал ему две зацепки, и обе ему весьма не понравились. Одной зацепкой был обрывок голубого шелка, найденный в сжатом кулаке жреца. Другой была не то чтобы находка, вернее — ее отсутствие. Он нигде не обнаружил

амулета Мадезуса. Видно, кто-то стащил его, скорее всего — сам убийца. Да, именно это казалось Конану наиболее вероятным.

Он все еще ломал больную голову над этой загадкой, когда в дверях возникла знакомая физиономия.

— Конан! — окликнул Кейлаш, не вполне уверенно вваливаясь в комнату. — Мадезуса не видал?..

Конан молча отодвинулся в сторону, чтобы Мадезус мог видеть лежавшее на столе тело.

— О, Митра!.. — задохнулся горец. Потрясение и ужас согнали с его лица последнюю краску. — Кто его так?.. За что?.. — Он сжал кулаки и грохнул ими о стену, потом отвернулся. — Это работа жрицы или кого-то из ее злобных приспешников!.. Другого объяснения быть не может!.. Первый же вечер нашего путешествия — и мы остались с носом!..

Конан молчал.

У Кейлаша горло перехватывало от отчаяния и горя.

— Теперь все!.. — убивался он. — Как мы уничтожим эту дрянь без его силы? Он сам говорил, все наше оружие против нее — тьфу! Жрица выиграла, и теперь Эльдран снова... Нам всем конец!

— Если мы еще не протянули ноги, как Мадезус, значит, нас рановато оплакивать, — мрачно перебил Конан. — Что бы ни ждало впереди нас или Эльдрана, мы должны отдать Мадезусу

последний долг. И долг этот в том, чтобы поквитаться за него и сделать то, чего сам он не успел. Я видел убийцу, но получил по башке и не смог до него добраться. Но ничего, доберусь. Мальгреш обещал расспросить народ и выяснить, не видел ли кто, как он удирал из деревни.

— Во имя Митры, ты прав! — приободрился кезанкиец. — Мы выследим негодяя, изрубим его на мелкие части и бросим стервятникам. Я не знаю смерти позорней!.. Покончим с ним — и решим, что делать с мутари!

Скверные предчувствия насчет всеобщего конца по-прежнему одолевали Кейлаша, но он нашел в себе силы хотя бы на время отрешиться от них.

— А заодно, — ровным голосом добавил Конан, — вернем и похищенный амулет. Может, другой митраит с его помощью сумеет одолеть черную жрицу.

— Его амулет!.. — снова ахнул Кейлаш. — Украден!.. — Потом спросил: — Какой смертью умер Мадезус?

Конан показал горцу небольшую рану в плече мертвого.

— Яд, скорее всего, — пояснил он. — Да, и вот что еще я нашел... Он держал это в кулаке.

Мог ли он предвидеть, что «это» вызовет такую бурю чувств!.. При виде кусочка шелка, вынутого из кулака у Мадезуса, у Кейлаша попросту отвисла челюсть. Могучего горца шатнуло, он схватился за стол, чтобы не упасть.

Вид голубого клочка потряс его сердце и на миг помрачил рассудок. Ему показалось, будто худший кошмар его жизни обернулся явью, и все страхи разом обрели плоть. Ибо кусочек шелка мог означать только одно. Кейлаш отчетливо понял, от чьей одежды его оторвал умирающий жрец. Ошибки быть не могло. Мадезуса пырнул отправленным ножом Ламици, главный евнух Правящего Дома Бритунии...

— Какой же я болван!.. — простонал кезанкиец. — Трижды проклятый болван!.. Зачем, зачем я ему доверял...

— Кому? — рявкнул Конан нетерпеливо. — Да говори толком, парень!..

Кейлаш принялся торопливо рассказывать ему о Ламици и о той роли, которую главный евнух играл в каждодневной жизни дворца. Рассказывая, он не уставал себя костерить. Киммериец слушал его и не мог взять в толк, почему он так казнится. Каким образом он мог распознать в Ламици изменника?.. И вообще, что делать приличному воину вроде Кейлаша в столице с ее беспрестанными изменениями, лживой политикой и мелким подсиживанием?.. Сам Конан от всех этих дворцовых интриг через день-другой точно сошел бы с ума.

— Нужно выследить его! — багровея от ярости, бесновался Кейлаш. — Не знать мне ни сна, ни отдыха, пока не вырву из груди его черное сердце и не отправлю пакостную душонку гнить на самом дне преисподней!..

Конан был вполне с ним согласен. По его убеждению, предатели вроде Ламици были хуже личинок, копошащихся в выгребной яме.

— Мадезус будет отомщен, — сказал он. — Но я не стал бы недооценивать этот кусок дворцового говна. Он либо очень хитер, либо невероятно везуч, а скорее всего, то и другое сразу. Я-то думал, только мы двое да Эльдран знали, куда мы отправились!

— Верно, — чуточку остывая, согласился Кейлаш. — Мы ведь не знаем, что известно негодяю, а что нет. Состоял ли он в союзе с Вальтреско, или со жрицей, или с обоими?

— Не важно! — сказал Конан. — Хоть с самим Сетом!.. Все равно я пойду за этим шлюхиним сыном хоть в Бездну и не успокоюсь, пока не проткну его насеквоздь! Пошли послушаем, что там разузнал Мальгореш, да проведаем наших коней! Куда бы ни скрылась гадюка, от нас ей не уползти!..

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПУТЬ ЗМЕЯ

Как оказалось, Мальгореш не вытянул из деревенских почти ничего интересного. Те, кого в тот вечер не было в его заведении, в большинстве своем мирно спали дома. Когда Конан и Кейлаш разыскали кабатчика, раздосадованный туранец передал им те жалкие крохи, что ему удалось собрать.

— Одну старушку ночью разбудил цокот копыт, — сообщил он хмуро. — Ее зовут Сирницея... Она жрица Викканы и живет одна-одинешенька в домике на восточной окраине деревни.

— Надо переговорить с ней, — решительно сказал Конан, хотя упоминание еще об одной жрице заставило его внутренне содрогнуться.

— Сирницея слепа, да и с головой у нее... — усомнился Мальгореш. — Вряд ли вы от нее чего-то дознаетесь.

— Все равно отведи нас к ней, — упрямо проговорил киммериец.

Мальгореш еще немного поспорил, но потом все-таки проводил их к жилищу старухи. Домик оказался невелик, но вполне крепок, хотя и выглядел старше тех, что они видели в западной части Иннасфална.

— Она жила здесь еще до того, как было основано поселение, — как бы подслушав их мысли, пояснил Мальгореш. — Кое-кто говорит, будто она встречала наступление Года Льва не менее двенадцати раз. Не знаю, правда ли это, но вот то, что, когда рождались старейшие из здешних стариков, она была повитухой, — это истинная правда!

И он указал им на сутулую старую женщину, как раз вышедшую из дома.

Конан сразу поверил в то, что старухе давно перевалило за сотню. Ее распущенные седые волосы почти достигали колен, а лицо было сморщено точно яблоко, высохшее на солнцепеке. Услышав голоса, она повернулась туда, где стояли мужчины. Любой с первого взгляда признал бы в ней слепую. Глаза Сирницеи были плотно закрыты веками, словно окна ставнями в непогожий день. Сама она была маленькая, худенькая и сгорбленная. Она напоминала Конану узловатое дерево, согнутое годами и бурями. Согнутое, но не сломанное.

Они приблизились к Сирницее и вежливо поздоровались.

— Я — Конан, северянин, — представился варвар. — А это Кейлаш, кезанкиец из...

— Имена, имена... — пробормотала старуха. — Я слишком стара, чтобы запоминать имена. Да и что мне в них толку?.. Подойдите, чтобы я могла прикоснуться к вашим чертам. Лицо человека — вот истинное окно в его душу...

Конан и Кейлаш скептически переглянулись. Малыгореш скрестил на груди руки и устремил взор в небеса. Решив потрафить старухе, два воителя подошли к ней вплотную. До лица киммерийца Сирницея при всем желании не смогла бы дотянуться, и он встал перед ней на колени. И держал в узде свое нетерпение, пока ее узловатые пальцы блуждали по его скуластому, покрытому шрамами лицу. Покончив с ним, Сирницая точно так же «осмотрела» Кейлаша, потратив на него заметно меньше времени.

— Суровые лица воинов, — опуская руки, сказала она наконец. — Суровые и печальные. Нехорошо, когда у молодых ребят вроде вас такие лица... Что привело столь могучих воителей в нашу бедную деревушку?

— Мы ищем одного человека и надеемся, бабушка, что ты нам поможешь его отыскать, — сказал Конан. — Говорят, вчера вечером ты слышала, как мимо твоего дома на восток проскакала лошадь?

— Да, и это обеспокоило меня и показалось весьма странным, — задумчиво отвечала старуха. — Не звук разбудил меня, но ощущение зла... Тот, кто скакал в ночи, был вестником смерти. И присутствие этой смерти точно ледяными пальцами стиснуло мое старое сердце...

— Так ты уверена, что он скакал на восток?.. — нетерпеливо вмешался Кейлаш.

— Ты можешь сам удовлетворить свое любопытство, — загадочно ответила бабка, но тут же

пояснила: — Лошадь пронеслась всего в нескольких шагах от этого места и потоптала мой огород.

Мужчины разом оглянулись в сторону недавно вскопанного огорода. Там в самом деле виднелось несколько совсем свежих отпечатков копыт. Они указывали на восток.

— Спасибо, бабушка Сирницея! — искренне поблагодарил Кейлаш. — Стало быть, на восток, Конан!..

Киммериец извлек из кошелька золотой и вложил его в руку старухе.

— Богатая награда всего за несколько слов!.. — Сирницея была явно удивлена щедростью Конана. — Странным показался мне проезд злого всадника... чувствую, сынок, твое горе как-то связано с этим человеком. Когда он скакал мимо меня, я ощущила еще кое-что... некую искорку тепла и добра, разгонявшую зло. Я уже встречалась с ней раньше, но не могу припомнить, где и когда. Старость — это вор. Он подкрадывается в ночи и крадет мои воспоминания, когда я сплю. Будь готов встретить этого вора, когда он пожалует и к тебе... — Она помолчала немного, потом отвернулась и продолжала: — А он придет непременно, будь ты крестьянином, воином... или королем.

Они вновь поблагодарили ее, но про себя были согласны с Мальгорешем в том, что касалось бабкиного рассудка. Однако, так или иначе, теперь у них была четкая цель. Они знали, в

какую сторону скакать и что делать. Они распрашивались с Мальгорешем и пустились вперед — по следу Ламици.

Туранец набил их сумки продовольствием на дорогу так, что те чуть не трещали по швам. Кейлаш предложил ему несколько золотых за труды и на ремонт разгромленной таверны. Мальгореш отказался наотрез, зато пообещал отправить тело Мадезуса домой в Коринфию в сопровождении нескольких надежных парней. Они отвезут его в храм и с рук на руки передадут Калетосу для надлежащего погребения.

Что же касалось успокоения отлетевшей души, то об этом все трое молча помолились каждый своему богу.

Воины молча выехали из Иннасфална... Говорить им было особо не о чем, а вот следы, возможно оставленные Ламици, следовало высматривать со всей тщательностью.

Выслеживать евнуха оказалось неожиданно трудно. Оба преследователя были опытными следопытами, но их объединенных усилий только-только хватало. Во многих местах на каменистой тропе не удавалось разглядеть вообще ничего. Оставалось надеяться на инстинкт. И не уходить далеко от дороги. Так они и поступали, и в конце концов отыскивали все новые подтверждения: Ламици здесь побывал.

Между тем — хотя они об этом и не подозревали — тропа, по которой они продвигались, не была безымянной. Путешественники называли

ее Путем Змея. Узкая, извилистая, она петляла между неприступными скалистыми кряжами, об разовывавшими естественную границу Британии с юго-востока. Кое-где тропа суживалась так, что приходилось ехать гуськом. В этих местах двое странников особенно усердно оглядывались по сторонам, — не напороться бы на разбойничью зasadу!

Полуденное солнце стояло над головами. Оно обогревало тела, но отнюдь не сердца. Конан первым нарушил молчание, длившееся уже несколько часов:

— Как ты думаешь, почему он поехал не в город, а на юго-восток?

Кейлаш ответил тотчас, ибо сам размышлял о том же:

— Он знает, где прячется жрица. Не знаю, каким образом и откуда, — но знает. Наверное, он хочет предупредить ее о нас... или получить награду за убийство Мадезуса. Все равно! Мы должны остановить его прежде, чем он к ней доберется. Незачем ей знать, что Мадезус погиб. Мало ли что она примется делать, узнав, что жрец ей более не противостоит!

— Поймаем, — уверенно проговорил Конан. — Обязательно поймаем подонка. Еще не бывало такого, чтобы пожилой евнух, выросший в городе, сумел удрать от киммерийца, взявшего его след! А я не успокоюсь, пока не окуну свой меч в его вонючую кровь и не отправлю черную душонку печься в аду!

Они почти не делали привалов, проезжая Путем Змеи, и останавливались только затем, чтобы напоить лошадей и дать им отдых. По счастью, недалеко от дороги было множество небольших озер, питаемых горными ручейками. Конан беспрестанно ворчал — ему все казалось, что привалы были слишком частыми, — но Кейлаш настаивал. Лошадей следовало поберечь для изнурительного путешествия, которое им еще предстояло. Кезанкиец надеялся, что Ламици скоро загонит своего коня и будет вынужден продолжать путь пешком. Конан подумал и нехотя с ним согласился.

Погода благоприятствовала им почти весь день. К вечеру, однако, в небе начали собираться тучи. Солнце скрылось, и сразу повеяло холдом. Дорога между тем все время вела вверх, так что и без того было не жарко. По сторонам еще попадались деревья, но голого камня становилось все больше. И уже несколько часов минуло с тех пор, как они в последний раз видели след Ламици.

Каменистая почва и сумерки еще больше затруднили их поиски. Конан проклинал злую судьбу, загнавшую их в эти горы. Он начинал понимать, почему бритунийцы не опасались нашествия из Заморы. Только воинство верхом на горных козлах сумело бы легко и быстро преодолеть скалистые громады Карпашей. Лошадям приходилось туго даже на тропе: кое-где двоим спутникам приходилось спешиваться и вести их

в поводу. Хорошо хоть, лошадки были выносливые и неприхотливые. Они проходили скальные теснины, карабкались на уступы и уверенно одолевали осыпи.

Двигались путешественники медленно. К вечеру, по оценкам Кейлаша, они прошли не более тридцати лиг. Точнее сказать было трудно: горы окружали их со всех сторон, не давая как следуя определить расстояние.

— Придется заночевать здесь... — сказал на конец Кейлаш, устало сползая наземь с седла.

— Давай проедем еще! — возразил Конан. — Тучи разорвало, скоро выйдет луна. Небось как-нибудь не сбьемся с тропы!

— Это верно, — сказал горец. — Но что, если он свернет куда-нибудь с дороги?

— Вряд ли, — нахмурился Конан. — Лошади все равно не пройти иначе как по тропе. Да и сам он... Эти утесы не препятствие для горцев Кезанкии или Киммерии, но дворцовому евнуху на них нипочем не взобраться. Давай поднажмем, пока окончательно не упустили его!

Кейлаш вздохнул, поглядывая на закат.

— Ладно, веди, — сказал он наконец, снова забираясь в седло...

Они перекусили прямо на ходу, не произведя заметного опустошения в сумках с провизией, которой предусмотрительно снабдил их Мальгреш. В одном углу сумки, висевшей у него при седле, Конан обнаружил наполненный мех; он вытащил затычку и поднес горлышко к губам.

Пиво было не вполне свежим, но он рад был и такому. Нанившись, он передал мех Кейлашу.

Отведав, горец шумно чмокнул губами.

— Когда отгримит эта история, — сказал он, — надо будет непременно заехать в Иннасфалн еще разок и заплатить Мальгорешу по счету, — а он, право слово, все возрастает! И пиво у него хорошее, и сам мужик что надо... а уж до чего складно рассказывает!

Конан согласно кивнул:

— Я что-то не слыхал, чтобы туранцы служили в бритунийском войске. Он туранец или все-таки бритуниец?

— И то и другое, — ответил Кейлаш, вновь прикладываясь к пиву. — В основном он туранец. Его бабушка была бритунийкой, рабыней. Немедийцы взяли ее в плен, а будущий дедушка Мальгореша — вызволил. Самого его родители вырастили в Султанапуре, у моря Вилайет. Он был еще мальчишкой, когда они уехали из Турана и перебрались на запад, в Замору. Там до сих пор живет большая часть его семьи... в деревне севернее Йезуда. Может, нам еще доведется проезжать теми местами.

— В Замору, говоришь? — с интересом спросил Конан. — А сам ты там раньше бывал?

— Много лет назад, — ответил кезанкиец. — Мы с Мальгорешем тогда пересекли горы и посетили его родню. Только ехали мы через другой перевал, южнее. Ну и в сам Йезуд не стали соваться. Это город ненормальных, сдвинувших-

ся на своем бого-пауке, Зате. Человеку в здравом уме с тамошними фанатиками каши не сварить!

— Я вообще-то в вашей Пайрогии оказался проездом, — поделился с товарищем Конан. — Я в Замору путь держал. Я много разного слышал о Шадизаре и Аренджуне и о том, сколько там всяких сокровищ. А вот про Йезуд — только слухи и сплетни.

— Самые скверные из которых, уверяю тебя, совершенно правдивы, — содрогнулся Кейлаш. — Многим людям укоротило жизнь не в добрый час случившееся посещение этого города. Я надеюсь, боги проведут нас мимо Йезуда!

— Пока они ведут нас почти прямо на восток, почти не отклоняя к югу, — заметил Конан. — Скоро в Кезанкийских горах окажемся, если только прямо к югу скоро не повернем.

— Да, — отозвался Кейлаш, — моя родина отсюда недалеко. Но должен тебе сказать, Кезанкийские горы почти так же непроходимы, как здешние. Много лет я там не бывал... — Он задумался и примолк, потом неожиданно спросил: — А что ты собираешься делать в Заморе? Ты воин, а не воришка.

Конан ответил, ничуть не стыдясь:

— Воровством я за вечер могу добить столько, сколько солдат — за целый год тяжких походов. Ты сам видел, в какую историю я влип у вас в городе. А все потому, что законы и обычай вашей цивилизованной жизни для меня — бред сивой кобылы. То ли дело в Заморе! О законе там и

не слыхивали, и жителям тамошним плевать, откуда пришел человек и что у него в прошлом. Человек на жизнь там зарабатывает мечом, а значит, безбедная жизнь мне обеспечена.

Кейлаш покачал головой:

— Даже лев погибнет, свалившись в яму со змеями. Попадешь в Замору — почаще оглядывайся через плечо, а то и моргнуть не успеешь, как всадят в спину кинжал. Ворья там хоть отбавляй, и многие норовят стащить больше, чем кошелек!

— Ну, только не у киммерийца, — самоуверенно заявил Конан.

— А может, потом вернемся в Пайрогию? — предложил кезанкиец. — Нам до зарезу нужен новый капитан, и плата больше, чем тебе кажется! — Он указал на мешочек с деньгами, висевший у Конана на ремне. — Ты уже видел, как великодушен Эльдран. А что касается женщин...

— Нет, дружище, — Конан помотал головой. — В Заморе тоже, верно, бабы водятся. В вашем городе я буду себя чувствовать как в клетке. Что мне там делать? Лупить по лбу пьяничек да орать на бестолковых стражников?.. С ними, между прочим, любой десятилетний мальчишка из наших кланов справился бы...

Кейлаш собрался горячо возразить, но потом передумал и промолчал. На самом деле его оценка городской стражи не намного превышала данную Конаном. Оставив разговор, он опустил глаза к тропе... и едва не свалился с лошади от удивления.

— Смотри!..

Конан, ехавший впереди, остановил коня и вернулся немного назад. Кейлаш указал ему на совсем свежую кучку конских яблок.

— Лошадь Ламици?.. — предположил кезанкиец.

— Или другого какого-нибудь путешественника, — проговорил Конан, но неуверенно.

Не сговариваясь, оба подтолкнули своих коней пятками, вынуждая пойти рысцой. Они были почти уверены, что снова взяли след евнуха. Они напрягали зрение, высматривая возможные следы на тропе, — насколько это было возможно в неверном свете луны. Когда небо полностью прояснилось, с него глянули первые звезды...

Так они ехали еще несколько часов со всей скоростью, которую могли себе позволить. Больше им не попадалось никаких признаков того, что здесь когда-либо побывал Ламици, но они упорно стремились вперед. Наконец они все-таки решили расположиться на ночлег и немного поспать, а заодно дать отдохнуть коням. Разложив одеяла, они завернулись в них и тотчас заснули...

Между тем Ламици таился гораздо ближе, чем они отваживались предполагать.

После своего бегства из Иннасфална евнух отчаянно гнал коня. Полуослепленный вспышкой амулета Мадезуса, Ламици попросту запаниковал. Теперь еще Конан, чего доброго,пустится за ним в погоню!.. Если бы не глаза, он

спрятался бы у самого входа, и глупый варвар, выскочив из таверны, как раз и напоролся бы на ядовитое жало его стилета. Но зрение слишком медленно возвращалось к нему. По-прежнему наполовину ощупью он пробрался вдоль стены, едва найдя в потемках дерево, к которому привязал свою лошадь...

К тому времени, когда он наконец отыскал коня, он чувствовал только СТРАХ — такой, какого не испытывал еще никогда! Он потерял слишком много времени; киммериец вот-вот бросится на него из темноты и разорвет, точно бешеный пес. Кое-как евнух вскарабкался в седло и, колотя пятками, с места пустил лошадь бешеным галопом. И скакал несколько часов, прежде чем осознал, что едет на восток. Зрение наконец вернулось к нему, но не смелость. К тому же он знал: если повернуть назад, он столкнется носом к носу с киммерийцем. И с друзьями, которые вполне могли киммерийца сопровождать...

Значит, следовало держать нуть на восток. И надеяться, что удастся отыскать какое-нибудь укрытие и отсидеться. Если Конан вправду погнался за ним, Ламици будет просто тихо сидеть и ждать, пока тот не удалится на приличное расстояние. Решив так, евнух продолжал двигаться на восток. Скоро, впрочем, он понял, что спрятаться будет не так-то легко. Никаких укрытий вблизи тропы не было видно. С обеих сторон вздымались скалы или стояли плотные

группки деревьев, сквозь которые он все равно не смог бы прорваться. Делать нечего, он ехал дальше, надеясь, что укромное местечко все же отыщется...

Евнух двигался, конечно, медленнее, чем Конан с Кейлашем. Не с его убогими навыками было состязаться с ними в скорости на горной тропе. Однако у него была порядочная фора, да и останавливалась для поиска следов ему не приходилось. Про себя он радовался тому, что дорога была сплошь каменистой. Когда попадалась грязь, могущая сохранить отпечаток копыта, он ее тщательно объезжал.

И вот теперь он спал едва ли не в трех лигах от своих преследователей. И если те двое спали богатырским сном здоровых и чистых сердцем людей, то Ламици без конца одолевали тревожные сновидения.

Ему снилось, что он — маленькая серая мышка посреди нескончаемого открытого поля. Поле простипалось во все стороны: некуда убежать, негде спрятаться...

За ним гнались. Стояла ночь, и евнух-мышка не знал, что именно за ним гналось, но *что-то* кружило над головой. И искало его. Он слышал шорох кожистых крыльев и пока еще далекий, пронзительный крик. Он замирал в ужасе и все смотрел вверх, стараясь постичь природу преследователя. Он видел только одинокий глаз, быстро приближавшийся к нему. Темно-багровый глаз с непроглядной щелью зрачка...

Силы оставили его, и Ламици, не двигаясь, ждал смертного часа. И вот острые когти и кривые зубы впились в его плоть, раздирая тело на части...

Ламици с воплем проснулся и принял оглядываться по сторонам, точно так же как делал это во сне. Жуткого глаза не было видно — только белое, как кость, ко всему безразличное око луны. Дрожа всем телом, евнух облегченно вздохнул. Неподалеку стоял его конь, привязанный к дереву. Ламици уже собирался снова лечь и попытаться заснуть, когда заметил краем глаза странное, бирюзовое свечение у самой земли.

Оно исходило из кожаной сумки, которую евнух бросил рядом с собой. Ламици распутал завязки и заглянул внутрь. Амулет жреца едва заметно светился. Это не понравилось убийце, он принял рваться в поисках какой-нибудь тряпки, способной заглушить ненавистный свет. Найдя наконец клок черной ткани, он как можно плотнее замотал амулет. Вот так-то лучше! Ламици уже вновь затягивал ремешки, когда за спиной, совсем рядом, прозвучал знакомый голос:

— Доброй ночи, Ламици!

Это был женский голос, порождавший странное эхо. Евнух судорожно крутанулся на месте.

— Азора!.. — ахнул он потрясенно. — Ты здесь!.. Каким образом...

— Это неважно, — отвечала жрица мутари. — Слушай внимательно. Ты должен будешь сделать так, как я тебе говорю.

Мутари стояла перед ним, закутанная в черный плащ, почти невидимая в ночной темноте. В лунном свете смутно белело только лицо, да и его наполовину скрывал низко надвинутый капюшон. Губы поблескивали алым, словно только что смоченные кровью. Длинные рукава одеяния прятали кисти рук, а нижний край плаща касался земли.

— Слушаю и повинуюсь, о жрица... Я твой раб, как всегда. Молю тебя, ответь мне только... Почему Эльдран до сих пор жив?

— Его хранят могучие Силы, — ответила Азора. — Жрец Митры, Мадезус, носит талисман, который мешает моей магии.

— Он больше не носит его, жрица! Я убил митраита! Прошлой ночью, в деревне! Я заколол его отравленным кинжалом. Я видел, как он умирал!

— В самом деле?.. — Ее глаза впились в самую душу евнуха, словно вытряхивая наизнанку его память и проверяя, не пытается ли он солгать. Потом ее губы дрогнули в улыбке мрачного торжества, она рассмеялась так, что у него пробежал по коже мороз. — Неплохо сработано, евнух!.. Тогда тебе остается сделать только одно дело. Ты должен принести мне талисман... Амулет, который он носил. Он наделен великой силой, древней и смертоносной. Без него ни один человек — и даже жрец проклятого Митры! — не сможет мне противостоять!..

Ламици улыбнулся:

— Этот амулет здесь, со мной, моя госпожа. Я вынул его из мертвой руки митраита!

Он подхватил свою сумку и с торжеством извлек из нее замотанный в тряпицу амулет.

Азора попятилась на несколько шагов прочь:

— Погоди! Я еще не готова его лицезреть. Говорю тебе, в нем заключена Сила, способная бороться со мной и без участия жреца. Ты должен ехать вперед по тропе до конца, а когда доберешься до восточных предгорий Кезанкиев — поверни к югу. Храни талисман! Принеси его в Шан-и-Сорх, в мою крепость! Там я буду в силах уничтожить его.

На лице Ламици отразилось непонимание.

— Я здесь не во плоти, болван! — раздраженно пояснила мутари. Она протянула к евнуху руку, и палец, увенчанный черным ногтем, неосозаемо прошел сквозь его тело. — Ты видишь всего лишь мое отражение. Мое могущество так возросло, что я по своему произволу могу посыпать его издалека!

Ламици попытался что-то понять, потом спросил:

— Как же я разыщу твою крепость, высоко-внимая жрица? Я никогда не путешествовал так далеко на юг и...

— Когда ты повернешь к югу, я вновь пошлю тебе мое отражение. Принеси талисман, и как можно быстрее! Я уничтожу его, и с Эльдраном будет покончено. Уже ничто не сможет отвратить его гибель!

— Есть одна трудность, моя госпожа, — сказал Ламици. — Конан и Кейлаш еще живы. Не знаю как, но они избежали ловушки, подстроенной им в храме, и теперь гонятся за мной!

По лицу Азоры прошла тень беспокойства. Будь здесь побольше света, евнух, возможно, заметил бы в глазах жрицы нечто подозрительно напоминавшее сомнение.

— Ты не должен дать им себя поймать, — сказала мутари. — На таком расстоянии от моей крепости я мало чем могу тебя защитить. Скачи быстрее! Нас еще разделяют сотни лиг, но ты должен их преодолеть. И держи талисман надежно спрятанным!

Образ Азоры рассеялся, а луну затянули тонкие облачка. Ламици протер глаза, зевнул и стал собирать вещи. Он доберется к Азоре и отдаст ей амулет. И может, с ее помощью все-таки возродит былые надежды. Чего бы ему это ни стоило, он не дастся в руки преследователям: пусть гонятся за ним — навстречу погибели. Посмеиваясь, погнал он коня на восток, и вскоре между ним и двумя спящими воинами пролегло множество лиг...

СПЯЩИЙ В ПЕСКАХ

Азора висела в воздухе в нескольких футах над полом библиотеки в крепости Скаурола. Потом лениво опустилась на пышный ковер, сквозь который тем не менее чувствовался холод каменного пола. Жрица сидела неподвижно, больше похожая на картину, чем на реальное существо.

Несколько часов она вот так левитировала над полом, обшаривая тонкие миры в поисках эманаций амулета Мадезуса. Ее тело, оставшееся в материальном мире, не дышало, красные глаза не моргнули ни единого раза. Предоставленная самой себе, плотская оболочка Азоры всего лишь бездумно парила, оставаясь якорем для невидимой нити, привязывавшей дух. Отыскав наконец в астральных сферах то, что искала, Азора вернулась в себя самое.

Способы путешествий в эфире она почерпнула из толстых томов, хранившихся в библиотеке Скаурола. Таких томов здесь были многие сотни. И в каждом таились давно позабытые секреты черной магии. Когда Азора впервые вошла в библиотеку, ее охватило невольное благоговение. Таких необозримых хранилищ тайных зна-

ний она еще не видала. Она знала со слов Кзима, что в твердыне Скаурола было запрятано немало сокровищ. Но они ее не интересовали. Библиотека была для нее важнее любого золота и драгоценностей.

Кзим отказался последовать за нею в книгохранилище. Она оставила его в прихожей и забыла о нем, углубившись в изучение премудростей. Пусть себе бежит по своим паучьим делам. Ее ждали бесчисленные полки, заставленные древними фолиантами, и кипы аккуратно разложенных свитков. Библиотека была громадна: потолок отстоял от пола на добрых двадцать футов, и буквально каждый дюйм стен занимали полки и стойки для свитков. Сложи вместе дюжину самых потаенных стигийских хранилищ — не наберешь и полстолько!

И самой первой книгой, которую она отобразила для пристального изучения, стал, конечно же, колдовской том, собственоручно составленный Скауролом.

Книга была громадна. Он покоялась на особом столе, составленном, как мозаика, из человеческих костей. Переплет был из кованой меди, изрядно потемневшей от времени. Толстые, с золотым обрезом страницы пожелтели, но рассыпаться еще не собирались. Первые две трети книги были убористо исписаны рукой Скаурола. Тысячи слов теснились на каждой обширной, как простыня, странице. В отличие от сходных по содержанию книг, которые прежде читала Азора,

здесь совсем не было ни рисунков, ни чертежей. Зато страницы светились сами собой — это позволяло читать их, даже если комната была погружена в кромешную темноту.

Последняя треть книги не была заполнена. Странно...

Добравшись до пустых страниц, Азора попыталась прочесть несколько предшествовавших. Язык оказался ей непонятен. Досадуя, она начала листать книгу задом наперед, пока не добралась до читабельного раздела. И с головой погрузилась в его изучение. Много часов спустя, несколько утолив свою духовную жажду, она решила опробовать на практике кое-что из постигнутого.

Самым интересным ей показалось искусство эфирных путешествий. Для тонких миров расстояния не имели никакого значения; по утверждению книги, дух мог быть в мгновение ока послан за тысячи лиг. Азора стала очень тщательно произносить заклинания, долженствовавшие отделить ее дух от тела. Сначала ничего не получилось, но она не оставляла попыток, пока в самом деле не отправилась странствовать сквозь неосозаемые дебри астрала.

Из Скауроловых записей следовало, что странствующий дух мог наблюдать за событиями физического мира, сам оставаясь невидимым. Азора решила это проверить, а заодно посмотреть, что стало с недоумком Мадезусом и его двоими громилами там, в храме, где для них была

приготовлена столь замечательная ловушка. Она ожидала найти их растерзанные, изуродованные тела, но не обнаружила ничего. Забеспокоившись, она отправилась на поиски Балберота: неужели архидемон не смог уничтожить троицу смертных?.. Она отдала мысленный приказ своему духу... и ее понесло сквозь жуткий хаос Нижних Миров, в самую глубину.

Дух Балберота, лишенный всяческих оболочек, обнаружился в одной из бездн преисподней: там пребывали демоны, вовсе изгнанные из физического мира. Она когда-то читала о том, что такие бездны существовали, но никакие описания не могли тягаться с реальностью. Перед ее духовным оком предстал невообразимый хаос, населенный бесплотными призраками, вечно корчившимися в неистовых муках. Их терзала бессильная ярость, которой до скончания веков не суждено было найти выхода. Содрогнувшись, Азора поспешила вернуться в библиотеку, в свое тело...

Как же так вышло, что у Балберота не получилось?.. Мадезус, жалкий жрец, при всем желании не мог справиться с демоном Древней Ночи, чье могущество приближалось к могуществу младших богов. Потрясенная Азора вновь и вновь задавалась этим вопросом, но ответа по-прежнему не было. Наверное, думалось ей, вмешался Сам Митра: изгнать демона Древней Ночи под силу разве что богу. Но если с Мадезусом в самом деле пребывала воля Митры,

это значило, что жрец намного опаснее, чем ей казалось поначалу. Необходимо было срочно его разыскать!..

Азора вернулась в тонкие миры и отправилась на поиски.

Почему-то вместо Мадезуса ее дух набрел на Ламици. Старый осел спал на обочине дороги, петлявшей между скалами в Карпашских горах. Азора не поняла, почему ее вынесло к евнуху, но решила воспользоваться случаем и попробовать еще одно замечательное искусство, детально описанное Скауролом. Она внедрилась в его сновидение и разбудила его.

Когда Ламици с воплем вскочил, она стала его расспрашивать. То, что она от него узнала, и порадовало, и озадачило ее. Итак, жрец мертв!.. Евнух остановил его сердце необоримым ядом. Она сама когда-то пользовалась подобной отравой и знала, что спасения от нее не было; оживить Мадезуса теперь не сможет никто. К тому же — чистое везение! — Ламици завладел его амулетом.

Азора не знала в точности, какую роль играл этот амулет во всех последних событиях. Ей было только известно, что для нее он смертельно опасен. Ибо это последняя реликвия Ксуоквелоса, одного из худших врагов мутари. Азора не сомневалась, что амулет участвовал в разрушении заклятия Смерти, наложенного ею на Эльдрана. А может, он и от Балберота своего обладателя уберег...

Ламици принесет его ей. Она не осмелилась ни прикасаться к амулету, ни даже смотреть на него, но со всей определенностью знала, как истребить его силу. Погрузить его в кровь человека, утратившего душу, — и амулету конец. Это будет последняя служба, которую сослужит ей Ламици. Азора начала отнимать у евнуха душу с тех самых пор, как они повстречались. Теперь оставалось совсем немного, но мутари оттягивала удовольствие. Человек, лишенный души, как известно, ничего не боится, жрица же собиралась сполна насладиться пыткой, когда он станет ей уже вовсе не нужен. И потому Ламици еще сохранил последний клочок души.

Страх приведет его к ней и не позволит даже думать о бегстве. Азору беспокоили только те двое, гнавшиеся за Ламици. Если они поймают евнуха, то отберут у него амулет и попробуют обратить его против нее. А не получится — разыщут кого-нибудь, кто умеет пробуждать его силу.

Пока Ламици отделяло от преследователей расстояние, Азора была в безопасности. Они были еще слишком далеко, и сама она ничего не могла с ними поделать. Но и это не страшно. Скоро они приблизятся, и тогда она сумеет до них дотянуться...

Оставшись без жреца и без амулета, они мало что смогут ей противопоставить. Убить ее?.. Обыкновенная сталь не сможет причинить ей вреда. Она будет пытать их сколько захочет.

А потом скормит паукам, живущим в нижнем чертоге. Пусть полакомятся! Азора решила сделать детей Зата своими домашними питомцами. Всех, кроме Кзима. Она не доверяла ему: слишком умен. Она прихлопнет его, но несколько позже. Сейчас ей было не до него.

Время работало на нее, и она это знала. Даже если Ламици и его преследователи будут мчаться круглые сутки галопом, не делая передышек, они доберутся до Шан-и-Сорха самое раннее через неделю. В действительности, конечно, они прибудут гораздо позже. И все это время она будет упорно трудиться, впитывая магические познания Скаурола. И особенно пристально будет она разыскивать главнейшую из тайн великого мутари: бессмертие. Множество магов, живших в разные времена, пытались раскрыть секрет жизни и смерти, но удалось это лишь Скауролу. Исторические хроники сходились в одном: он был низвергнут прежде, чем успел совершить все ритуалы и обрести бессмертие. Ей, Азоре, не следовало опасаться столь печальной судьбы. Потому что не было больше смертного, способного встать у нее на пути.

Жрица вернулась к костянику столу с возложенной на него книгой-страшилищем. И принялась читать — страстно, запоем. Где-то здесь, внутри этого медного переплета, таился ключ к вечной жизни. Азора начала читать с самой первой страницы. Она не даст себе отдохна, пока не найдет этот ключ.

Кзим в ожидании таился за дверью библиотеки... Его прежний хозяин, Скар, когда-то говорил ему: настанет день, и придет женщина.

«У нее будут такие же глаза, как у меня, — наставлял Скар. — Покажи ей тайный проход и предупреди о старушках. Поднимись с нею на самый верх, но в Тайный Чертог не входи! Спрячься в нише над дверью и ожидай моего возвращения. Засим наделяю тебя даром речи, дабы, когда придет женщина, ты мог стать ей проводником...»

Сказав это, Скар прикоснулся к телу Кзима длинным пальцем с черным загнутым ногтем. От этого прикосновения тело и разум паучка волшебным образом изменились, и он обрел дар речи.

А потом настал день, когда к воротам крепости приблизился странный седовласый муж и окликнул хозяина по имени. У человека была с собой длинная серебристая пика. Кзим помнил слова, которые произнес Скар, когда открывал двери и выходил навстречу незнакомцу.

«Этот глупец думает, будто меня можно убить, — пробормотал хозяин. — Откуда ему знать, в какую глубину ушли мои корни! Даже если ему удастся задуманное, полностью он меня не уничтожит. Через несколько коротких столетий, когда его тело обратится в прах, а гробница будет забыта, я вернусь в мир живых. И не дам покоя этому миру...»

Скар поручил Кзиму оставаться в нижнем чертоге, пока не придет женщина. Больше он не сказал ему ничего. Просто вышел за ворота и отправился в пустыню на поединок с седоволосым.

Кзим не испытывал никаких чувств, следя сквозь распахнутые ворота за их короткой, но страшной борьбой. Кончилась схватка тем, что седоволосый пронзил Скара своим серебряным копьем. Когда это произошло, тело хозяина крепости попросту обратилось в пыль, и никогда не утихающий ветер пустыни унес ее вдаль. Подхватив пыль, ветер начал усиливаться, пока не превратился в настоящую бурю. Летящий песок заставил незнакомца отступить от стен крепости. Буря захлопнула тяжелую дверь, в щель которой подглядывал Кзим. И еще много месяцев бушевал над цитаделью самум, отгоняя искателей сокровищ и любопытных исследователей. Когда же ветер наконец улегся, башня была полностью засыпана. На поверхности пустыни не осталось ни малейшего следа.

Потянулись века... Нестареющий Кзим прилежно нес бессонную стражу, ожидая предсказанного хозяином появления женщины. Медленно перемещались желтоватые дюны, и наконец крепость сбросила песчаный саван, так долго укрывавший ее от мира. К тому времени уже никто не памятаовал о ее существовании. Отрывочные упоминания сохранились лишь в нескольких пыльных свитках да в книгах,

которые годами не открывала ни одна живая душа...

Но вот настал час, предопределенный много столетий назад.

И пока Азора лихорадочно углублялась в рукопись Скаурола, а Кзим ждал неизвестно чего, притаившись в нише над дверью, пески за стенами крепости пришли в движение. Только на сей раз не ветер гонял их туда и сюда. Мириады песчинок перетекали и шевелились сами собой, точно рои крохотных насекомых. Причем не все, а лишь некоторые. Избранные. Остальные если на какое-то время и поднимались над землей — тут же падали обратно.

Так проходили часы. Солнце пересекло безоблачное небо над Шан-и-Сорхом и ушло за западный горизонт. С течением времени шевелящегося песка становилось все больше, пока на конец перед воротами крепости не завертелся небольшой пыльный вихрь. Он разрастался крупица за крупицей и становился плотнее. К наступлению темноты он достигал уже семи футов в высоту. Покачиваясь и вращаясь, вихрь двинулся к каменной двери, словно ведомый неким невидимым разумом...

Возле самой двери он остановился и начал изменять облик. В нем постепенно возникало мужское обнаженное тело. Оно проявлялось начиная со ступней ног, как если бы некто вливал плоть в незримую форму. Песчинка за песчинкой присоединялись к нему, и крутящийся вихрь

мало-помалу иссяк. Вместо него перед дверью стоял могущественнейший мутари земной истории. Стоял возрожденным.

Низкий, раскатистый смех Скаурола разнесся над бесплодной равниной... Протянув руку, он толкнул тяжелую дверь, и она отошла легко, точно невесомая шелковая занавеска.

Босые ноги бесшумно ступали по каменным плитам. Скаурол пересек входной покой несколькими широкими, размашистыми шагами. Гладкое светлокожее тело играло завидными мускулами, идеальные пропорции казались слишком совершенными. Нигде не было ни малейшего изъяна; лишь очень внимательный взгляд заметил бы на груди и посередине спины тонкие округлые шрамы — след серебряного копья, пронзившего его много лет назад. Зубы и ногти Скаурола были черными, как и у Азоры, а губы — белыми. На голове и теле не росли волосы, не было даже ресниц и бровей. Глаза, черные, непроницаемые, казались двумя полированными угольными шарами.

Он направился к иллюзорной стене, скрывавшей лестницу наверх, и завесы паутины раздвинулись перед ним. Скаурол с удовольствием отметил про себя, что «старушки» по-прежнему стерегли ложные двери, сидя все так же, как он их посадил. Он миновал стену и вступил в коридор.

Высоко над ним, в башне, Азора откинулась в кресле, глядя на лежавший перед нею том. Она

была совершенно без сил. Несколько дней усердных занятий вымотали ее похуже, чем даже Перемещение. Она летела по страницам, как в трансе, не замечая усталости. А теперь готова была свалиться от изнеможения. Зато какая власть ей отныне принадлежала! Какие страшные тайны!..

Большая часть книги была посвящена описанию всевозможнейших пыток. Каких только не было здесь способов исторгнуть у беспомощной жертвы ужас и боль!.. Азора горела нетерпением скорее испытать эти замечательные способы в деле. Где там, наконец, Ламици?.. Надо будет отправить свой дух в астральное путешествие и посмотреть, что поделывает евнух. Но не теперь. Сперва нужно восстановить магическую энергию, почти исчерпанную за чтением книги...

Азора вынула из кармана плаща небольшую чашку из тонкого металла со странными символами, выбитыми на стенках. Следом появилась коробочка размером с ладонь, вырезанная из древесины плотоядного дерева «каламту». Сдвинув крышечку, Азора вынула спрессованный комочек сущеных цветков черного лотоса. Положив комок в чашку, она произнесла одно-единственное слово:

— *Атмак.*

На ее ногте возник тонкий язычок синего пламени, и она подожгла ссохшиеся лепестки.

Лотос горел очень медленно, наполняя воздух едким темным дымом. Поставив чашку перед

собой на пол, жрица полной грудью вдохнула этот дым. И через несколько мгновений уже наслаждалась сновидениями черного лотоса.

Далеко внизу у подножия лестницы стоял Скаурол. Он успел облачиться в штаны и черную безрукавку с боковыми шнурковками. Шнурки были сплетены из черных человеческих волос, а безрукавка и облегающие штаны — сработаны из толстой шкуры гигантской черной ящерицы. Никакой обуви и никаких украшений Скаурол надевать не стал, лишь на левом мизинце появилось черное каменное кольцо.

Неторопливо начал он подниматься по длинной лестнице... Тишину нарушало лишь редкое звяканье толстых черных ногтей о ступени. Все выглядело точно так же, как когда-то. За те столетия, что он спал в песках, великую крепость не осквернили ни искатели сокровищ, ни любопытные. Ничем и никем не тревожимая, она спала под барханами, ожидая его возвращения.

День своего поражения Скаурол предвидел с самого начала, еще прежде чем вознесся к вершинам власти. Предчувствие смерти грызло его, угрожая свести с ума. Каждую ночь он видел во сне седовласого мужа, пронзающего его копьем. Сколько сил положил он на то, чтобы отыскать и истребить всех, кто хоть как-то напоминал того человека!..

...Постепенно все люди начали казаться ему похожими на человека из сна. Многие тысячи

умерли на кольях под стенами его дворца; песок пустыни стал красен от их крови. А страшное видение и не думало исчезать. Казалось, сами боги вознамерились его истребить. Наверное, они ревновали и боялись, как бы он не превзошел их своим могуществом!

И тогда он сказал себе, что все-таки утрут им нос. Что бы ни случилось, он выживет. И со временем вновь восстанет из праха, а сила его лишь возрастет.

Бесчисленные убийства продолжались своим чередом, а он тем временем изучал запретный Зурийский Кодекс и наконец понял, как победить смерть. Однако ему потребуется помочь. Заклинание, способное возродить его к жизни, должен был произнести другой мутари, причем искушенный в тайных науках. И ему не следовало ничего знать о планах Скаурола.

Ради достижения своей цели Скаурол заключил сделку с Сетом, древнейшим и почтеннейшим богом-Змеем. Десять тысяч пленников умерли жуткой смертью на кольях во славу этого бога. Взамен Сет даровал Скауролу желаемое.

Несколько столетий спустя в южной Стигии, у края болот Пурпурного Лотоса, на южных берегах реки Бахр, Сет явился во сне одному из своих жрецов и сообщил об особенной девочке, которая вскоре должна была появиться на свет в ближней деревне. И еще многое чего рассказал своему жрецу Сет. Он нашептал ему

о таких тайных, чудовищных ритуалах, что даже у пресыщенного жестокостями жреца заворотило с души.

Не смея ослушаться, служитель бога-Змея похитил девочку из деревни и вырастил ее у себя на болоте. Она мало чем походила на своих смертных ровесниц, в том числе и физически, но еще больше это касалось ее поведения и увлечений. Жрец скоро начал бояться ее. Но Сета он боялся гораздо больше. Потому-то через четырнадцать лет, накануне дня рождения девочки, в год Паука, в месяц Скорпиона, он исполнил над нею предписанный Сетом обряд.

А потом по собственной воле проглотил смертельную дозу сока, выжатого из цветков Пурпурного Лотоса.

Скаурол не знал, где была и что делала женщина-мутари, пока не прибыла в его крепость. Да это и не волновало его. Сет исполнил обещанное. Жрица, сама о том не подозревая, привела в действие заклинание, столетия назад вписанное Скауролом в его книгу.

Быть может, она при этом погибла. Если же нет — он знал, как использовать ее в дальнейшем. Он полностью управлял ею, хотя она о том и не догадывалась. Она родит ему множество детей-мутари. Его магия после зачатия придаст плоду в ее чреве ускоренный рост. Роды станут происходить каждое полнолуние. А он, Скаурол, будет отправлять подросших детей во все страны мира. Вестниками смерти и хаоса являются они

униженному, корчащемуся у его ног человечеству... И то, что вынашивание этих детей отнимет у жрицы часть магической энергии, было даже на руку ее повелителю. Небось поостережется вступать с ним в борьбу.

Скаурол шел наверх по ступеням, шел предъявлять права на свою невесту, и бездонные глаза его мерцали предвкушением...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ГОНКА

Раскаленное солнце висело в безоблачной небесной лазури над пустыней восточного Шема. Прикрыв глаза бронзовой от загара рукой, Конан внимательно осматривал южный горизонт. Заметив там нечто, он сморгнул несколько раз, желая убедиться, что перед ним не мираж и не порождение его собственной фантазии, разыгравшейся от жары. Нет, увиденное было вполне реально. Крохотная серая точка, колебавшаяся на пределе его зрения...

— Я вижу его! — прохрипел киммериец, обращаясь к Кейлашу. — Еще пол-лиги — и он наш!

— Он, наверное, сделал большой привал вчера ночью, — пробормотал в ответ кезанкиец. Голос его звучал так, словно Кейлаш говорил с полным ртом песка. Да он примерно так себя и чувствовал.

— Клянусь Кромом, сегодня мы поймаем его! — устало сказал Конан. — Сегодня седьмой день, а этот ублюдок все еще впереди!..

— Восьмой, — поправил Кейлаш. Он считал дни, начиная с отъезда из Иннасфална. Вначале ничего запоминающегося не происход-

дило, но на пятый день на них налетела небольшая шайка зуагирских разбойников. Дело было у юго-восточных отрогов Кезанкийских гор, чуть южнее Дороги Королей. Двоих воителей только-только устроились передохнуть; разбуженный недреманным инстинктом, Конан проснулся как раз вовремя, чтобы заметить несколько теней с блестящими ножами в руках, подбиравшихся к нему под покровомочной темноты. Киммериец закричал во все горло, чтобы разбудить Кейлаша, и первым ринулся на разбойников.

Битва была короткой, но беспощадной. Нескольких кочевников друзья уложили на месте, однако остальные сбежали и, что хуже, увезли с собой их лошадей. Вместе с конем Конана уехала и его сумка с провизией. Хорошо хоть Кейлаш додумался положить свою наземь, когда устраивался на ночлег.

Подобное происшествие хоть кого могло обескуражить и заставить бросить погоню. Двоих воителей все-таки решили идти дальше пешком, выслеживая Ламици, и их упорство скоро было вознаграждено. На другой же день они обнаружили мертвую лошадь, в которой Кейлаш признал скакуна из королевской конюшни. Евнух попросту загнал его в свое поспешном бегстве и был принужден идти дальше пешком. Исполнившись новых надежд, друзья поспешили по следу его сандалий вдоль южных предгорий Кезанкиев.. След, увы, был не особенно

свежим. Ламици успел как следует оторваться от них.

Так они и двигались за ним до северной оконечности Огненных гор. Потом эти горы постепенно исчезли из виду: преследуемый и погоня все более углублялись в выжженные пространства шемитской пустыни. Отыскивать пеший след Ламици оказалось проще, чем след его лошади. Они были уверены, что евнух был где-то совсем близко. Тем не менее он со сводящим с ума упорством сохранял свой отрыв...

И вот только сегодня, спустя еще несколько дней, Конан наконец-то заметил его. Усталость делала болезненным каждое движение, но варвар и горец с удвоенной энергией устремились вперед.

— Недоносок, оказывается, вынослив, точно пустынный скорпион, — проворчал Конан. — И гораздо удачливее, чем мы.

— Скоро кончится его удача, — мрачно буркнул Кейлаш и многозначительно погладил черенок меча.

Конан на это заметил:

— Если он доберется до крепости раньше нас, как бы наша удача первой не иссякла.

Кейлаш погрузился в угрюмое молчание, не желая тратить силы на пустой разговор. Ни он, ни Конан покамест не затрагивали одну животрепещущую тему: быстро иссякавшие припасы. Они, как могли, экономили воду, но изнурительно быстрый марш подтачивал силы.

Они не делали остановок в самые жаркие дневные часы, как собирались вначале. Они заставляли себя тащиться вперед, даже когда солнце жгло им макушки, повисая прямо над головами.

Глядя на товарища, Кейлаш сильно подозревал, что железного киммерийца не свалили бы и несколько дней совсем без воды. Ему бы такое здоровье!.. Не то чтобы Кейлаш боялся за свою жизнь, нет. Он опасался, что начнет отставать и задержит своего спутника. Ноги то и дело сводила судорога, легкие, обожженные раскаленным воздухом пустыни, так и горели. В тех местах, где тело не прикрывала одежда, кожа багровела и слезала клочьями. Может, евнуха они и поймают, но Кейлаш весьма сомневался, что выдержит дорогу назад.

Он заставил себя отрешиться от столь печальных перспектив. Лучше думать о чем-нибудь ласкающем душу. Например, о полных кружках прохладного пива и о сладостных ласках прекрасных шлюх из таверны...

Вот в таком полубредовом состоянии Кейлаш кое-как заставлял себя двигаться следом за киммерийцем, мало что замечая вокруг...

Когда безжалостное солнце наконец склонилось к закату, Конан еще раз присмотрелся к горизонту. И скромно улыбнулся воспаленными, потрескавшимися губами. Они все-таки настигали Ламици, которого, судя по следу, мотало из стороны в сторону точно кабацкого пьяницу.

Еще несколько часов назад они миновали выброшенный им пустой меш из-под воды. Похоже, полубезумного евнуха скоро должны были оставить последние силы...

Мягкий шлепок, раздавшийся позади, заставил Конана поспешно обернуться. Это Кейлаш лицом вниз рухнул в песок. Киммериец немедля бросился к нему, но тот зашевелился и поднялся сам.

— Заснул, — пробурчал он, смахивая с лица песок. Покачнулся — и свалился опять.

Конан посмотрел на друга со все возраставшей тревогой. Он приподнял ему голову и поднес к запекшимся губам горлышко бурдюка. Кейлаш отпил, потом кое-как приподнялся на локтях.

— Передохнуть... надо, — пробормотал он, почти не раскрывая глаз. — Ты... иди давай.

Конан посмотрел на далекую фигурку Ламици... Она была едва видна в быстро сгущавшейся темноте. Как бы он хотел поспать хоть несколько часов!.. Кейлаша нельзя было бросить здесь одного, а тащить его на себе киммериец был уже не в состоянии. И на двоих у них оставался всего один бурдючик. Конан еще раз попытался растормошить горца, но измотанный кезанкиец лежал пластом. Делать нечего, варвар улегся на песок рядом с ним, прикрыл лицо капюшоном, взял в руки обнаженный меч — и некрепко заснул.

Проснулся он странно освеженным. Вокруг по-прежнему были грязно-желтые дюны. Ветер

местами выглаживал тонкий песок, местами собирал его волнами. Кожа киммерийца была сухой, как пергамент, губы жестоко обожгло солнце, но горло почему-то больше не сводила жажды. И наконец он с ужасом осознал: уже наступало утро!.. Он проспал целую ночь!..

Прикрывая глаза от яростного пустынного солнца, варвар тяжело поднялся и хотел разбудить Кейлаша, но того... нигде не было видно. Потрясенный киммериец начал оглядываться, однако не нашел даже следов, могущих подсказать, куда подевался его спутник. В отчаянии он снова и снова обозревал горизонт... Никого! И ничего!

А солнце палило как будто с удвоенным бешенством, палило так, что невозможно было отнять руку от глаз...

Потом он заметил, что оно висело удивительно низко, заполняя все небо своим невыносимым сиянием. Он судорожно зажмурился, прикрываясь руками... Солнце уменьшилось и отступило так же неожиданно, как и приблизилось. Только из привычного желтого стало голубовато-белым. И висело оно не в небесах, а на конце серебряной цепочки. Цепочку держал седоволосый старик. В другой руке он сжимал серебряное копье. Из одежды на нем была лишь пыльная коричневая набедренная повязка, да на ногах болтались поношенные сандалии. Шаркая ногами, он шел через пески навстречу потрясеному киммерийцу.

— Убей его, как я когда-то убил!.. — прокаркал он пронзительным голосом, размахивая копьем.

Конан мигом встал в боевую стойку, держа меч наготове. Мало ли какой фокус выкинет старый безумец!

— Когда он увидит это, он должен стоять лицом к лицу с тобой! — продолжал бушевать старик. Он высоко держал пылающий амулет. — Не дай ему уйти!..

И Конан узнал его амулет. Точно такой же, как тот, что носил Мадезус!

— Кто ты? — спросил он озадаченно, не опуская, впрочем, оружия.

— Дераннасиб из Пелиштии, — ответил старик. — Пронзи его сердце! Убей его, как я когда-то убил!..

— Кого убить? И как? — недоумевал Конан. — У меня нет ни амулета, ни серебряного копья. А где Кейлаш? Воин, который был здесь со мной?..

На сей раз старик ничего не ответил. Он указал копьем на юг, повернулся к киммерийцу спиной и зашагал прочь, продолжая бормотать на ходу. Он шел, и плоть все больше облезала с его костей, пока не остался лишь обнаженный, побелевший скелет. Вот он рассыпался и исчез в песке, пропав с глаз... Изумленный варвар даже не попытался последовать за стариком. И вновь в глаза ему ударило огромное солнце. Оно заполонило все небо, гро-

зя раздавить и сжечь его в невыносимом сиянии...

...Конан с криком вскочил, сжимая в руках меч. Небо все еще было совершенно темно. Так, значит, ему приснился сон!.. Ругаясь, он пнул песок и стал ждать, пока успокоится зашедшееся сердце. Кейлаш пошевелился с ним рядом, потом зевнул и поднялся.

— Ты что-то сказал?.. — выговорил он голосом, невнятным спросонья.

— Да нет, ничего, — буркнул Конан, решив, что вряд ли стоило пересказывать товарищу такой странный и не слишком приятный сон. — Пошли! Вряд ли Ламици завалился дрыхнуть, как мы!

— Надо было тебе оставить меня, — пристыженно опустил голову горец. — Я вел себя как последний слабак, и это может дорого нам стоить. Клянусь, сегодня я наверстаю все то время, что мы потеряли из-за меня. Вперед!..

И, не тратя больше времени и сил на разговоры, он быстрым шагом устремился по следу. След был отчетливо виден, — на их счастье, погода стояла безветренная и песок лежал неподвижно. Друзья неутомимо шагали при свете луны. Конан легко поспевал за своим другом. Когда взошло солнце, они вновь увидели вдалеке бредущего евнуха.

Ламици приближался к полуразвалившимся стенам какого-то древнего сооружения... Стены

росли прямо из песка, а за ними высилась огромная мрачная башня. Заметив евнуха, который, спотыкаясь, стремился к воротам сооружения, Кейлаш испустил цветистую гирлянду таких чудовищных непристойностей, что отшатнулся бы и аргосский матрос.

— Бежим!.. — хрюплю заорал он, обращаясь к Конану. — Надо схватить его, пока он не пролез внутрь!..

Собрав последние силы, друзья сломя голову понеслись через пески. Летя вперед, Конан гадал про себя, чья гибель была ближе: Ламици или их собственная?.. К черту сомнения! Он мчался со всей скоростью, на какую был способен. Он далеко обогнал Кейлаша и приближался к хромавшему, шатавшемуся евнуху. Он понятия не имел о том, что с вершины башни за ним холодно наблюдали черные, точно сажа, глаза.

Ламици оглянулся через плечо и хотел завизжать от ужаса, разглядев жуткого варвара всего в нескольких сотнях шагов. Из пересохшего горла не вырвалось ни звука, лишь безмолвно шевельнулись покрытые волдырями, уродливо вспухшие губы. С изможденного лица, похожего на череп покойника, лохмотьями свисала опаленная плоть. Само тело выглядело едва ли лучше. Пропыленные, изодранные щелковые одеяния, когда-то бывшие голубыми, болтались на истощенных, костлявых плечах.

Но страшнее всего были глаза. Безумца завораживал солнечный блеск, и он днями напролет

смотрел прямо на яростное светило. От этого глаза его приобрели цвет прокисшего молока, он почти ослеп. Несмотря на то что зрение его почти оставило, он шел прямо к цели, безошибочно ведомый неким загадочным чувством. Он более не помнил ни цели, ни причины странствия, ни даже своего имени. Его мир состоял всего из трех слов. Солнце. Крепость. Амулет. Больше ничто не имело значения.

Он ввалился внутрь через трещину во внешней стене, споткнулся, но устоял на ногах и продолжал двигаться к башне. Позади него киммериец во весь опор несся к воротам, до которых ему оставалась какая-то дюжина шагов. Он держал перед собой меч: еще несколько прыжков, и он всадит клинок евнуху в спину. Но от темных глаз, смотревших на него сверху, не мог укрыться ни один его шаг. Когда Ламици оказался внутри стен, смотревший заговорил впервые за много столетий молчания.

— *Капатмак-кутук!* — сказал он.

Звуки, вырвавшиеся из горла Скаурола, породили эхо и привели в действие могущественные силы.

— Уф-ф!.. — изумленно выдохнул Конан. Там, где мгновение назад был всего лишь воздух, возникло кованое железо ворот. В которое он со всего маху и врезался. Меч вылетел у него из руки, а самого его отбросило на несколько шагов назад. Голова от удара пошла кругом; киммериец подобрал меч и кое-как поднялся.

— Что еще за херня?.. — возмутился Кейлаш, подбегая и останавливаясь перед воротами. — Смотри!.. — И он концом меча указал на стену по обе стороны ворот.

Куда подевались крошащиеся каменные обломки, обглоданными ребрами торчавшие из песка? Стены стояли во всей красе, нетронутые и неприступные.

— Надо лезть!.. — проворчал Конан. — Его еще не поздно схватить!

И он и горец были опытными скалолазами. Они взобрались по воротам — там нашлось больше зацепок для рук и ног, чем на гладких стенах. Подтянувшись, Конан перевалился через верх и сразу увидел Ламици. Евнух был уже на полпути к ступенькам, что вели ко входу в башню. Спускаясь, киммериец долез примерно до середины, потом спрыгнул вниз. Кейлаш последовал за ним, упав и перекатившись по мягкому песку. Еще несколько сот футов — и евнух у них в руках!.. Он только-только достиг лестницы...

— Дельмек-кескин! — вновь гулко отдался в башне голос Скаурола.

Мчась за еле плетущимся евнухом, Конан выдернул из ножен кинжал. Кейлаш, следовавший за ним, вдруг взвыл от боли и изумления. Конан оглянулся — и кинжал чуть не выпал у него из руки.

Из песка вдруг выскоцил длинный, премерзко зазубренный кол. Толщиной он был примерно

как рука киммерийца возле запястья. Этот кол чуть не угодил в кезанкийца: он оцарапал ему левый бок и оторвал кусок потрепанного плаща. Тут Конан ощутил какое-то шевеление в песке возле своей правой ноги и инстинктивно шарахнулся в сторону. Мгновенная реакция спасла ему жизнь: еще одно железное острье пронзило воздух там, где он только что стоял. Когда оно замерло, его вершина оказалась на фут выше головы киммерийца.

Участок песка между воротами и лестницей оказался кошмарной западней. Конан и Кейлаш отчаянно уворачивались от все новых и новых кольев, выраставших кругом них из песка точно смертоносные железные стебли. Иногда выскочивший кол вновь прятался в землю. Песок сразу же заполнял отверстие, — и не заподозришь, что здесь было мгновение назад!..

Конан и Кейлаш продолжали игру со смертью, дюйм за дюймом продвигаясь вперед, к башне. У обоих вовсю текла кровь из множества неглубоких ран, плащи висели ключьями. Киммериец, и так вымотанный бешеным бегом по солнцепеку, понимал: если хоть чуть ослабить внимание, его тотчас же насадят на вертел. А, была не была!.. Решив положиться на счастье, он закрыл глаза и, перестав уворачиваться, просто понесся к двери крепости так, что только пятки засверкали.

Когда он снова открыл глаза, то уже стоял на нижней ступеньке каменной лестницы, вне

досягаемости зазубренных кольев. Правая нога была вспорота прикосновением одного из лезвий, но в остальном ему повезло.

Кейлаш решил последовать его примеру и также, как Конан, во весь дух помчался вперед. Он был уже почти в безопасности, когда очередной кол взметнулся у него прямо из-под ноги, пропорол ступню и пошел дальше вверх. Кейлаш свалился, воя от нечеловеческой боли.

Его надо было спасать! Дотянувшись, Конан изо всей мочи вцепился в кол и рванул его на себя. Железный штырь сначала согнулся, а после и переломился. Зазубрины изранили киммерийцу ладони, но он не обращал внимания на боль. Кейлаш содрал ногу с обломков кола. Как ни обезвожено было его тело, на глазах воина от боли выступили слезы. Скрипя зубами, он оторвал от плаща полоску ткани, замотал пробитую ногу, поднялся и заковылял вперед. Густая кровь сразу пропитала повязку.

Конан же перехватил отломанный кол, точно копье, и с силой размахнулся:

— Умри, адский выползок...

И смертоносный снаряд полетел прямо в Ламици, подбиравшегося к башенной двери. Как ни ловок был Конан, докинуть копье до измощенного евнуха было нелегко даже ему. Но он справился. Кол ударили Ламици в правое плечо и с такой силой швырнул его вперед, что тяжелая дверь растворилась. Беглец свалился уже внутрь...

Конан подхватил оброненный кинжал и помчался вверх по ступенькам. Кейлаш, содрогаясь от боли, упорно тащился следом. Добравшись до двери, друзья ворвались в чертог.

Их встретило редкое по мерзости зрелище. Несколько жирных, мохнатых пауков окружило распластертое евнуха и вовсю пожирало его плоть. Конана едва не вырвало от звуков их пиршества. Взмах меча — и мохнатые ноги полетели в разные стороны...

Кейлаш разогнал остальных пауков, спустившихся с потолка, и Конан выдернул из тощего кулака мертвого евнуха небольшой кожаный кошелек. Внутри был лишь один предмет — маленький, но довольно тяжелый, замотанный в плотную тряпку. Конан отшвырнул тряпку прочь и торжествующе поднял над головой похищенный амулет.

Кезанкиец мрачно посмотрел на свою пробитую ногу.

— Беги, Конан! — сказал он. — Забирай амулет — и скорее беги! Отдашь его какому-нибудь праведному жрецу, глядишь, сумеет с ним справиться. Беги, говорю!

И он протянул варвару сумку с остатками продовольствия.

Чужая воля избавила Конана от нелегкого выбора...

— *Капатмак-капи!* — в третий раз подал голос Скаурол. Двуногие насекомые все-таки пробрались в его башню! Ну, они пожалеют об

этом. Железные двери пришли в движение и накрепко захлопнулись. Конан выдернул кол из тела Ламици и хотел всунуть его между смыкавшимися створками, но не успел.

Они были заперты.

Скаурол покинул чертог наверху, из которого наблюдал за вторжением, и начал неторопливо спускаться по нескончаемой винтовой лестнице...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

...И НЕ ОСТАЛОСЬ НИЧЕГО

Конан и Кейлаш молча смотрели на запертую дверь. Кейлаш налег плечом, но она и не подумала открываться. Когда глаза попривыкли к потемкам (во входной покой почти не проникало света), могучий горец сказал:

— Тут еще три двери. Попробуем?

Конан с большим подозрением оглядел двери. Очень уж некорошо щерились над ними каменные гаргульи... не ловушки ли поджидают внутри?

— Лучше четвертую, — сказал он и тоже примерился к той, через которую они вошли. Увы, толстые створки не поддались бы и дюжине воинов, вооруженных тараном. Кейлаш и Конан налегли вместе, усилие было поистине сверхчеловеческим... Железо и камень словно издевались над их усилиями. Они наконец сдались и, тяжело дыша, прислонились к стене.

— Почему она вдруг закрылась? — вслух задумался Кейлаш. — Во имя Митры! Ловушки в этой поганой башне срабатывают с дьявольской точностью! А может, здешние двери приказов ведьмы слушаются?

Конан ответил несколькими неразборчивыми ругательствами. Озираясь в поисках выхода, он обнаружил, что в комнате вроде как прибавилось света. Он заново обшарил глазами стены и потолок, но свет шел не оттуда. Светился амулет погибшего жреца. Голубое сияние становилось все ярче. Конан поднял амулет повыше, освещая им комнату.

— Ага!.. Смотри-ка, следы в пыли!.. — крикнул он Кейлашу, указывая на следы туфель перед одной из дверей.

Горец вопросительно посмотрел на амулет, но Конан только передернул плечами. Кейлаш обследовал закрытую дверь.

— Спорю на что угодно, что заперто или заложено с той стороны... — проворчал он. На всякий случай взялся за ручку... и не мог сдержать изумленного восклицания, когда дверь легко отворилась.

Конан предостерегающе взял его за плечо.

— Погоди, — сказал он коротко. — Я пойду первым и буду светить. — И указал мечом на промоченную кровью повязку на ноге товарища: — Ступай осторожней... Мало ли какие ловушки нам здесь еще приготовлены!

Кейлаш кивнул и поудобнее перехватил свой клинок. Конан толкнул носком ноги дверь и распахнул ее полностью. Амулет осветил большую полукруглую комнату. Она была пуста, если не считать примерно полудюжины статуй. Посредине виднелась железная винтовая лестни-

ца, поднимавшаяся к высокому, футов двадцать-тридцать, потолку. Конан осторожно шагнул внутрь и жестом позвал за собою Кейлаша. Кезанкиец обвязал больную ногу еще одной полоской материи и, хромая, двинулся следом.

Семь статуй стояли как раз напротив двери, лицом к ней, на равном расстоянии друг от друга. Они были вполне похожи на отвратительных гаргулий, помещенных снаружи, только превосходили их размерами и никаких шариков в лапах не сжимали. Конану почему-то очень не хотелось подходить к ним вплотную. Он крался, как кот, прямо к лестнице посредине покоя.

Кейлаш принес кол, все еще влажно блестевший от крови Ламици. Уперев его в косяк, он надежно заклинил дверь остряем. Еще не хватало, чтобы она, как та первая, захлопнулась у них за спиной!

Когда Конан поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы, из входного покоя донесся громкий треск. Конан одним прыжком слетел с лестницы и оказался подле Кейлаша. Следом за треском долетел глухой удар камня о камень, и в дверь вплыло облако серой пыли. Конан выставил вперед амулет, надеясь с его помощью разглядеть, что происходит снаружи.

Вот рассеялась пыль, и друзья, выругавшись, попятались прочь... В дверях стояла гаргулья. Серый камень сменила змеиная зелень живой чешуи, глаза кроваво светились. Люди еще не

пришли в себя от изумления, когда гаргулья метнула в них свой шар.

Меч Конана взметнулся навстречу и столкнулся в воздухе с молочно-белой сферой, выбив сноп синеватых искр. Не попав в цель, шар свалился на пол в нескольких футах от киммерийца. Он чуть слышно шипел, от него поднимались завитки тошнотворного дыма. Сразу стало нечем дышать. Конан двинулся вперед, замахиваясь на гаргулью мечом.

Чешуйчатая тварь проявила отменное проворство. Она схватила кол, которым Кейлаш заклинил дверь, и угрожающе ткнула им в Конана. Варвар, однако, тоже был проворен. Он увернулся, а потом с жутким боевым криком полоснул гаргулью по незащищенному боку. Клинок глубоко впился в тело и отсек кусок плоти, мокро шмякнувшись на каменный пол.

Гаргулья отскочила, схватила дверь за ручку и захлопнула ее, заслоняясь от нового выпада Конана. Из бока раненой твари вовсю хлестал серовато-желтый икор, но она успела просунуть кол в ручку двери и тем самым запереть ее. А потом, еще держась лапами за кол, вновь обратилась в камень.

Конан бросился на дверь изнутри, но она лишь содрогнулась. Кейлаш закричал, о чем-то предупреждая, и Конан обернулся. Кезанкиец, с пепельным от ужаса лицом, взирал на статуи, расставленные вдоль стены. Конан тоже посмот-

рел в ту сторону... и увидел, что все семь медленно к ним приближались! Их тела ожили и покрылись зеленою чешуей. Киммерийцу эти новые монстры показались еще страшнее их родственницы с шариком в лапе.

Шарик, между прочим, по-прежнему исходил едким дымом, от которого резало в горле и слезы текли из глаз. При каждом вздохе в легкие словно вонзались ножи, грудь сводило мучительной судорогой.

Одна из бывших статуй, та, что стояла посередине, взмахнула кожистыми крыльями и взвилась к потолку. Две ближайшие к Конану неумолимо подступали. Кейлаш оказался отрезан от друга. Он кое-как прохромал к лестнице; сразу четыре зубастые, когтистые твари последовали за ним.

Конан встал спиной к двери и приготовился отбивать нападение крылана. Тот спикировал прямо на него, — сплошные зубы, когти и хлюпающие крылья. Варвар не двигался с места, пока грозные когти не оказались в каких-то дюймах от его лица. Только тогда он с криком отпрянул в сторону, перекатился через голову и вскочил на ноги. Его меч просвистел в воздухе — силы удара хватило бы срубить дерево. Гаргулья врезалась в дверь со всего разлету. По комнате разнесся треск ломающихся костей...

Конец Конанова меча попал как раз по крыльям, под корень смахнув их со спины твари. Они остались лежать на полу, по-прежнему

слабо шевелясь. Гаргулья сползла на пол, корчась в агонии и маля дверь кровью. Еще несколько мгновений, и изуродованные останки обратились в камень. Однако на двух других это не произвело ни малейшего впечатления. Они все так же неуклонно приближались и готовы были вот-вот нанести удар.

Кейлашу, загнанному в центр комнаты, приходилось несладко. Покалеченная нога не давала как следует развернуться и вынудила ограничиться обороной. На шкурах гаргулий зияли кровавые следы, оставленные мечом кезанкийца, но и самому ему пришлось уже познакомиться с их когтями. Одна из гаргулий сумела подобраться так близко, что в кровь разодрала ему челюсть. Шаг за шагом теснили они взмыленного горца и заставляли его отступать вверх по ступеням. Он и так находился уже в дюжине футов над полом. Беда только, оттуда, где он теперь находился, Конана больше нельзя было рассмотреть.

Кейлаш медленно пятился вверх, заботясь только о том, чтобы не позволить сбить себя с ног. Постепенно поднявшись до самого верха ступеней, он смог заглянуть, что делалось этажом выше. Он увидел небольшую, но прочную с виду деревянную дверь, служившую единственным выходом из комнаты. Он хотел занять оборону возле этой двери, но две гаргульи опередили его и отрезали от выхода. Еще несколько подкрадывалось снизу, не давая спуститься обрат-

но. Горец обернулся к тем, что были ближе всего. Если он сумеет их зарубить, то все-таки прорвется к двери... Острые когти, словно ножи, прошлись по его правой руке, кровь потекла из дюжины ран.

Сохранив самообладание, горец применил против своих сверхъестественных противников неожиданный маневр: кинулся прямо на них, а потом... свалился на пол. Ему удалось прокатиться как раз между ошеломленными тварями. Не теряя времени даром, он рванулся к двери. Растиранная ступня слепила сознание казнящими вспышками боли, но все-таки он добрался до двери и схватился за ручку, мысленно умоляя Митру, чтобы дверь открылась. И Митра услышал. Незапертая дверь легко поддалась его усилию, и он вывалился в соседнюю комнату, еле увернувшись от тянувшихся к нему жадных когтей.

Там, куда он попал, было совершенно темно. Амулет остался у киммерийца, и чем дальше уходил от него Кейлаш, тем слабее делался свет.

Нашарив ручку двери, горец захлопнул ее за собой, а в следующий миг она затряслась под ударом тяжелого тела. Кейлаш ощупью отыскал засов, вогнал его на место и испытал величайшее облегчение, когда тот уверенно лязгнул. Дверь выглядела достаточно прочной, чтобы задержать гаргулий по крайней мере на некоторое время. Привалившись для верности к

ней спиной, кезанкиец попробовал отдохнуться, а заодно оценить свое положение. Его глаза успели несколько освоиться с темнотой, но рассмотреть комнату по-прежнему не удавалось.

Наклонившись поправить на ноге повязку, Кейлаш вдруг услышал из глубины комнаты какой-то странный звук. Мгновенно замерев, он напряженно прислушался, но шум гаргулий, продолжавших штурмовать дверь, заглушал все остальное. Решив довериться безошибочному инстинкту, горец приготовил меч и ощупью двинулся вдоль стены, решив отыскать уголок, удобный для последнего боя. Когда шум за дверью на некоторое время стих, настороживший его звук послышался снова, и на сей раз громче. Это был шорох кожи по камню. Левая рука Кейлаша наконец коснулась угла, и он выпрямился, вставая в боевую стойку. Сколько еще сможет выдержать дверь?.. Он подозревал, что гаргульи неплохо видят в темноте. Если они сумеют ворваться внутрь, его мгновения будут сочтены.

Но тут с его ногой произошло нечто такое, отчего остальные мысли разом разлетелись прочь. Что-то... едва заметно *ощупывало* его раненую ступню! У него мурashки побежали по телу от этого прикосновения. А потом что-то маленькое и зубастое впилось прямо в рану и гнусно зачмокало!..

Содрогаясь от отвращения, Кейлаш отдернул ногу, пытаясь стряхнуть неведомого вампира.

Существо шлепнулось на пол и рассерженно зашипело. Судя по звуку, его тело было мягким, кожистым и округлым. Что еще за ужас, явившийся из мрака пить его кровь?.. Горец вслепую махнул мечом. Сталь чиркнула по камню, полетели искры. Он понял, что промахнулся. Да и искры не дали ему возможности что-либо разглядеть.

На всякий случай он изготовился для нового удара, но в это время комнату заполнило тусклое оранжевое свечение, а ноздрей коснулся запах дыма. Кейлаш увидел, что комната совсем невелика. И по другую сторону ее виднелась открытая дверь, а за ней — лестница, уводившая наверх, в башню. Ни мебели, ни окон — только та дверь, в которую он вкатился несколько минут назад.

И он был в комнате не один. По полу к нему подбирался здоровенный паук. В бледных зенках твари горела ярость. И разум. Еще Кейлаш увидел, что его первый удар не пропал даром: на полу валялось несколько отсеченных лап. Не иначе сам Митра направил его отчаянный замах в темноте! А на клыках паука багрово блестела его, Кейлаша, кровь, только что высосанная из раны. Горца едва не вырвало, он отвел взгляд...

И в который раз ахнул от изумления. Он увидел источник дымного света. Вниз по узкой лестнице спускалась женщина, державшая в одной руке чашу из темного камня.

Из этой-то чаши растекался дым и исходило тусклое оранжевое сияние. Дым не давал рассмотреть черты лица, но горец ни на мгновение не усомнился: перед ним была жрица мутари собственной персоной. Она выглядела безоружной, но Кейлаш сразу вспомнил рассказы Мадезуса. Против нее, говорил митраит, бессильны мечи...

Вот она достигла нижней ступеньки, вошла в комнату и поставила свою чашу на пол. Дым расступился, и оказалось, что жрица совершенно обнажена. Свет зловеще играл на ее гладкой коже и переливался в блестящие-черных волосах, достигавших плеч. Она лениво расправила пальцами волосы, погладила шею, потом провела ладонями по своему безупречному телу. Вот ладони коснулись роскошной груди, скользнули вниз, к животу... Живот был, между прочим, не плоским. Он явственно выпирал наружу, как если бы она была беременна. Кожа над пупком пульсировала — ни дать ни взять там было сердце. Кейлаш отвернулся. Зрелище было не для его глаз.

Она засмеялась, и от этого звука у кого угодно кровь застыла бы в жилах.

— Приветствуешь тебя, горец! — сказала она и заметила его опущенные глаза. — Что, киш카 тонка лицезреть истинную красоту?

Кейлаш почувствовал, как его взгляд против воли устремляется выше. Невидимые руки скватали его голову и заставили повернуться к ней.

Он плотно зажмурился, вовремя вспомнив, что ни в коем случае не должен смотреть ей в глаза.

Она вновь засмеялась, еще с большей жестокостью:

— А впрочем, все это неважно. Ты видишь? Во мне плод. Он только что зачат, но до чего быстро растет! Еще не успеет смениться луна, как родится первенец новой расы мутари! Знай же, несчастный, что твое убогое тело и твоя горячая кровь станут пищей для него и для меня. Я могла бы остановить твое сердце одним движением руки. Но нет! Я пожру твою живую плоть и упьюсь твоими криками! Ведь ты силен — для смертного, конечно. Ты будешь жить еще долго, пока я не вырву из твоей груди бьющееся сердце и не выпью его соки... Смотри же на меня! Смотри на прекрасный лик своей смерти!..

Все те же незримые руки заставили Кейлаша открыть глаза и посмотреть на Азору — горец только сдавленно ахнул. Ее глаза были двумя багрово-черными безднами, втягивавшими его в себя. Он не мог оторвать от них взгляда. Его разорванная, кровоточащая челюсть безвольно отвисла, а все тело налилось свинцом, выходя из повиновения воле. Он тяжело свалился на пол. Он был еще в сознании и пытался сопротивляться, но что он мог? Кейлаш так стиснул меч, что тот словно врос в его парализованный кулак. И он по-прежнему не мог оторвать круглых от ужаса глаз от лица жрицы мутари...

Ее ярко-алые губы растянулись в улыбке, обнажая хищные ряды загнутых черных зубов, смертоносных словно кинжалы. Она склонилась над поверженным горцем и с нечеловеческой силой рванула его кольчугу, располосовав ее, словно тонкую ткань. Злобные глаза все так же впивались в его зрачки. Когтистая рука коснулась его обнаженной груди... *оторвала кусок плоти и отправила в рот!..*

Несчастный Кейлаш не мог даже закричать: губы и горло не повиновались ему.

Азора вновь потянулась к нему, но тут из-за ее спины послышалось громкое рассерженное шипение. Жрица стремительно обернулась, и Кейлаш освободился от ее сковывающего взгляда. Оказывается, это пораненный им паук ухватил ее за лодыжку клыками.

— Твоя обещала Кзим человеческой крови!.. — пыхтел он, не отпуская ее ноги. — А сама забирать от Кзим! Кровь — это для Кзим!..

Яростно взвизгнув, жрица вперила в паука свой страшный взгляд и коротко взмахнула рукой. Кзима мгновенно расплющило, словно невидимым молотом. Азора брезгливо отшвырнула размозженные останки прочь.

Когда она отвернулась, Кейлаш почувствовал, что снова может управлять собственным телом. И как ни был он потрясен и истерзан, его самые первые движения были продиктованы воинским инстинктом, тем самым, что выручал его в бесчисленных стычках на бритунийской грани-

це. Поудобнее перехватив тяжелый меч, горец вогнал его в ближайшую мишень — во вспухшее, пульсирующее чрево Азоры. Удар был направлен со всей силой и яростью: отточенная сталь прошла насквозь, так что кончик меча высунулся из спины. Жестокая судорога сотрясла ее тело...

Сердце Кейлаша застучало, как сумасшедшее. Неужели убил?.. Неужели это вправду возможно?.. Но безумной надежде не суждена была долгая жизнь. Жрица зашевелилась и неторопливо стала вытаскивать трехфутовый клинок из своего пропоротого живота. Кейлаш рванул меч на себя, только тут заметив, что ее тело не кровоточило. Из раны тек вонючий ихор, но она как будто и не замечала этого. С трудом поднявшись на ноги, Кейлаш отступил в угол, приготовил меч и стал ждать...

Азора ощупала свое чрево, и у нее вырвался яростный вопль.

— Плод погиб!.. — Она повернулась к горцу, красные глаза горели адским огнем. — Двуногий слизняк!.. Твой жалкий меч для меня — как комариный укус!.. Но за этот удар ты познаешь страдания, каких не ведал еще ни один смертный! Каждая капля твоей подлой крови будет исходить из тела с мучениями, большиими, чем может выдержать человек!..

Кейлаш почувствовал, как вновь одеревенели все его члены. Азора шевельнула рукой, и меч выскоцил у него из кулака. Новое движение

кисти жрицы — и замаранный темной жидкостью клинок перевернулся в воздухе и пронзил горцу бок. Невидимая рука всаживала его все глубже и наконец с чудовищной силой вогнала в каменный пол. Боль пламенем охватила мозг. Парализованные мышцы не давали Кейлашу ни увернуться от удара, ни даже беспомощно скряться. Пот ручьями тек по его телу, из страшной раны хлестала кровь...

— А ведь никакие жизненно важные органы не затронуты, — издеваясь, сообщила ему жрица. — Ты будешь умирать несколько долгих дней, точно кролик, попавший в силок...

Ее рука вновь указала на рукоять меча, и тот начал раскачиваться туда-сюда, еще больше раздирая рану. Мутари наклонилась и приложила к окровавленной плоти ладонь. Из ее ладони вырвался огонь и обжег рану вокруг клинка, останавливая кровь. Жуткий запах горелого мяса и крови поплыл под сводами комнаты. Кейлаш ощутил, как душа отделяется от тела, словно пытаясь покинуть этот чертог, превращенный в камеру пыток...

...Он едва заметил, как рухнула дверь, наконец-то сокрушенная дружными усилиями ломившихся гаргулий. Почти все чувства, заглушенные нечеловеческой болью, отказали ему. Это было как сон. Он видел происходившее, но не слышал, не чуял и не осязал. Три гаргульи, ворвавшиеся в пролом, сразу бросились в угол и окружили жрицу и распростертого горца. Кей-

лаш вяло удивился тому, что они накинулись не на него, а на Азору.

Откуда ему было знать о происхождении гаргулий и о том, что направляло их действия! Между тем это были древние твари, родившиеся еще до эпохи мутари. Змеелюди, жившие в Валузии, вывели их и использовали как стражей. Скаурол повелевал гаргульями с помощью некоторых тайных познаний, силой вырванных им у одного стигийского колдуна. Азора понятия не имела об этой науке. Не знала она и о том, что ее волшебство против гаргулий бессильно. Их сознание было слишком примитивно и просто не содержало не то что человеческих, даже и животных эмоций, на которых зиждалась вся ее магия.

Сверкая красными глазами, она повернулась к наседающим тварям, лихорадочно размахивая руками... Заклинания не срабатывали! Жрица разразилась бранью, видя, что гаргульи подбираются все ближе. Монстры знали только, что перед ними стоит ЧУЖАЯ. Много столетий назад Скаурол велел им ловить и уничтожать всех ЧУЖИХ.

И они выполнили приказ. Бездумно и неумолимо.

Азора не успела ничего предпринять. На полу комнаты заклубился вихрь из лязгающих клыков и смертоносных когтей. Гаргульи сцепали ЧУЖУЮ и разорвали на мелкие части. Крови в ней не было, но плоть оставалась уязвимой. И Азора перестала существовать.

Кейлаш, вновь получивший свое тело обратно, отвернулся от невообразимо мерзкого зрелища...

Он вполне понимал, что его положение безнадежно. Азора пригвоздила его к полу, как насекомое, приколотое булавкой... Но когда он отважился посмотреть на свой меч, то увидел, что меч лежит рядом с ним на каменных плитах. Так неужели... погодите-ка... неужели пытка была иллюзорной?.. Горец торопливо оглядел и ощупал себя. Раны на груди были вполне реальны. Кровь еще сочилась там, куда впились ее руки, но на боку не осталось ни следа. Однако радоваться было особенно нечему. Покончив с Азорой, гаргульи займутся следующей жертвой...

Он очень ослаб и к тому же потерял порядочно крови. Голова кружилась, в ушах стоял звон. Он совсем не чувствовал боли в раненой ноге. Нога попросту онемела ниже колена. Кто другой на его месте, быть может, смирился бы с мыслью о смерти, лег, закрыл глаза и стал ждать конца. Но Кейлаш был кезанкийцем. А кезанкийцы славились невероятным упрямством. Пусть эта комната станет его могилой, но прежде хотя бы несколько поганых чешуйчатых тварей отправятся из нее прямиком домой — в преисподнюю!.. Кейлаш мысленно вознес молитву, мрачно поручив себя Митре. Кое-как поднялся на ноги и приготовился к последнему бою...

Этажом ниже Конан вел неравную битву с точно такими же монстрами. Вскочив на окаменевшие останки гаргульи, разбившейся о дверь, он полоснул мечом ту, что была справа. Тварь с необыкновенной ловкостью увернулась и бросилась на киммерийца. Промахнувшись с ударом, он на миг потерял равновесие и не смог вскинуть меч. Он уже готовился к рукопашной, когда слева подскочила вторая гаргулья и попыталась вырвать у него из руки амулет. Кинжалные когти коснулись пылающего серебра... и чешуйчатый ужас мгновенно окаменел. Зато правая гаргулья со всего маху врезалась в Конана. Они вместе обрушились на дверь, и уварвала едва не затрещали все ребра.

Дверь, получившая уже немало тяжких ударов, на сей раз не выдержала. Она распахнулась, и сцепившиеся противники выкатились во входной чертог. Конан оказался внизу, и амулет отлетел по полу прочь. Массивное тело монстра придавило его правую руку, но каким-то образом он ухитрился удержать меч.

Началась борьба не на жизнь, а на смерть. При всей моши славного киммерийца тварь была гораздо сильнее. Ее мускулистые руки были вдвое толще, чем у него. Быстрота и искусство Конана могли только оттянуть неизбежный конец: рано или поздно чудовище задушит его. В ближнем бою меч только мешал, и он выпустил рукоять. А до кинжала, висевшего на поясе, дотянуться не удавалось. Он стал озираться,

ища взглядом хоть что-нибудь... хоть какое-нибудь подходящее оружие...

Глаза уже застилал багровый туман, когда он заметил зазубренный кончик кола, сломавшегося, когда распахивалась дверь. Кол торчал острием вверх, зажатый между косяком и кучей каменного мусора. Кое-как выдернув прижатую руку, Конан стал искать, за что бы уцепиться на гладком чешуйчатом теле гаргульи. Одна лапа чудовища уже сжимала его горло, и загнутые когти вонзались все глубже, полосуя кожу и впиваясь в шейные мышцы. Вторая лапа мертвой хваткой держала Конана за левое предплечье...

Но тут киммериец наконец нашел точку опоры, и мускулы на правой руке отчаянно вздулись. Рванув на себя, он умудрился бросить тварь прямо на торчавший конец кола. Зазубренное острие глубоко вошло в короткую, толстую шею страшилища. Пронзенная гаргулья дернулась раз, другой... и застыла каменным изваянием.

Конан с трудом поднялся на ноги. Он никак не мог отдышаться, его тряслось от изнеможения. На его изодранную шею было страшно смотреть. Перед глазами плавал кровавый туман, в голове звенело: гаргулья едва не задушила его. В сознании билась только одна мысль: подобрать меч и амулет... и скорее выручать Кейлаша... если горец еще жив. Что-то подозрительно тихо было во второй комнате...

Он поднял меч, убедился, что клинок безнадежно погнут, и бросил его, а взамен вытащил из ножен широкий кинжал. И вот тут-то у него вдруг зашевелились волосы на затылке, и, несмотря на то что в башню проникал жар пустыни, киммерийца окатила волна ледяного холода.

Перед ним стоял человек в черном. Безоружный и босой. Его правую руку окутывало облачко огня, освещавшего лишенное возраста лицо и темные глаза как два камня. Конан не без усилия подавил в себе врожденный ужас перед колдовством и покрепче перехватил рукоять кинжала. Перед ним явно был демон. Или колдун. Шут его разберет.

По позвоночнику растекался отвратительный холодок страха, но Конан был не из тех, кого легко обратить в бегство.

— Я бы приветствовал тебя, гость, будь я любезным хозяином, — чуть заметно улыбаясь, проговорил человек. — Но я таковым не являюсь. Что же касается моей жены, ради встречи с которой вы проделали столь долгое путешествие, она... несколько нездорова.

Конан прикинул расстояние, отделявшее его от чародея, и приготовился бросить кинжал. Он не сомневался, что попадет. Оставалось надеяться, что демону, или кто он еще там, мало не покажется угодившего в сердце кинжала. Он уже начал отводить руку назад... когда магия Скаурола вдруг оторвала его от пола.

— Юзмек, — прошептал колдун и указал вверх. — Акмак.

Железные внешние двери с грохотом растворились, и Конана понесло вон из комнаты. Вылетая в двери, он попытался дотянуться до коянка, но его только закрутило в воздухе. Скаурол поднял его высоко над каменной лестницей, сдвинул в сторону и подвесил над чащей кольев, угрожающе торчавших из песка.

— Азальмак-дельмек.

И Конан ринулся вниз, прямо на подставленное острие!..

Он видел, как несся на него блестящий наконечник кола. Зазубренное лезвие пронзило бедро и процарапало по кости. Рыча от невыносимой боли, Конан схватился за древко, чтобы не дать колу совсем разворотить ногу. Железная воля и могучая жизненная сила уберегли его от потери сознания. Он даже сумел повернуться лицом к магу, который наслаждался его мучениями, стоя в дверях.

— Жалкий муравей!.. — выкрикивал Скаурол. — Сто таких, как ты, бессильны против меня! Изведай же судьбу глупцов, у которых не хватало ума бояться мутари! Ты, пожалуй, доживешь до заката. Если раньше до тебя не доберутся стервятники...

С этими словами Скаурол отвернулся, и его холодный смех донесся до слуха Конана уже из входного покоя...

В минувшие тысячелетия, когда империя ужаса, основанная Скауролом, переживала свой

расцвет, никто в цивилизованном мире и слыхом не слыхивал ни о каких киммерийцах. Великий мутари никогда не сталкивался с варварами из Киммерии.

Иначе он ни за что не оставил бы — пусть даже и временно! — в живых такого врага.

Издав вопль звериной ярости, Конан устроил всю свою силу в руку, еще державшую кинжал. Несмотря на расстояние, глазомер его не подвел. Скаурол даже не увидел серебристого клинка, мчавшегося к нему подобно стреле, выпущенной из доброго лука. Широкое лезвие длиной в фут ударило чародея мутари в бок и рассекло несколько ребер. Кинжал был лишен крестовины, и невероятная сила удара вогнала его по самый эфес.

...Обычный клинок не мог серьезно ранить мутари. Бросок пригвожденного киммерийца стал бы последним бесполезным усилием обреченнего... если бы не вмешалась рука Судьбы, определенно направившая внимание варвара. Древний кинжал, который облюбовал себе Конан, был перекован из наконечника особенной серебряной пики. Эта пика была священной реликвией из Пелиштии: король Назук велел сделать из нее кинжал и в таком виде послал в подарок Мельсинису, бритунийскому самодержцу. Назук же взял пику из гробницы Дераннасиба, того самого святого, что некогда сразил Скаурола. Этот-то Дераннасиб и предстал Конану во сне. И завещал повторить свой подвиг.

Скаурол схватился за бок и согнулся пополам, судорожно вбирая воздух. А потом завертелся на одном месте и завыл. Нечеловеческий крик разнесся над пустыней, и эхо еще гуляло между барханами, когда тело мутари рассыпалось мельчайшими песчинками. Клинок же горел огнем, на пороге. Лезвие было оранжево-красным, словно только что из кузнечного горна. Порыв ветра дохнул над ступенями лестницы. Он рассыпал кучку песка и замел ее в комнату...

Сжав зубы так, что свело челюсти, Конан подался вперед всем своим весом и переломил кол, пронзивший бедро. А потом стал вытягивать его сквозь рану. Каждый дюйм давался пыткой ценой. Но вот кол вышел полностью, и Конан с отвращением его отшвырнул, спеша сделать жгут из перевязи для меча: кровь из раны хлестала вовсю.

Потом он поднялся и, хромая, проковылял по лестнице обратно в башню.

Разорвав плащ Ламици, он перевязал рану в бедре. Хотел было подобрать кинжал, но тот, вместо того чтобы остывать, как будто раскалялся все больше и из красного уже сделался желтым. Конан хотел идти искать Кейлаша, но жар, исходивший от клинка, заставил его остановиться. Того гляди, испечешься, как хлеб в печи. Бронзовая кожа киммерийца, опаленная солнцем пустыни, покраснела, и он принужден был отступить. Он сказал себе, что

Кейлаш наверняка мертв. Он не мог уцелеть в схватке с четырьмя гаргульями сразу. Да и последним криком горца, который успел услышать Конан, был ужасный вопль умирающего в муках...

Что ж! Он отомстил за гибель друга. И выполнил свое обещание.

Конан выбрался из дымившейся башни, прихватив с собой последний оставшийся бурдюк. Когда под ноги ему попалось что-то маленькое, металлическое, он не думая подобрал этот предмет. Он выскочил бегом (насколько он вообще был способен бежать). И только потом с удивлением обнаружил у себя в кулаке амулет Мадезуса. Он не помнил, когда это он его подхватил.

А кинжал на полу раскалился уже добела, и чертог стал содрогаться. Когда Конан выбрался за торчавшие колья, стены башни угрожающе зашатались.

Неожиданный взрыв потряс крепость до основания. Гигантские каменные плиты растрескались и рухнули с грохотом, от которого заложило уши. Казалось, некий бог сокрушил своим молотом твердыню мутари. Обрушившись, Скауролова башня начала рассыпаться, как и сам ее создатель несколькими минутами ранее.

Конан ковылял ко внешней стене со всей скоростью, какую мог из себя выжать. Когда он добрался до разломанных ворот, на том месте,

где совсем недавно гордо высилась цитадель, осталось лишь каменное кольцо да куча битых булыжников.

Киммериец тяжко вздохнул... Прощайте, сокровища, которые он надеялся отыскать! И на том спасибо, что живым уйти удалось. Опустив голову, чтобы солнце не так било в глаза, он с мучительным трудом потащился на север...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СЧАСТЛИВО, ДРУГ!..

...Конан плохо помнил свой переход через пустыню. Он просто шагал вперед и вперед, пока бесплодные барханы не остались далеко позади. Его мех для воды был пуст вот уже сутки. Варварская выносливость каким-то образом заставляла его переставлять ноги, пока он не вышел к южной оконечности Пути Змéя.

Там, у тропы, он нашел воду и прибежище для ночлега, и сон освежил его истерзанный разум. Его тело еще болело после жестоких испытаний, перенесенных в крепости. Он сильно хромал, и рана в ноге никак не хотела заживать. Однако все это было не смертельно, и потом Конан знал, что худшая часть пути осталась позади. Теперь он до Бритунии уж как-нибудь доползет.

Он вернется в Пайрогию и расскажет Эльдрану все как оно было. Король наверняка даст ему коня и припасов. А может, и золотишко отсыплет. Тогда он попрощается с Ивэнной и... Эта мысль заставила его улыбнуться — впервые за много дней. Да. А потом он отправится в Замору.

От мыслей об Ивэнне и особенно о Заморе на душе посветлело, и вроде даже стало легче идти.

Конан не напоролся больше ни на каких врагов и еще через несколько дней достиг Иннасфална.

Он решил заночевать в гостинице Мальгореша, хотя воспоминания о прежнем посещении были не из приятных. Несколько кружек пива — и, во имя Крома, он еще больше повеселеет!.. А если есть счастье на свете, трактирщик ему, чего доброго, даже коня подберет...

Он толкнул дверь пивнушки (новую надежную дверь из смоленого дерева, сменившую парусину) и вошел. Час был не ранний, — солнце уже садилось. Несколько местных пропойц подняло рожи от кружек при его появлении. Посмотрев на киммерийца, они разом отвели взгляды.

У задней стены, за стойкой, виднелась знакомая физиономия трактирщика. Мальгореш стоял на своем привычном месте, подавшись вперед, и беседовал с двумя посетителями, сидевшими к двери спиной.

— Пива! Именем Крома, пива! — подходя к стойке, сказал Конан.

Мальгореш поднял глаза... и обомлел.

— Клянусь мохнатыми шульнями Ханумана!.. Да это же Конан!..

И он широко улыбнулся.

Один из тех, с кем он только что разговаривал, подавился пивом, кое-как прокашлялся и с силой шарахнулся по столу кружкой. А потом повернулся лицом к Конану. И уже киммериец на некоторое время онемел от радостного изумления.

— Кейлаш!.. Кром и все души моих праотцев!.. Я был уверен, что ты погиб!..

И он протянул кезанкийцу исполосованную шрамами руку, которую тот немедленно схватил. Потом горец поднялся и гулко огrel Конана по спине свободной рукой. Только тут киммериец заметил, что у Кейлаша отсутствовала левая нога ниже колена. Вместо нее красовалась свежевыточенная деревяшка.

— Я тысячу раз взывал к Митре, надеясь, что ты все-таки выбрался! — восторженно басил горец. — Что с тобой приключилось?

— Нет уж, давай ты рассказывай первым! — засмеялся Конан. — Последнее, что я от тебя слышал, был жуткий вопль вздернутого на дыбу!..

И Конан тяжело опустился рядом с ним на скамью.

Ухмыляющийся Мальгореш тут же поставил перед ними новые кружки, и Кейлаш стал рассказывать о своей схватке с Азорой и Кзимом.

— Гаргульи разорвали ее на тысячу кусочков и раскидали по комнате. Бр-р-р, ну и видок был!.. Потом эти твари кинулись на меня, а что я мог? У меня меч-то поднять сил не хватало. Одну я все же убил — повезло, иначе и не скажешь. Зато вторая оттяпала мне ногу, точно мухе крылышко!.. — И Кейлаш постучал пальцем по деревяшке. — Пока она ее жрала, я вонгал меч ей в глотку. Она, как и первая, окаменела, а меч застрял. Ну, думаю, сейчас

третья меня... А она вдруг поворачивается, как будто ее кто позвал, и удирает вниз по ступенькам! Делать нечего, дополз я кое-как до чаши с огнем, что принесла с собой жрица, и прижег обрубок ноги, чтобы кровью не истечь... Ох, вспоминать неохота! От боли я, конечно, тут же и вырубился. А когда очухался, глядь, стены вокруг ходуном ходят. И все трескается, а я сижу запертый в хреновой башне. Никак, думаю, конец наступает! Потом, вижу, открылась во внешней стене трещина. Я — скорее туда... на руках да на одной ноге... вылез наружу — и покатился вниз по стене. Стены-то как раз крениться начали, ну я и катился боги знают сколько, пока не упал на песок. Клянусь Митрой, и как только косточка от косточки не отскочила!..

— Кезанкийцы, они из крепкого теста, — улыбаясь, глубокомысленно заметил Мальгреш.

— Киммерийцы еще круче, — ответил Кейлаш. — Если бы не Калетос, я точно сдох бы в пустыне.

И Кейлаш указал на человека, сидевшего подле него. Конан, взволнованный неожиданной встречей и увлекшийся рассказом Кейлаша, совсем забыл про его спутника. Калетос?.. Имя показалось ему знакомым. Погодите-ка... Ну да, конечно! Наставник Мадезуса!.. Конан с любопытством уставился на старика. Тот был очень похож на Мадезуса, каким тот мог бы стать через много-много лет. На голове у него оставалось

всего несколько совершенно седых клочков, но ярко-зеленые глаза казались удивительно молодыми.

Потом взгляд киммерийца упал на амулет, висевший на шее Калетоса, и он вспомнил об унесенном из крепости. Конан развернул амулет и протянул его старому жрецу. Тот принял его, и в зеленых глазах появилась грусть.

— Как ты разыскал Кейлаша? — недоуменно спросил Конан. — Неужели следовал за нами через пустыню?..

— Нет конечно, — ответствовал жрец с присущим ему странноватым коринфийским акцентом. — Мой юный друг Мадезус попросил меня помочь тебе. Когда он пал под ножом убийцы, я сразу ощутил его гибель... — И Калетос поднял амулет, только что врученный ему Конаном: — Я следовал вот за ним.

— А лошади у вас есть? — спросил Конан. — Не пешком же вы меня обогнали!

— Твой друг расскажет тебе обо всем, — с улыбкой ответил жрец...

...И на глазах у изумленного Конана белые одеяния Калетоса начали сиять. Мало-помалу сияние стало нестерпимо ярким. Конан заслонился руками и плотно прищурился, пытаясь рассмотреть, что же происходит со старым священником.

До конца дней своих он никому не рассказывал о том, что предстало его глазам в следующий миг. Он увидел сквозь слепящий белый свет,

как начало изменяться лицо древнего старика. Исчезли морщины, возникла величественная борода и длинные волнистые волосы. Только глаза, зеленые, широко расставленные, остались прежними.

Это был лик Митры, Повелителя Света. Конан узнал его. И склонил голову в присутствии бога.

Но прежде он успел заметить кое-что еще. Рядом с лучезарным Существом возникло еще одно. Оно прижимало к груди спасенный амулет и с улыбкой смотрело на Конана. Потом в его сознании прозвучал шепот Мадезуса:

— Мы благодарим тебя, Конан. Не горюй обо мне: мой дух упокоен. Я совершил в этом мире то, что должен был совершить... Счастливо, друг!

И оба исчезли в мгновение ока.

Конан, Кейлаш и Мальгореш не сразу обрели дар речи... Потом, очнувшись от потрясения, заговорили. Как оказалось, никто, кроме них, не видел ни сияния, ни всего остального.

Кейлаш тряхнул головой, пытаясь что-то понять:

— Я смутно помню, как Калетос отыскал меня в пустыне... Я бредил и был близок к смерти... Там были кони, или мне так показалось. Он отвез меня в храм, и жрецы занялись моей ногой. А когда я немного поправился и смог ехать верхом, мы сразу отправились сюда, в Иннасфалн...

— Точно! Только нынче утром приехали! — подтвердил Мальгореш.

Конан спросил:

— Верхом?

— Ну... то есть да... — смущенно протянул Кейлаш. Чувствовалось, что собственные воспоминания вызывали у него все большее сомнение. — Мы снаружи их привязали...

— Когда я подошел, — сказал Конан очень серьезно, — там не было никаких лошадей.

Кезанкиец слегка побледнел. И некоторое время размышлял о случившемся, прежде чем заговорить.

— Разумному человеку, — сказал он наконец, — незачем впутываться в дела жрецов и волшебников!

Широко улыбаясь, он потянулся за кружкой. Конан поднял свою — и согласно кивнул.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава первая. ПРОИСШЕСТВИЕ В «ЭФЕСЕ»	11
Глава вторая. ПАУТИНА ЗАГОВОРА	36
Глава третья. ЦЕЛИТЕЛЬ И ВОИН	56
Глава четвертая. КОРОЛЬ ЭЛЬДРАН	77
Глава пятая. КРОМЕШНЫЙ УЖАС	96
Глава шестая. ЯД И ПРЕДАТЕЛЬСТВО	112
Глава седьмая. ЗЕРЦАЛО ЯСНОВИДЕНИЯ	132
Глава восьмая. КРЫСОЛОВКА	160
Глава девятая. НАСЛЕДНИК КСУОКВЕЛОСА	181
Глава десятая. ТЕНЬ И КАМЕНЬ	201
Глава одиннадцатая. АЛЫЙ КОРИДОР	225
Глава двенадцатая. ШАН-И-СОРХ	246
Глава тринадцатая. ТАРГОЛ	261
Глава четырнадцатая. НА ЮГ!	276
Глава пятнадцатая. ИННАСФАЛН	290
Глава шестнадцатая. ПРОЩАНИЕ	314
Глава семнадцатая. ПУТЬ ЗМЕЯ	332
Глава восемнадцатая. СПЯЩИЙ В ПЕСКАХ	350
Глава девятнадцатая. ГОНКА	366
Глава двадцатая. ...И НЕ ОСТАЛОСЬ НИЧЕГО	381
Глава двадцать первая. СЧАСТЛИВО, ДРУГ!.....	405

Мур Шон

M91 Конан идет по следу: Роман/Пер. с англ.
Г. А. Трубицыной. — СПб.: Терра—Азбука,
1995.— 416 с.

ISBN 5-300-00051-5

Один из лучших романов о Конане, написанных в
прошлом году.

Стань Частью Легенды!

Издательство "Азбука"
начинает почтовую игру

ХАЙБОРИЙСКАЯ ВИКТОРИНА.

Для участия в викторине Вам необходимо ответить на пять нижеперечисленных вопросов и выслать ответы по адресу издательства не позднее 1 сентября.

Для победителей мы приготовили призы с хайборийской символикой: майки, плакаты, значки.

Абсолютный чемпион викторины будет получать бесплатно в течение года все сигнальные экземпляры сериала о Конане-Варваре.

Вопросы викторины:

1. Как звали отца и мать Конана?
2. Назовите первое произведение, где появляется Конан. Кто автор этого произведения?
3. Какая часть Хайбории связана с Россией?
4. Какой народ живет на этой земле?
4. Назовите главную магическую книгу хайборийской эпохи.
5. Где Конан добыл свой меч? Назовите две версии.

Желаем удачи!

Ответы прсылайте по адресу:
198147, Санкт-Петербург, ул. Бронницкая, 17.
Издательство "Азбука"

**Не пропустите следующие выпуски сериала о Конане,
которые выходят в ближайшее время:**

Пол Андерсон "Конан и секира света"

Роланд Грин "Конан против звездного братства"

Леонард Карпентер "Конан на дороге войны"

Литературно-художественное
издание

Шон Мур

КОНАН
ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Перевод с английского
Г. Трубицкой

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Редактор
Вадим Назаров

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

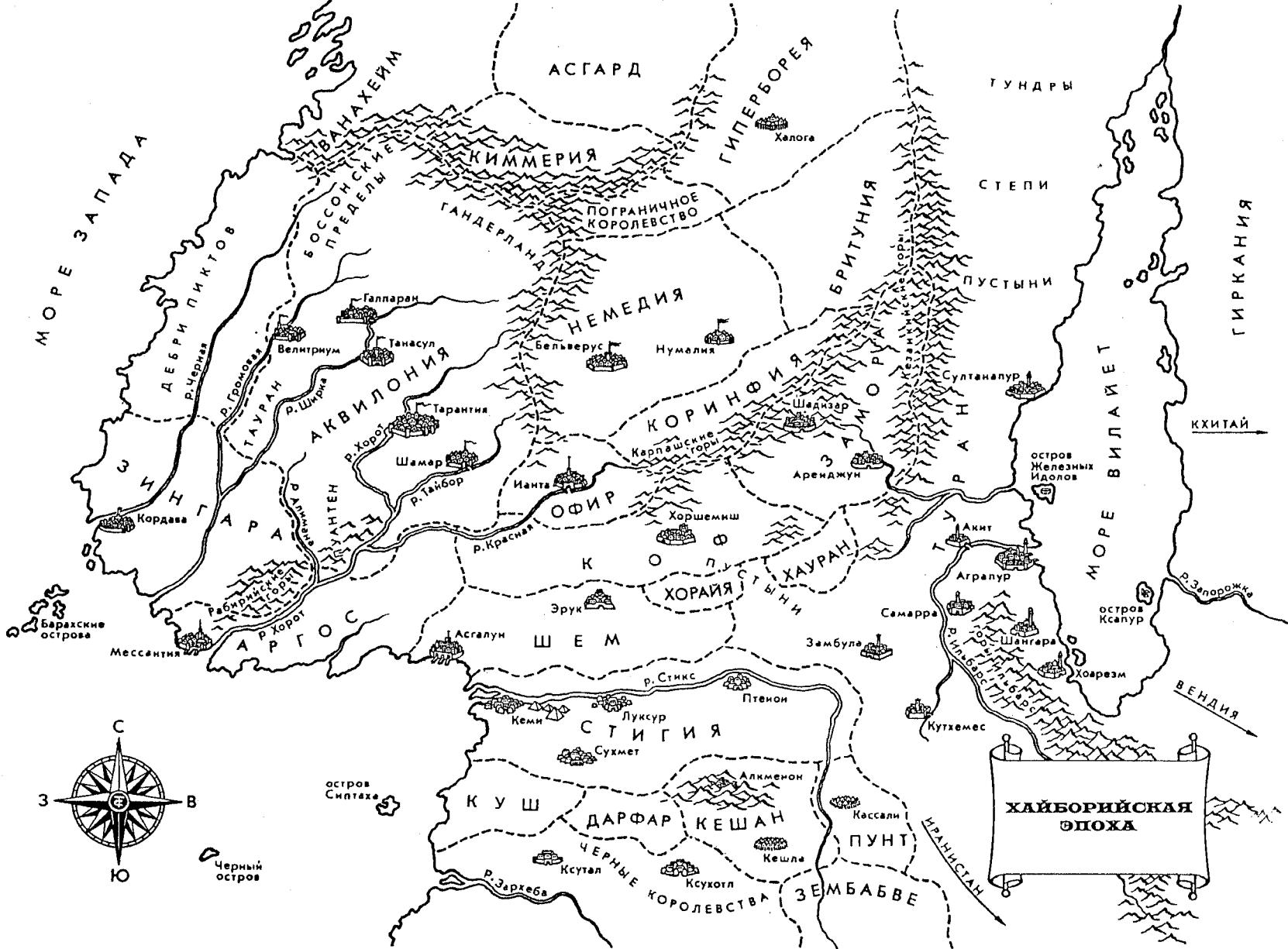
Корректоры
Татьяна Виноградова
Елена Шнитникова

Верстка
Дмитрий Положенцев

Подписано в печать с оригинал-макета 28.04.95.
Формат издания 70×100¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Тираж 25 000. Усл. печ. л. 16,8. Изд. № 51. Заказ № 1199.

Издательство «Азбука».
198147, Санкт-Петербург, Бронницкая ул., д. 17.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

CONAN

Все началось, когда Конан купил
у заморанского вора
драгоценный браслет —
в подарок своей нынешней возлюбленной.
Браслет оказался не простой безделушкой,
его сняли с жестоко убитой
несколькими днями раньше
единственной дочери короля Бритунии.
Чтобы спастись от неминуемой казни,
Конан, проклиная судьбу,
отправляется на поиски настоящих убийц,
следы которых ведут
к служителям древнего темного культа.
Слуги зла плетут интриги
против королевского рода,
даже не подозревая о том, что

КОНАН

ИДЕТ
ПО СЛЕДУ